

1994

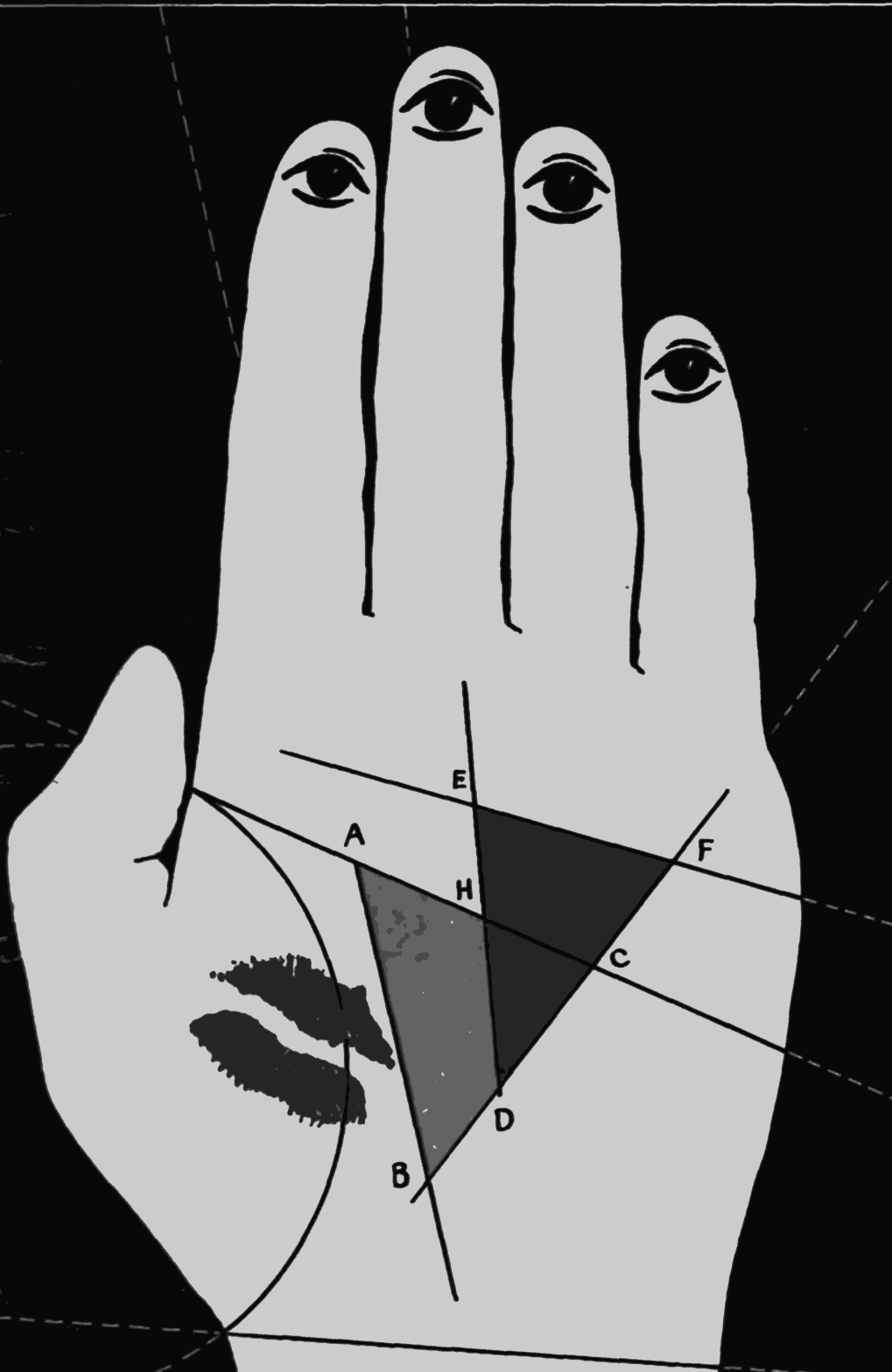
ЕСИ

ЖУРНАЛ

ФАНТАСТИКИ

&

ФУТУРОЛОГИИ

ГАРРИ ГАРРИСОН*КАПИТАН
БОРК***КЛИФФОРД САЙМАК***ЗЛОВЕЩИЙ
КРАТЕР
ТИХО***НОРМАН СПИГРАД***СХВАТКА***ПИТЕР ФИЛЛИПС***СОН —
ДЕЛО СВЯТОЕ*

10

ИЗДАТЕЛЬ
«МОСКОВСКИЕ НОВОСТИ»

10'94 (24)

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО –
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И НАУЧНО –
ПОПУЛЯРНЫЙ

ЕСИ

ЖУРНАЛ ФАНТАСТИКИ & ФУТУРОЛОГИИ

МОТИВ
УСЛОВИЯ
СБОР ДАННЫХ
ГИПОТЕЗА
ЭКСПЕРИМЕНТ
РЕЗУЛЬТАТ

Ричард Маккенна. Страна мечты. Повесть.	4
Борис Стругацкий. Теорема сотворения.	25
Гарри Гаррисон. Капитан Борк.	28
Игорь Царев. За гранью возможного.	32
Клиффорд Саймак. Зловещий кратер Тихо.	36
Норман Спинрад. Схватка.	52
Игорь Кветной. Диспетчер жизни.	56
Ким Стэнли Робинсон. Слепой геометр. Повесть.	60
Владимир Рогачев. Арсеналы XXI века.	78
Питер Филлипс. Сон – дело святое.	82
Наталия Сафронова. Играем Стриндберга?	90
Кингсли Эмис. Новые карты ада.	92

Редактор журнала:
Александр Шалганов.

Заместитель редактора:
Елена Босовская.

Редакция:
Валерия Галлай,
Владимир Губарев,
Михаил Комаровский,
Сергей Никифоров,
Наталия Сафронова,
Елена Сеславина,
Татьяна Сычева.

Иллюстрации:

Надежда Бальжак (Н. Спинрад),
Олег Васильев (К. С. Робинсон),
Ольга Дунаева (Р. Маккенна),
Александр Жабинский (П. Филлипс),
Александр Михайлов (К. Саймак),
Константин Рыбалко (Г. Гаррисон).

Верстка:

ООО «Апокриф».

Адрес редакции:
103829, ГСП, Москва, ул. Тверская, 16/2.
Телефоны: 200-25-08 (справочный),
209-17-07 (отдел распространения).

Сдано в набор 05.08.94. Сдано в печать 10.09.94.
Отпечатано в ИПК «Московская правда»,
123845, Москва, Д-22, ул. 1905 года, д. 7.
Усл. печ. л. 12,2. Уч. изд. 14,1. Тираж 49 тыс. экз.
В розницу цена свободная.
Заказ № 404

© «Если»

Перепечатка материалов допускается
только с разрешения редакции.

**Радиостанция «Юность»
«Молодежный канал»**

Если Вы трудитесь для людей,
то

Вас услышат

и

Вас поймут

миллионы слушателей
во всем мире

- Круглосуточное вещание
- Тематические передачи
- Возможность личного интервью с Вами

Ваши предложения услышат
через 2 часа,
после того как лично
Вы этого захотите.
Предложите
свои товары и услуги,
и Ваши предложения
обязательно
примут

Телефон: (095) 233-60-60

Факс: (095) 233-62-44

Телекс: 411136 RADIO SU

ДВ — 153 кГц,
СВ — 792 кГц,
УКВ — 68,8 МГц

МОТИВ

Ричард Маккенна
Страна мечты

У

тром пятого дня Кинросс проснулся с твердым убеждением, что до заката солнца один из них обязательно будет съеден. Интересно, как это произойдет? — мелькнула мысль.

Моряки спорили об этом вчера весь день, переругиваясь хриплыми от жажды голосами. Восемь волей случая спасшихся моряков, они плыли на баркасе, потерявшем управление, по волнам Индийского океана без питьевой воды и провизии. Их корабль «Иксион» водоизмещением в 6000 тонн, перевозивший контрабандный груз оружия, взорвался и затонул в течение десяти минут.

Толстяк Джон Крюгер, служивший на судне радистом, не успел послать сигнал бедствия. Четыре дня под палящим солнцем у тропика Козерога, вдали от торговых путей и в тысяче миль от земли, почти без надежды на спасение они дрейфовали на баркасе. Времени для мрачных раздумий у них было в избытке.

Кинросс, худой и изможденный, в линиях комбинезона инженера-механика, обвел взглядом своих товарищей по несчастью. Они лежали в тех же позах, что и вчера. Одни спали, другие делали вид, что спят. Заросшие щетиной лица, потрескавшиеся губы и запавшие глаза. Кинросс знал, как они себя чувствуют. Натянута кожа, одеревенелый язык, прилипший к шершавому небу, пересохшая глотка, дыхание с присвистом. Каждая клеточка организма молила о влаге.

— Жажда гораздо хуже боли, — подумал он. Ее невозможно преодолеть. Сама по себе жажда прекратиться не может. Вчера они переступили последний рубеж, и сегодня настал критический день.

Фей, коротышка, лицом напоминающий крысу, завел разговор об этом вчера.

— Если сварить человеческое мясо в соленой воде, — сказал он, — то оно впитает в себя всю соль, и получится бульон, вполне пригодный для питья. Кинросс вспомнил старые морские байки, которые он слышал, когда впервые вышел в море, много лет тому назад. Но тогда моряки просто пугали друг друга. Сейчас же смерть была рядом. Девятым пассажиром в баркасе.

— Помолчи лучше, — напустился швед Кербек. — Если надо кого сожрать, то ты первый на очереди.

Кинросс перевел взгляд на гиганта Кербека, который сидел на корме, держась своей огромной

ручищей за бесполезный румпель. На нем были белая майка и штаны из саржи. Глаза закрыты. Радист Крюгер почти все время спал, сложив на толстом животе пухлые руки. Он не принимал участия в спорах, лишь иногда, очнувшись, смачивал носовой платок, которым накрывал свою лысую голову.

— Нет, меня вы есть не будете, — хрипло сказал Фей. — Я также против жребия. Давайте просто выберем того, по чьей вине мы очутились в таком положении.

Фей обвинил Кербека в том, что тот не позаботился о запасе провианта на баркасе. Швед горячо возражал, утверждая, что в Моссамедеше он лично проверял запасы еды и питья. Кинросса Фей обвинил в том, что мотор у баркаса оказался неисправен. У Кинросса даже мурашки побежали по коже, но он ответил, что за два дня до крушения мотор работал нормально и аккумулятор был в норме. Тогда Фей набросился на Крюгера: тот не послал сигнал бедствия. Крюгер объяснил, что его отбросило взрывной волной от передатчика и что, если бы он сразу не принялся спускать на воду баркас, наверняка никто бы из них не спасся.

Кинросс посмотрел на Фей, спящего рядом с неисправным мотором. С другой стороны мотора спал Бо-Бо, огромного роста сенегалец, одетый в шорты. Вчера Кинроссу показалось, что Фей и мускулистый негр о чем-то договорились. Слушая упреки, которые всем им бросал Фей, Бо-Бо многозначительно кивал головой.

Крюгер не поддался на угрозы.

— Только попробуйте тронуть кого-нибудь из нас, — монотонным голосом произнес он, — и мы троим дадим вам отпор.

Кербек кивнул и взял в руки тяжелый румпель.

Фей растерялся, и Крюгер воспользовался этим.

— Почему бы тебе, Фей, не выбрать кого-то одного? Кто у нас прожил дольше всего? Выбери самого старого!

Сильва, пучеглазый португалец с морщинистым лицом, громко запротестовал. Сидевший рядом с ним крепко сбитый мексиканец по имени Гарсия хрипло рассмеялся.

— Хорошо. Кто из нас умрет быстрее всех? Выбери самого слабого, — сказал Крюгер. — Выбери Вилейна.

Сидевший в носовой части баркаса Вилейн, собрав последние силы, шепотом молил о пощаде. Вспоминая о вчерашнем дне, Кинросс смотрел на распластанные тела мужчин. Казалось, мексиканец стал частью баркаса, повторяя все его движения, когда тот поднимался и опускался на волнах. Истощенного португальца качало из стороны в сторону.

Последнее слово оказалось за Гарсией.

— Ты проиграл, Фей. Придется тебе тянуть жребий вместе со всеми.

Трое мужчин на корме проголосовали против жеребьевки, но согласились подчиниться большинству. Затем Крюгер стал возражать против каждого предлагаемого способа, показывая, каким образом можно жульничать в том или ином случае. День так и закончился спорами. Кинросс подумал, какими внятными и ясными были слова Крюгера по сравнению с тем, что хрипло произносили остальные моряки. Словно ему удалось сохранить бодрость и присутствие духа.

Перед самым закатом, когда они решили отложить все на завтра, а Сильва перебирал пальцами четки, моля о дожде, юный Вилейн увидел зеленые поля. Он поднялся во весь рост, громко возвещая о своем открытии, но тут же упал за борт и камнем пошел ко дну.

— Вот видишь, Крюгер, — злобно просипел Фей, — твои шансы спасти свое жирное пузо стали еще меньше.

Кинросс почувствовал, как утреннее солнце начинает нещадно жечь высохшие глаза, а жажда лишает его всякого разума. Он знал, что сегодня настал последний день и хотел, чтобы смерть пришла как можно скорее. Он поднял голову и увидел, что мексиканец уставился на него из-под воспаленных век.

— Я знаю, о чем ты думаешь, Кинросс, — сказал он, и его слова разбудили остальных моряков. Они зашевелились, медленно отходя ото сна.

Малыш Фей взял инициативу в свои руки.

— Все, хватит спорить, — заявил он. — Давайте тянуть жребий или до захода солнца никого из нас не останется в живых.

Крюгер согласился. Он вытащил из кармана несколько шиллингов и передал их товарищам, чтобы каждый мог внимательно рассмотреть монеты. Только на одной из них был изображен Георг Пятый.

— Завяжите глаза Бо-Бо, так как он самый глупый, — предложил Крюгер, — и пусть он по очереди вытаскивает монеты из ведра. А Фей пусть сядет рядом с ним спиной к спине и выкрикивает имя каждый раз, как только тот вытащит монету. Кому достанется борода, на того и падет жребий.

Все согласились с таким предложением. Сильва попросил, чтобы ему дали немного времени помолиться, и Фей презрительно усмехнулся. Коротышка уселся на кожух мотора спиной к Бо-Бо и окинул всех остальных оценивающим взглядом. Кинросс прочел в его взгляде неприкрытое и злобное торжество.

— По закону средних чисел, — подумал Кинросс, — жертва окажется в середине. Номер три или четыре. Впрочем, все это глупость.

Очевидно, Фей рассуждал точно так же. Когда негр неловким движением вытащил первую монету и спросил «Кому?», Фей тут же ответил «Мне». Это оказалась королева, и Кинросс возненавидел коротышку.

Следующую монету Фей отдал Бо-Бо, и черный гигант облегченно вздохнул. Третья монета, и Кинросс затаил дыхание. Фей присудил ее Кербеку, и шведу тоже повезло.

Настал черед четвертой монеты, и Фей выкрикнул «Кинросс!» Инженер заморгал, напрягая воспаленные глаза, чтобы рассмотреть монету в руке негра. Сначала он увидел просветлевшее лицо Сильвы, а потом уже — изображение бородатого короля.

Все, кроме Фей и Бо-Бо, старались не встречаться с ним глазами. Кинросс не мог понять, что чувствует. Сначала пришла мысль: «Вот и конец всем мучениям», а потом — «По крайней мере, я умру чистым». Но злило, что все вышло так, как и замышлял Фей.

Фей раскрыл складной нож и подвинул к себе ведро.

— Держи его крепче, Бо-Бо, — приказал он. — Ни одна капля крови не должна пропасть зря.

— Черт тебя побери, Фей! — воскликнул Кинросс. — Я пока еще жив. Черты его лица заострились, а кадык задергался. — Оглушите меня сначала, — взмолился он. — Кербек, ударь меня по голове румпелем.

— Ладно, — угрюмо ответил швед, отведя глаза в сторону. — Тебе, Фей, придется подождать.

— Если вы послушаете меня, — внезапно сказал Крюгер, — то я вам расскажу, каким способом мы

можем получить сколько угодно пресной воды через несколько секунд, и никому для этого не придется умирать.

Его голос звучал так властно и притягательно, что все невольно повернулись к радисту.

Все с подозрением смотрели на Крюгера, втайне ненавидя его за то, что он, казалось, ничуть не страдал от жажды. Кинросс почувствовал, что появилась надежда избежать уготованной ему участи.

— Это действительно так, — горячо сказал Крюгер. — Холодная пресная вода. Много холодной воды. Она ждет нас. И мы можем получить ее, если вспомним одну небольшую вещь, о которой давно позабыли. Вчера вы чувствовали ее весь день. И чувствуете сегодня.

Моряки в полном недоумении смотрели на радиста. Фей провел большим пальцем по лезвию складного ножа.

— Ты рехнулся, Крюгер, — злобно сказал Гарсия. — Твой гироскоп заклинило!

— Нет, Гарсия, — спокойно ответил Крюгер. — Мой рассудок ясен как никогда. Я знал об этом все время, даже еще до того, как взорвался наш корабль. Я просто ждал, когда наступит подходящий момент. Я спал. Я старался не шевелиться и не разговаривать, чтобы не истратить драгоценные силы. Теперь я могу говорить. Мы на месте. Час пробил. Вы ведь чувствуете это, не правда ли?

Ясный и уверенный голос Крюгера был похож на журчание ручья, текущего по каменистому дну. Он встал и сделал несколько шагов к шестерым морякам, сгрудившимся возле мотора. Кинросс отметил, что его седые волосы причесаны, а под складками жира на лице угадываются мускулы.

— Я расскажу вам одну историю, чтобы вы смогли меня понять, — продолжал Крюгер. — Много лет тому назад среди холмов Тибести в Африке группа солдат сбилась с пути. Они умирали от жажды, как мы сейчас. После долгих дней скитаний, они вышли к каменистой долине, усеянной высохшими костями. Там стояли две большие скалы, похожие на гигантские колонны. Что-то произошло вдруг, и солдаты прошли между двумя скалами, оказавшись в совершенно ином мире, где были зеленые деревья и прохладная вода. Все они остались в живых, а некоторые даже вернулись обратно.

— Где-то я уже слышал такое, — пробормотал Кинросс.

Фей злобно мотнул головой.

— Врешь, Кинросс! Ты пытаешься спасти свою шкуру! Крюгер жлет!

— Я никогда не верил в эту историю, — тихо ответил Кинросс. — Не верю в нее и сейчас.

— Зато я в нее верю, — резко заметил Крюгер. — Я знаю, что это случилось на самом деле. Я был там, заглядывал в другой мир.

— Перестань молоть чушь, Крюгер! — прохрипел Гарсия. — Откуда может появиться другой мир? И как ты мог туда попасть?

— Я не попал туда, Гарсия. Я только видел и слышал его, но когда я попытался в него войти, все вокруг померкло.

— Тогда какой прок...

— Подожди. Дай мне закончить. Мне не доставало того, что есть у нас сейчас. Я был один, и меня не мучила жажда. К тому же я не мог полностью поверить в то, что я видел и слышал.

— Тогда как же...

— Не спешите. Я сейчас все объясню. Поверьте мне, Гарсия, и все остальные. Нас здесь семеро, и на

многие тысячи миль нет больше ни одной живой души. Наши страдания настолько велики, что мы уже не в состоянии их больше выдержать. Но мы можем верить. Мы должны поверить, иначе мы умрем. Доверьтесь мне. Я знаю, что это правда.

Мексиканец почесал заросший щетиной подбородок.

— Крюгер, — медленно произнес он. — Я думаю, ты такой же псих, как и Вилейн.

— Вилейн не был психом, — ответил Крюгер. — Он просто был слишком юн и не мог больше терпеть. Он увидел зеленые луга. Поверьте же мне сейчас: если бы мы все увидели зеленые луга в тот момент, когда их увидел Вилейн, мы бы уже сейчас находились там!

— Ну да, — ухмыльнулся Кербек. — Разгуливали бы по ним, как Вилейн сейчас.

— Мы убили Вилейна! Неужели вы этого не понимаете? Мы убили его, потому что не поверили в то, что он увидел. Потому что думали, что это неправда, — с жаром сказал Крюгер.

— Похоже, я начинаю тебя понимать, Крюгер, — медленно произнес Гарсия.

— А я отказываюсь в это верить, — заявил Кинросс. — Вы просто погибнете в результате массовой галлюцинации.

— Я хочу, чтобы мы жили в массовой галлюцинации. Мы можем это сделать. Мы должны это сделать, чтобы избежать неминуемой смерти. Поверьте, я знаю, как это сделать.

— Ты хочешь, чтобы мы забылись счастливым сном и не почувствовали, когда придет конец?

— Черт тебя побери, Кинросс. Ты более или менее образованный человек, поэтому тебе так нелегко в это поверить. Но вот что я тебе хочу сказать. Весь этот мир, этот Индийский океан — тоже галлюцинация. Человеческая раса строила свой мир в течение миллиона лет, приучая себя видеть его и верить в него. Таким образом они делали его крепким и прочным. Чтобы никакие потрясения не могли разрушить его. Это как сон, который никогда не кончается. Но, поверь мне, Кинросс, мы можем закончить этот кошмар, доверься мне. Я знаю, как это можно сделать.

«Какой я дурак, что спорю с Крюгером. По крайней мере, это отсрочит мою смерть на какое-то время». А вслух Кинросс произнес:

— Что сказать по этому поводу? В мыслях мы можем добиться чего угодно. Но превратить это в реальность невозможно.

— Потому что надо прекратить болтовню и начать действовать! Как это сделали солдаты в Тибести.

— Это всего лишь миф. Романтическая легенда.

— Это было. Я был там. Я все видел и все слышал. Это случилось давным-давно, еще до Римской империи, когда паутина мира была не так тесно сплетена, как сейчас. Тогда было меньше таких людей как ты, Кинросс.

— Крюгер, — вмешался в разговор Кербек. — Я сам когда-то слышал эту историю. Ты действительно веришь в это, Крюгер?

— Да, я уверен, что это абсолютная правда. Я знаю это!

— Я с тобой, Крюгер, — твердым голосом произнес швед.

— Я тоже хочу тебе поверить, — сказал Гарсия.

— Продолжай, Крюгер.

И уверенный, ровный голос Крюгера снова зазвучал в их ушах.

— Ты, Кинросс, единственный барьер на моем пути. Ты — инженер. Твой мозг привык работать с

логарифмической линейкой и уравнениями. Ты держи всех нас здесь. Ты должен поверить, иначе мы перережем тебе глотку и попробуем вшестером. Я говорю серьезно.

— Я хочу верить твоим словам, Крюгер. Но логика мешает мне. Продолжай. Помогите мне поверить тебе.

— Хорошо. Вы уже все это знаете. Вы не учитесь чему-то новому. Вы просто пытаетесь вспомнить нечто такое, что вас заставили забыть. Слушайте меня внимательно. Иногда реальный мир дает трещину. Этому были свидетелями индейцы, потерявшиеся в джунглях, святые в Тебской пустыне, мученики на кострах. Это всегда связано с лишениями, с невыносимой болью, что испытываем мы сейчас. Что испытал вчера Вилейн. Но мир излечивает себя. Трещины затягиваются. Это делается при помощи людей, хотя они не могут в это поверить. Именно потому вы убили вчера Вилейна.

Люди — вот на чем держится мир. Их с колыбели учат сохранять его таким, каков он есть. Наш язык — это скелет мира. Слова, которые мы произносим — это кирпичи, из которых мы строим тюрьму. И в этой тюрьме мы умираем от жажды и становимся каннибалами. Ты понимаешь, о чем я говорю, Кинросс?

— Да, но...

— Никаких «но». Слушай. Мы находимся здесь — 18 градусов южной широты, 82 градуса восточной долготы — семь человек посреди десяти миллионов квадратных километров пустоты. Здесь поле реальности очень слабое. Это самая тонкая граница мира, Кинросс, неужели ты никак не можешь этого понять? Мы достигли предела своей выносливости. Нам все равно, распадется ли мир на тысячи частей, если мы сможем вырваться отсюда, спасти свои жизни, напиться холодной воды...

Кинросс почувствовал, как по спине у него побежали мурашки.

— Подожди, — сказал он. — Мне не безразлично, что мир погибнет...

— А! Ты начинаешь верить! — торжествующе воскликнул Крюгер. — Несмотря на сомнения. Хорошо. Поверь мне, Кинросс. Я посвятил изучению этого феномена более половины своей жизни. Мы не причиним никакого вреда остальному миру, если перейдем границу реальности. Мы сделаем в оболочке мира лишь небольшое отверстие — как в Тибести, — но его никто никогда не обнаружит.

Старый португалец, подняв к небу свои иссохшие руки, пытался что-то сказать, но из его пересохшего горла доносились лишь клокотания. Наконец он обрел голос:

— Я знаю историю про Тибести, Крюгер. Мои предки жили в Могадоре на протяжении шести столетий. Берберы рассказывали эту историю. Это святотатство.

— Но это правда, Сильва, — мягко возразил Крюгер. — Вот что самое главное. Мы все знаем, что это правда.

— Ты хочешь совершить богопротивное дело. Господь не допустит этого. Мы потеряем наши души.

— Мы сами будем распоряжаться нашими душами, Сильва. Именно это я пытался доказать Кинроссу. Божья власть слишком слаба на этих градусах широты и долготы.

— Нет, нет! — запричитал старик. — Лучше помолимся, чтобы Бог совершил святое чудо. Пришлет нам корабль или дождь...

— Все, что спасет мою жизнь, я готов считать самым святым чудом, — заявил Гарсия. — Крюгер

прав, Сильва. Я мысленно противился всем молитвам, которые ты возносил Богу за последние четыре дня. Для нас это единственный выход, Сильва.

— Слышишь, Кинросс? — спросил Крюгер. — Они верят. Они готовы. Они больше не могут ждать.

— Я верю, — с трудом сглотнув, ответил Кинросс, — но мне этого недостаточно. Я должен знать, как мы это сделаем. Пусть это будет черная магия, но что мы должны говорить, что думать?

— Никаких слов. Никаких мыслей. Нам требуется действие. Действие без названия. Я знаю, что беспокоит тебя, Кинросс. Слушай же меня внимательно. Дело в том, что групповой гипноз и массовая галлюцинация — это повседневные явления в нашем реальном мире. Но здесь — самая тонкая оболочка этого мира. Здесь нет многочисленных скоплений людей, которые удерживают мир в границах реальности. Наша галлюцинация станет для нас реальным миром, где есть вода, фрукты и трава. Вот уже несколько дней мы чувствовали их вокруг себя. Этот мир ждет нас...

Моряки, стоящие вокруг Кинросса, что-то бормотали возбужденными голосами. В воздухе витал дух ожидания.

— Я верю, Крюгер. Теперь я в это верю. Но откуда ты знаешь, что это будет за мир...

— Черт возьми, Кинросс! Рядом с нами находится потенциал этого мира. Мы сами будем его творцами, и в нем будет только то, что захочется иметь нам. Мы сможем воплотить все наши мечты. Зеленый мир мечты...

— Ну, сказал Кербек. — Зеленый мир мечты. Я хочу туда. Давай быстрее, Кинросс!

— Я готов, — решительно ответил Кинросс. — Я, действительно, готов.

— Хорошо, — произнес Кинросс. — Сейчас мы шагнем в наш собственный мир, где нас ждет прохладная и пресная вода. Ложитесь на дно и постарайтесь полностью расслабиться.

Кинросс лег рядом с Кербек, который растянулся возле кормы. Крюгер остался стоять, и его лунообразное лицо казалось высеченным из гранита. Его тело покачивалось в ритм движению плывущего по волнам баркаса.

— Отдыхайте, — сказал он. — Постарайтесь расслабиться и ни о чем не думать. Ты, Кинросс, не должен смотреть на себя. Расслабь все свои мышцы. Сейчас вы почувствуете, как ваши тела наливаются тяжестью. Они становятся такими невыносимо тяжелыми, что готовы проломить деревянное дно. Вы не сопротивляетесь этому чувству...

Кинросс почувствовал, как его руки и ноги наливаются свинцом. Голос Крюгера доносился теперь откуда-то издалека, но слова были ясными и понятными. Голос звучал, не замолкая ни на секунду.

— По вашему телу растекается блаженство. Боль уходит. Страх уходит... Все дальше и дальше. Вы счастливы... Вы уверены в себе... Вы верите мне, потому что я знаю все...

Кинросс вдруг перестал чувствовать свое тело. Оно как бы парило в воздухе, подчиняясь мягкому пульсированию волн и журчащему голосу Крюгера.

— ... умиротворение и покой... Ваши тела так расслаблены, что вы даже не можете шевельнуть веком, как бы ни старались это сделать... Ваши руки парят перед вами, и вы не в силах их опустить... КИНРОСС! Попробуй опустить свою руку! Старайся изо всех сил!

Краем глаза Кинросс увидел парящую перед ним руку. Он чувствовал, что это должна быть его собственная рука. Он попытался шевельнуть ею, но она не слушалась. Перед глазами клубился туман...

Сначала он увидел Крюгера далеко-далеко, как если бы он смотрел в телескоп наоборот. Затем толстяк стал приближаться, и его тело стало расплывчатым, заполнив все небо. А голос наоборот угасал, становясь все тише и тише. Потом его фигура снова резко ушла вдаль...

—...ваши руки опускаются... Они покоятся на деревянном днище... Вы полностью расслаблены... Вы почти готовы... Оставайтесь расслабленными до тех пор, пока я не подам вам сигнал. СЛУШАЙТЕ ТЕПЕРЬ! Сейчас я хлопну в ладоши и скажу: «Действуйте». Вы будете знать, что делать и как делать. И все вместе сделаете это... Вы возьмете меня с собой... Каждый из вас возьмет меня с собой... Помните это! Даже если вы ослепнете, даже если вы оглохнете, вы все равно будете помнить это!

—... море исчезло. Небо исчезло. Остался только баркас и серый туман. КИНРОСС, что ты видишь?

Клубился серый туман, чернел баркас, больше никакого другого цвета... Ритмические пульсации прекратились. Лишь голос Крюгера журчал вдали. И тут послышался другой голос:

— Я вижу вокруг только серый туман. — Это его собственный голос.

— Серый туман вокруг, и в этом тумане есть только одна вещь. Что за вещь ты видишь, Сильва?

— Лицо. Я вижу лицо.

— Фей, ты видишь лицо. Опиши это лицо.

— Это гигантское лицо. Оно больше, чем наш баркас. Оно непроницаемо.

— Кербек, ты видишь лицо. Какой оно формы?

— Круглое и толстое. Небольшая борода.

— Гарсия, ты видишь лицо. Какие цвета ты различаешь?

— Глаза голубые. Волосы почти белые. Кожа гладкая и белая. Губы узкие и красные.

— КИНРОСС, ты видишь лицо. Опиши его детально.

— Брови тонкие, аркообразные. Белые брови на белом лице. Широкий лоб. Выпирающие щеки. Плоский нос. Раздутые ноздри. Широкий рот. Узкие губы.

— Бо-Бо, ты видишь лицо. Кто это, Бо-Бо, скажи нам?

— Это ты, босс Крюгер.

— Да, — ответило лицо, шевеля огромными губами. — Теперь вы готовы, теперь вы совсем близко. Помните о сигнале. Вы позволите мне управлять вашими телами. А теперь я сделаю то, что ни один человек не сможет сделать сам, я освобожу вас. Помните о сигнале. Помните, что я вам приказал.

Вас мучает жажда. Жажда сжимает ваше горло, ее когти разрывают вас изнутри. Вы должны напиться. Вам все равно, что пить. Вы можете выпить кровь своих родителей или кровь своих детей, вам это безразлично. Вода, холодная, влажная. Журчащие реки холодной воды. Они вокруг вас. Зеленая трава, деревья и вода. Все это ждет вас.

Вы уже знаете, как получить все это. Вы всегда об этом знали, а теперь вы помните, что вы это знаете. Вы готовы к моему сигналу. Действуйте все вместе и возьмите меня с собой. Ни в словах, ни в мыслях, ни в образах, а в том, что гораздо глубже. Вы знаете об этом. Перед словом, перед мыслью было дело.

Огромный рот произнес последнее слово. Туман за клубился быстрее, и Кинросс парил в нем, чувствуя невыносимую жажду. Блеснули голубые вспышки глаз, и Лицо произнесло:

— ВНАЧАЛЕ БЫЛО ДЕЛО!

Последнее слово прозвучало раскатом грома. Зеленые молнии мелькнули в зияющей пропасти

рта, который становился все шире и шире, пока не заслонил собой все пространство. Зеленые молнии застыли, превращаясь в деревья, мшистые скалы, журчащий ручей...

С трудом передвигая непослушное и отяжелевшее тело, Кинросс пополз на этот звук и внезапно услышал ласкающий плеск воды.

Кинросс жадно пил воду. Прохлада и свежесть окутали его тело. Терзавший его огонь угас. Он видел, как остальные тоже стояли на коленях возле ручья, который бежал меж гладких камней. На дне белел чистый песок. Внезапно Кинросс почувствовал непреодолимую усталость. Он снова напился, лег на мягкую траву у ручья и заснул.

Когда он проснулся, то увидел Гарсию, который ел бананы. Мексиканец протянул ему несколько штук. Поедая фрукты, Кинросс осмотрелся. Ровная поверхность тянулась ярдов на десять по обе стороны ручья, а потом берега резко поднимались вверх футов на сто. В рассеянном свете виднелись зеленая трава и темные деревья вдали. Цвета были тусклыми, однородными. На поверхности земли не было никаких неровностей. Деревья казались расплывчатым пятном, которое постоянно ускользало от прямого взгляда. Трава тоже имела какие-то неопределенные очертания. Кинроссу показалось, что у него неладно с глазами. Но ведь Гарсию он видел нормально.

Кинросс несколько раз мотнул головой и заморгал. Гарсия прищелкнул языком.

— Пусть тебя это не волнует, — сказал он. — Лишнее любопытство тут ни к чему.

— Ничего не могу с собой поделать, — ответил Кинросс и внезапно увидел недалеко от себя лежавшего Крюгера.

— Пошли разбудим его, — предложил он мексиканцу.

— Уже пробовал, — ответил тот. — Он и не мертвый, и не живой. Пойди сам посмотри.

У Кинросса екнуло сердце. Они нуждались в Крюгере. Он встал и, подойдя к телу, внимательно осмотрел его. Крюгер был теплым, но ни на что не реагировал. Кинросс покачал головой.

Внезапно со стороны кустов, видневшихся на том берегу ручья, послышались проклятия. Голос принадлежал Фей. Через минуту Кинросс увидел коротышку, семенящего рядом с огромным негром. В руках они несли папайи и плоды гуайабы.

— Крюгер все еще спит? — любопытствовал Фей. — Черт поberi его и весь его мир. Все, что я срываю, обязательно оказывается либо червивым, либо гнилым.

— Возьми мои бананы, — предложил Гарсия. Фей съел один и нехотя прожевал сквозь зубы «спасибо».

— Нам надо что-то решать с Крюгером, — сказал Кинросс. — Давайте проведем совет.

— Сильва! Кербек! Идите сюда! — позвал мексиканец.

Двое моряков подошли к берегу. Кербек ел большую репу, отрезая от нее куски складным ножом. Сильва перебирал свои четки.

— Я полагаю, что Крюгер находится в трансе, — сказал Кинросс. — Придется соорудить для него какой-нибудь шалаш.

— Здесь нет никакой погоды, — произнес Сильва. — Ни дня, ни ночи, ни теней. Это нечистое место. Оно не настоящее.

— Чепуха, — возразил Кинросс. — Оно вполне настоящее. — Он пнул носком землю, ни оставив на ней никакого следа.

— Нет! — воскликнул Сильва. — Здесь нет ничего

настоящего. Я не могу даже приблизиться к дереву. Они постоянно ускользают от меня.

Кербек и Фей согласно закивали.

— Давайте поймем дерево для Сильвы! — со смехом предложил Гарсия. — Вон то, маленькое. Окружим его и не будем спускать с него глаз, чтобы оно никуда не убежало!

Кинросс почувствовал, что все остальные уже столкнулись с необъяснимыми явлениями, и в душе у них появился страх, смешанный с восхищением. Одному Гарсии было все равно. Они окружили деревце, и Кинросс отчетливо видел Кербека, стоящего по другую сторону, но гладкий зеленый ствол все время ускользал от прямого взгляда.

— Мы поймали тебе дерево, Сильва, — сказал Гарсия. Иди сюда. Потрогай его. Понюхай его.

Сильва нерешительно приблизился к дереву. Морщины на его лице стали еще глубже, в глазах застыла настороженность, а губы что-то беззвучно шептали.

— Ты не часть меня, дерево, — наконец тихо произнес он. — Ты должно быть само по себе. Ты слишком гладкое и слишком зеленое.

Внезапно старик обнял дерево и принялся внимательно его рассматривать. Его голос звучал громче.

— Покажи мне твою кору, твои трещинки и неровности, твои сучки и наросты...

Безотчетный страх сковал Кинросса. Он услышал, как где-то вдали громыхнул раскат грома, и небо внезапно стало темнеть. Свет потускнел, и зеленые цвета стали серыми.

— Сильва, замолчи! — крикнул он.

— Хватит, Сильва, — испуганным голосом взмолился мексиканец.

— ... покажи мне твои червоточины, засохшую кору... — продолжал причитать Сильва.

Над их головами стал сгущаться туман. Блеснула яркая молния, и вдруг в небе раздался чистый, уверенный голос, звеневший, как серебро.

— Сильва, остановись! Прекрати или я ослеплю тебя!

— Будь ты проклят! — завопил португалец. — Я буду видеть твоими глазами!

— Сильва! Ослепни! — нараспев приказал серебряный голос.

Сильва внезапно замолчал и замер в нерешительности. Затем он закрыл свои глаза ладонями и закричал:

— Я ослеп! Друзья мои, я ничего не вижу! Все темно! Разве зашло солнце?

Дрожа, Кинросс подошел к старику. Туман медленно рассеялся.

— Не бойся, Сильва. Все будет хорошо, — попытался успокоить он старика, сотрясающегося в рыданиях.

— Голос, — тихо произнес Гарсия. — Я знаю этот голос.

— Да, — сказал Бо-Бо. — Это был босс Крюгер.

Кинросс и Гарсия согласились, что лучше ни к чему ни присматриваться. Другие настолько были напуганы происшедшим с Сильвой, что даже не поняли смысл запрета. Они и так старались никуда не смотреть. Фей предложил присмотреть за Сильвой и Крюгером, если остальные будут приносить ему еду. Все, что собирал он сам, оказывалось совершенно несъедобным.

— Кинросс, давай пройдемся, — предложил Гарсия. — Ты еще не все осмотрел.

Они пошли вниз по течению ручья.

— Что сейчас произошло? — спросил Гарсия.

— Не знаю, — ответил Кинросс. — Голос действи-

тельно принадлежал Крюгеру. Может, мы все еще находимся в баркасе, и все это нам просто снится.

— Если это так, я не хочу, чтобы этот сон заканчивался, — с чувством произнес мексиканец. — Но на самом деле все это не так. Я настоящий, а этот мир — нет. Когда я щиплю себя, мне больно. И желудок у меня работает нормально.

— У меня тоже, но на какое-то мгновение до меня донесся запах морской волны и дизельного масла. Сильва чуть не вернул нас обратно.

— Думаю, Крюгер поступил правильно, — медленно произнес мексиканец. — Но мне все равно жалко старика.

Некоторые время они молча шли вдоль ручья. Наконец Кинросс сказал:

— Мне так хочется яблок. Как ты думаешь, они тут растут?

— Конечно, — ответил Гарсия. — Вон там. — Перейдя через ручей, он указал на плоды, висевшие на ветке дерева. Это были большие красные яблоки без малейшего изъяна. Кинросс жадно съел несколько плодов, прежде чем заметил, что в них нет косточек. Он поделился своим открытием с мексиканцем.

— Не забывай, — напомнил ему Гарсия. — Мы договорились ни к чему не присматриваться.

— Что ж, по крайней мере они вкусные.

— Знаешь, что я тебе скажу. — Мексиканец внезапно остановился. — Здесь растет всего одно дерево. Как только ты хочешь его увидеть, оно тут же возникает где-то поблизости. Причем на нем растет именно то, что тебе нужно. Я обнаружил это, пока ты спал. Провел несколько экспериментов.

Кинросс внезапно почувствовал, как у него по спине пробежал холодок.

— Это может оказаться опасным, — осторожно сказал он.

— Я не стал пытаться сделать из одного дерева два, — успокоил его мексиканец. — Что-то подсказало мне, что мне не стоит слишком стараться.

— Я хотел сказать тебе еще кое о чем, — продолжил Гарсия, когда Кинросс ничего не ответил. — Но, думаю, лучше будет, если ты сам это обнаружишь. Давай заберемся на этот берег и посмотрим, что там наверху.

— Хорошая мысль, — согласился Кинросс и зашагал вперед.

Берег был пологим и плавно поднимался вверх. Кинросс добрался почти до середины, как вдруг с удивлением обнаружил, что оказался возле ручья. Проклиная свою невнимательность, он снова пошел в гору. Через несколько минут он оглянулся, чтобы посмотреть, как далеко он удалился, и изумился, оказавшись почти рядом с ручьем. Кинросс затравленно озирался по сторонам. Он забыл, откуда он начал свой путь.

— Брось это занятие, — посоветовал Гарсия. — Теперь ты это чувствуешь?

— Я что-то чувствую, но не понимаю, что именно...

— Может, ты чувствуешь, что потерялся? — спросил мексиканец.

— Нет, я пока ориентируюсь. Лагерь... Ну, там где находится Крюгер, в той стороне. — Кинросс показал вверх по течению.

— А, может, вниз по течению?

— Да нет, я прекрасно помню, — продолжал настаивать Кинросс.

— Ну что ж, иди обратно, и мы с тобой там встретимся, — сказал мексиканец, направляясь вниз по течению. — Не забудь отмечать путь по ориентирам, — бросил он через плечо.

Кинросс не мог отметить ни одного ориентира. Ничего не попадалось на пути.

Не успел он подойти к морьякам, стоявшим возле тела Крюгера, как увидел Гарсию, идущего с другого конца ручья.

— Гарсия, разве этот ручей течет по кругу? — удивленно воскликнул он.

— Нет, — ответил мексиканец. — Теперь-то ты это почувствовал? Весь этот мир умещается на небольшом клочке земли. Каждый раз, как только ты поднимаешься на берег, ты снова оказываешься возле ручья. В какую бы сторону ты ни пошел, ты снова вернешься к Крюгеру.

Проснувшись, Кинросс увидел Кербека, который умывался в ручье. Гарсия спал рядом, и Кинросс разбудил его.

— Что мы будем есть сегодня утром? — спросил он. — Папайю?

— Яичницу с беконом, — зевая, ответил мексиканец. — Давай найдем дерево, на котором растет яичница с беконом.

— Не шути так, — предупредил Кинросс. — Крюгеру может не понравиться.

— Ладно, папайя так папайя, — кивнул Гарсия. Он подошел к ручью и плеснул водой себе в лицо. Затем они оба направились в сторону небольшой долины.

— Что значит «сегодня утром»? Я и не припомню, чтобы была ночь.

— Кинросс! — позвал Гарсия.

— Что?

— Ты заметил, как внезапно потемнело?

— Да, но это просто ночь.

— Интересно, как наступит утро?

— Наступит ли оно вообще, — сказал Кинросс. — Мне кажется, что я не спал целую вечность.

Он искал забвения во сне.

— Просыпайся, Кинросс! — Гарсия тряс его за плечо. — Отличное утро для сбора папайи.

— Утро? — удивился Кинросс. — А я и не помню, чтобы была ночь.

— Нам надо поговорить, — хмуро предложил Гарсия. — Иначе мы будем лишь мычать, как Кербек или стонать, как Сильва.

— Сильва? Я думал, это ветер.

— В этом мире нет ветра, Кинросс.

Кинросс впился зубами в сочную мякоть папайи.

— Как ты думаешь, сколько мы уже тут? — спросил он у Гарсии.

— Порядком уже.

— Я не могу вспомнить ни одного целого дня. Сильва ослеп. Когда это случилось? Вчера? Кербек перестал разговаривать и стал петь. Это произошло вчера?

— Не знаю, — сказал мексиканец. — Похоже, все произошло вчера. Моя борода отросла на целый дюйм.

Кинросс провел себе рукой по подбородку. Щетина уже не кололась.

Он шел один вдоль ручья, как вдруг услышал шепот над головой.

— Кинросс, это я — Крюгер. Приди и поговори со мной.

Кинросс резко повернулся, но никого не увидел.

— Куда? — тоже шепотом спросил он.

— Просто иди, — шепнул ему сзади голос.

Кинросс стал подниматься на берег. Он шел медленно, смутно вспоминая свои первые неудач-

ные попытки взобраться наверх. Внезапно он обернулся. Ручей остался далеко внизу, частично скрытый нависающим берегом. В нескольких милях по другую сторону ручья симметрично поднимался противоположный берег.

Выйдя на равнинную поверхность, Кинросс продолжал идти по непонятной местности с размытыми силуэтами деревьев и кустарников серовато-зеленого цвета. Вскоре он увидел слева от себя небольшой холм, но голос прошептал: «Обойди справа». Кинросс так и сделал. Справа горизонт оказался почему-то ниже, но Кинросс решил не обращать на это внимания. Он продолжал идти. Удивительно, но он не чувствовал никакой усталости. Кинросс даже не мог определить, сколько времени он находился в пути. Ему еще несколько раз приходилось подниматься на небольшие возвышенности и снова спускаться. Слева земля, казалось, заканчивалась крутым обрывом. Скоро впереди замаячила гора зеленого цвета. Он стал подниматься по отвесному склону и вскоре добрался до вершины, откуда за стеной темного леса виднелась остроконечная гора черно-красного камня.

Кинросс направился в лес, но оказалось, что деревья закончились уже через полмили, уступив место пустыне. Земля ржаво-красного цвета была усеяна круглыми камнями размером с человеческую голову. Лавируя между валунами, Кинросс шел по слегка вибрирующей пустыне, пока не достиг основания горы. Подойдя ближе, он заметил возле вершины сеть трещин, указывающих на наличие кратера.

Поднявшись почти по вертикальному склону — вопреки закону тяготения — все с той же поразительной легкостью, что и раньше, Кинросс спустился в кратер.

— Я пришел, Крюгер.

Прямо над головой он услышал обычный голос Крюгера:

— Садись, Кинросс. Скажи, что ты обо всем этом думаешь.

Кинросс уселся на каменную поверхность, скрестив ноги.

— Думаю, что ты, Крюгер, руководишь всем этим спектаклем. Я думаю также, что ты — возможно — спас мою жизнь. Больше я ничего не думаю.

— Но тебе же хочется узнать обо мне гораздо больше? Так вот, некоторые правила установил я сам, остальные — просто обнаружил. Это крайне примитивный мир, Кинросс.

— Этот мир никогда не знал человека, Крюгер, — сказал Кинросс. — Ты увел нас слишком далеко.

— Ничего не поделаешь, другого выхода не было.

— Для меня ты всего лишь голос в воздухе. В каком виде ты ощущаешь себя сам?

— У меня есть тело, но, думаю, что оно существует лишь в моем собственном воображении. Я не могу оживить свое настоящее тело. Скорее всего, это результат того, что я не находился в глубоком трансе, когда мы пересекали границу.

— Тебе от этого хорошо или плохо?

— Трудно ответить однозначно. У меня огромная власть, но это также накладывает на меня огромную ответственность. Например, я вынужден оживлять этот мир, однако мои возможности ограничены. Поэтому я и установил табу — не смотреть пристально на окружающие вас вещи и не пытаться их использовать.

— А, значит, Сильва... — Ты можешь вернуть ему зрение?

— Его слепота — чисто функциональная. Но я не

стану снова делать его зрячим. Иначе он нас всех погубит. Он чуть все не испортил.

— Да, я тоже порядком испугался. Скажи, а что могло произойти, если?..

— Скорее всего, мы снова оказались бы в лодке.

— Значит, у тебя сейчас бестелесное существование, Крюгер?

— Нет. Как я тебе уже сказал, в моем воображении

— назови это галлюцинацией — я обладаю телом, которое кажется мне вполне реальным. Но я не могу пользоваться этим миром, как им пользуешься ты и все остальные. Кинросс, меня до сих пор мучает жажда, от которой мы страдали тогда в океане. Надеюсь, ты еще не забыл, что это такое. Я не могу избавиться от этой ужасной жажды, и я не могу ее больше выдерживать. Этот мир стал для меня адом.

— Господи! Крюгер, это же просто ужасно! Можем ли мы чем-то тебе помочь?

— В этом моя единственная надежда, Кинросс. Поэтому я и привел тебя сюда.

— Говори, что мы должны для тебя сделать.

— Я хочу ввести тебя в состояние глубочайшего гипноза, который не испытывал еще ни один человек. Я хочу, чтобы между нами образовалась тесная связь. Ты поделишься со мной своим телом, а я поделюсь с тобой властью над этим миром. Только тогда я смогу есть и пить.

— Предположим, что это возможно. Но что буду ощущать я?

— Ты сможешь творить этот мир. Я не могу описать тебе это чувство словами. Безумная радость.

— Нет, я имею в виду свое собственное тело. Кто знает, может, тогда и меня начнет мучить твоя жажда. И кто из нас будет в этом теле главным?

— Мы избавимся от жажды. Ты будешь сам управлять своим телом, а я сохраню главенство над этим миром.

Кинросс задумчиво почесал в затылке.

— Даже не знаю, что и сказать, — медленно произнес он. — Я опасаюсь тебя, Крюгер. Почему ты выбрал именно меня?

— Из-за твоего ума, Кинросс. — Ты — инженер. Мы должны создать естественные законы в этом мире, и только тогда я смогу отдохнуть. Мне нужен доступ к твоему видению мира, чтобы мы вместе смогли перенести его на эту землю.

— Я и так смогу тебе помочь.

— Да, сможешь, но этого недостаточно. Чтобы достигнуть полного взаимодействия, мне просто необходимо посмотреть на мир твоими глазами.

Но Кинросс уже принял решение.

— Нет, — твердо ответил он. — Поговори об этом с кем-нибудь другим. Кроме Гарсии и Сильвы, никто даже толком не знает, живы они или нет. Однако они могут есть и пить.

— Я уже много чего позаимствовал у них для строительства этого мира, как, впрочем, взял кое-что у тебя и Гарсии. Но ты нужен мне полностью.

— Нет.

— Подумай о власти и радости, которые ты сможешь получить. Это просто невозможно описать словами, Кинросс.

— Нет.

— Тогда подумай о том, чего ты сможешь лишиться. Я могу ослепить тебя, парализовать, в конце концов.

— Не сомневаюсь. Но ты этого не сделаешь. Я не могу этого объяснить, но что-то мне говорит, что ты нуждаешься в нас. Тебе нужны наши глаза и уши, чтобы видеть и слышать этот мир. Твое зрение ослабло, когда ты сделал Гарсию слепым.

— Это не совсем так, Кинросс. Я нуждался в вас, чтобы пересечь границу реальности, чтобы сотворить этот мир. Но сейчас вы мне уже не нужны.

— Могу побиться об заклад, ты лжешь, Крюгер. В твоём мире слишком мало людей, чтобы ты смог почувствовать себя тираном.

— Ты недооцениваешь меня, Кинросс. Ты не знаешь меня и никогда не сможешь узнать. Я обладаю несгибаемой волей и всегда добиваюсь той цели, которую ставлю перед собой. С самого детства я упорно шел к реализации своего замысла. Я специально не послал сигнал SOS с «Иксиона», потому что не хотел лишиться предоставившейся возможности. Это тебя впечатляет?

— Да, но мое мнение о тебе изменилось в худшую сторону. Значит, Фей был прав...

— Я не нуждаюсь в твоём одобрении или осуждении, Кинросс. Я хочу лишь убедить тебя, что ты не сможешь встать на моем пути. Скажу тебе больше. Это я положил бомбу в грузовой трюм «Иксиона». Я выбросил из баркаса запас воды и продовольствия. Я сломал аккумулятор и заклинил мотор. Я установил время взрыва таким образом, чтобы он произошел сразу после окончания твоей вахты. Уж это должно тебя убедить. Теперь ты знаешь, что не можешь противостоять моей железной воле.

Кинросс встал и, сощурив глаза, посмотрел в простирающуюся перед ним пустоту.

— Я убежден лишь только в том, что ты сделал свой мир, но теперь не знаешь, что с ним делать дальше. Ты исчерпал себя. И, черт тебя побери, Крюгер, я никогда не стану твоим помощником!

— Это мой мир, и я могу сделать его таким, каким захочу и без твоей помощи, — сказал Крюгер. — Посмотри на меня! — Его голос отозвался серебряным эхом.

— Тебя здесь нет, — твердым голосом ответил Кинросс.

— Нет, я здесь. Посмотри на меня!

Воздух перед Кинроссом стал сгущаться, закручиваясь в спираль.

— Посмотри на меня! — снова приказал серебряный голос.

Послышался хлопок, как будто треснула шелковая ткань. Волосы у Кинросса встали дыбом. Он похолодел от страха. Сгустившийся столб воздуха стал почти плотным, и в нем начали проявляться очертания гигантского лица.

— Посмотри на меня! — ударом колокола прозвучал приказ.

Кинросс сделал глубокий вздох.

— Я хорошо усвоил урок, Крюгер, — сказал он дрожащим голосом. — Тебя здесь нет. И я тебя не вижу.

Он направился в сторону Лица и прошел сквозь него, чувствуя, как будто разряд электричества пробежал по коже. Но это ощущение тут же пропало, и Кинросс принялся спускаться по крутому склону горы.

Как только он пересек красноватую пустыню, пошел дождь. Порывы ветра били в лицо. Однако земля оставалась сухой, а смутные силуэты деревьев и кустов даже не шевелились.

— Крюгер учится, — пробормотал себе под нос Кинросс.

Внезапно сгустилась тьма. Он лег на землю и заснул. Когда Кинросс проснулся, то обнаружил себя на берегу ручья. Гарсия сказал, что он отсутствовал четыре дня.

— Четыре дня! — поразился Кинросс. — Разве все это случилось не вчера?

— Нет, — ответил мексиканец. — Где, черт возьми, ты был?

— Я был в каком-то другом месте, — сказал Кинросс, оглядываясь по сторонам. — Спорил с Крюгером. — Черт, тут все выглядит иначе, чем раньше. А где тело Крюгера? Где все остальные?

— Да, тут теперь все действительно иначе, — сказал Гарсия. — Сейчас я расскажу тебе все по порядку. Во-первых, Фей обнаружил пещеру... В пещере находится источник ручья, объяснил Гарсия. Фей и Бо-Бо отнесли туда тело Крюгера и теперь проводят там почти все время. Фей утверждает, что Крюгер иногда просыпается, чтобы поесть и попить, а также, что он сделал Фея своим глашатаям. Фей и Бо-Бо соорудили из плоских камней небольшую площадку у входа в пещеру и приказали, чтобы каждое утро Кербек и Гарсия приносили и складывали туда фрукты. Сильва сидел возле пещеры, как и раньше, стая и раскачиваясь всем телом.

— Кербек перестал понимать человеческую речь, — добавил Гарсия. — Он бегает по холмам, как настоящий первобытный дикарь. Поэтому я сам снабжаю их едой.

— Места тут стало гораздо больше, — заметил Кинросс. Долина теперь протянулась на несколько сотен ярдов по обе стороны ручья, а ее стены поднялись вверх на сотни футов. Их очертания стали неровными, а кое-где появились небольшие рощицы деревьев.

— Да, тут много чего изменилось, — сказал Гарсия. — Теперь тут растет несколько видов деревьев, и на них можно смотреть, не опасаясь, что они исчезнут. Он отмахнулся от мухи, жужжавшей перед его лицом.

— Ого! — воскликнул Кинросс, — насекомые!

— Да, — недовольно кивнул Гарсия. — И еще появилось множество всякой мелкой живности в кустах. Крысы, ящерицы... Один раз даже пошел дождь. Не нравится мне все это, Кинросс.

— Пойдем посмотрим пещеру, — предложил Кинросс. — А по пути я расскажу тебе, что со мной произошло.

Они прошли полмили вверх по течению ручья. Долина стала уже, а ее стены, поросшие темными деревьями, уходили вверх почти вертикально. Рассеянный свет постоянно матового неба почти не достигал дна долины. Наконец они вышли на открытую поляну размером в сотню ярдов, окруженную с трех сторон крутыми склонами. Прямо перед ними виднелась пещера.

Она была Л-образной формы. Вытекавший из ее недр ручей пересекал поляну и терялся в темной массе деревьев. Рядом со входом в пещеру Кинросс увидел каменный алтарь. В десяти футах от него сидел Сильва. Старик тихонько стонал, раскачиваясь из стороны в сторону.

— Я не могу разговаривать с Сильвой, — сказал Гарсия. — Он думает, что я — демон.

Они прошли через поляну. Из пещеры вышел гигант Бо-Бо.

— Вы не принесли фруктов, — чужим голосом произнес он. — Идите обратно и возвращайтесь с фруктами.

— Ладно, Крюгер, — ответил Кинросс. — Это самое большее, что я могу для тебя сделать.

Шли дни. Кинроссу они казались настолько похожими друг на друга, что он лишь мог смутно припомнить, чем занимался накануне. Они с Гарсией попытались отмечать дни, выкладывая на берегу камешки, но утром камешки исчезали. То же

самое происходило со шкурками бананов и косточками от папайи. Земля не оставляла на себе никаких следов. Кинросс и Гарсия часто спорили, пытались подсчитать дни, пока Кинросс наконец не сказал:

— Сейчас все так же, как и раньше, только теперь все происходило не вчера, а на прошлой неделе.

— Тогда за прошлую неделю моя борода отросла на один дюйм, — тронул себя за лицо Гарсия. У Кинросса тоже отросла рыжая борода.

— Когда же это все закончится? — однажды спросил мексиканец. — Или мы вечно обречены жить в этом двухмильном мире?

— Надеюсь, что мы состаримся и умрем.

— Насчет этого у меня появились сомнения, — ответил Гарсия. — Мне кажется, что я становлюсь моложе. Мне хочется съесть отбивную, выпить пива. И еще мне хочется женщину.

— Мне тоже кажется, что нам не удастся составить. Но все же это лучше, чем там, в баркасе.

— Разумеется, — согласно кивнул Гарсия. — Все-таки мы должны быть благодарны Крюгеру за то, что он нас оттуда вытащил.

— Я думаю, что Крюгер далеко не так счастлив, как мы, — заметил Кинросс.

— Из всех нас счастлив только один Кербек, — нахмурился Гарсия.

Они частенько встречали Кербека, когда ходили за фруктами или просто гуляли по окрестностям долины, пытались избавиться от скуки. Огромного роста швед походил на первобытного человека. Обрывки саржевых штанов и истрепанная майка едва прикрывали его тело, а длинные желтоватые волосы и борода свисали спутанными космами. Он узнавал Кинросса и Гарсию, но в ответ на их слова лишь нечленораздельно мычал и что-то напевал, размахивая руками.

Постепенно Кинросса стала угнетать непроницаемая чернота ночи. Ему хотелось увидеть луну и звезды. Однажды он проснулся среди ночи от странного чувства и увидел на темном небе звезды в необычных созвездиях. Он хотел сразу же разбудить Гарсию, но потом решил подождать до утра. В ту ночь впервые за все время ему приснился сон. Он снова оказался на высшейся в пустыне треугольной горе и разговаривал с Крюгером. Крюгер находился в теле Фея и выглядел озабоченным.

— Случилось нечто странное, Кинросс, — сказал он. — На небе появились звезды, но их не создавал. Это мне не под силу. Наш мир стал сам развиваться и частично вышел из-под моего контроля.

— А я что могу сделать? Меня это вообще никак не касается, — ответил Кинросс.

— Нет касается! Мы в этом мире вместе, как в спасательном баркасе, Кинросс. Сейчас я боюсь. Я чувствую чуждое присутствие. Кто-то хочет проникнуть в наш мир. Он или они могут быть настроены к нам враждебно.

— Сомневаюсь, — сказал Кинросс. — Ведь они принесли с собой звезды. И где же они сами?

— Не знаю. Где-то рядом с нашим пространством. Думаю, они ищут нас. Я хочу, чтобы вы с Гарсией нашли их первыми.

— А почему ты не можешь сделать это сам?

— Ты был отчасти прав, Кинросс. Мои возможности действительно ограничены, и мне нужны такие люди, как ты и Гарсия. Я не приказываю, а всего лишь прошу. Помни, мы все еще в одной лодке.

— Ладно. Я согласен. Но как?..

— Просто иди. Я позволю тебе добраться до барьера реальности.

Кинросс внезапно проснулся. Звезды все еще блеснули на небе, а над ручьем висел сияющий полумесяц. Неподдалеку похрапывал Гарсия.

— Проснись! — растолкал мексиканца Кинросс. Тот испуганно открыл глаза.

— Madre de Dios! — ахнул он. — Звезды и луна! Кинросс, неужели мы снова?..

— Нет, — оборвал его Кинросс. — Пошли поохотимся. Я только что разговаривал с Крюгером.

— Охотиться? Ночью? И на кого?

— Может, на тех, кто сделал эти звезды. Откуда я знаю. Пошли, Гарсия...

Кинросс поднялся и быстрым шагом направился в сторону блестящего месяца. Мексиканец нехотя поплелся следом, бормоча себе под нос испанские ругательства.

И снова Кинросс поднялся наверх, только на этот раз луна — уже гораздо полнее — висела справа над горизонтом. Он зашагал в ту сторону, а мексиканец молча следовал за ним. Внезапно Гарсия вскрикнул, указывая вниз. Кинросс посмотрел, куда указывал мексиканец, и увидел далеко внизу крохотную поляну с пещерой. От лунного света верхушки темных деревьев казались посеребренными.

Пока они шли, Кинросс рассказал Гарсии свой сон. Мексиканец ни на секунду не усомнился, что Крюгер мог явиться Кинроссу во сне. Кинросс предупредил мексиканца о том, что время здесь — за барьером — замедляло свой бег.

— Такое впечатление, что все произошло лишь пару минут назад, — сказал он.

— Да, — ответил Гарсия. — Ты только взгляни на луну. Она уже почти полная. Может, мы уже в пути целый месяц.

— Или всего лишь одну минуту.

Кинросс обнаружил, что в этот раз он идет другой дорогой. Обойдя холм, они резко повернули направо. Здесь землю пересекали многочисленные овраги, по дну которых бежали ручейки воды. Скоро поверхность стала неровной и труднопроходимой, а овраги — глубокими. Кинросс заметил, что один ручей течет прямо в сторону луны. Он спустился к нему и пошел по течению, шагая по шиколотки в воде.

Стены оврага оказались из мокрого блестящего камня. Они становились все выше и выше по мере того, как Кинросс и Гарсия продвигались вперед. Ручей стал уже и глубже. Они шли уже по колено в воде. Поток почти сбивал их с ног. Кинроссу послышался странный грохот.

— Похоже, впереди водопад, Гарсия, — крикнул он мексиканцу, бредущему в десяти футах позади. — Будь осторожен.

Он прошел вперед еще на сотню ярдов на шум воды и заглянул вниз за огромный валун. Поток стремился сбросить его вниз, и, прижавшись к холодной поверхности валуна, Кинросс крикнул Гарсии, чтобы тот остановился.

За зеркально гладким устьем водопада виднелась огромная коническая впадина, площадью в несколько квадратных миль. Висевшая сверху луна освещала все серебристым светом. В глубине впадины блеснула еще одна луна, и Кинросс понял, что это отражение в пруду или озере, что находилось на дне впадины.

— Что ты там видишь, Кинросс? — раздался сзади голос мексиканца. — Почему ты остановился?

— Еще один шаг, и впереди нас ждет неминуемая гибель, — крикнул в ответ Кинросс. — Это водопад. Нам нужно поскорее выбраться на берег, если, конечно, это у нас получится.

Прижатый всем телом к плоской поверхности валуна, Кинросс боялся пошевелиться. Внезапно ему захотелось отдаться во власть несущегося потока. Это ощущение — почти сексуальное желание — охватило его с ног до головы. Вжавшись в мокрый валун, Кинросс принялся отчаянно молиться:

— Отче наш, иже иси на небесах...

Охватившее его чувство стало постепенно ослабевать.

— Гарсия! — крикнул он. — Ради Бога, выбирайся на берег! И — говори со мной.

— Тут есть уступ, — раздался сверху голос мексиканца. — Подойди ко мне, и я подам тебе руку.

С трудом Кинросс сделал несколько шагов назад, оглябая громадный валун, и, собравшись с силами, влез наверх. Мексиканец повел его по крутому берегу.

— Сейчас ты такое увидишь внизу, — сказал Кинросс, — что у тебя дух захватит. — Там огромнейшая впадина. Ради Бога, будь осторожен.

Берег оказался узким и неровным. Они двигались по нему с большой осторожностью. Внезапно они оказались на небольшой каменной площадке, а перед ними зияла пустотой впадина.

— Madre de Dios! — пробормотал Гарсия, пораженный открывшейся картиной. Оба молча смотрели на впадину. Внезапно Гарсия поднял руку и прошептал:

— Слушай!

Кинросс прислушался. Он услышал треск кустов и шум сдвигаемых камней. Казалось, звук раздавался слева, совсем недалеко от них.

— Кто-то карабкается сюда из впадины, — прошептал он.

— Что это, Кинросс? Мы не одни в этом мире!

— Надо подойти поближе, — прошептал Кинросс. — Нужно узнать, что это такое. Тише!

Они медленно направились по краю обрыва туда, откуда доносились странные звуки. На их пути оказались кусты в половину человеческого роста. Пробираясь через них, они сами производили немало шума. Мужчины остановились, прислушиваясь к внезапно воцарившейся тишине. Внезапно они услышали звук — как будто кто-то всхлипывает и шмыгает носом. Гарсия присел и жестом приказал Кинроссу сделать то же самое.

Прищурив глаза, он внимательно вглядывался туда, куда показывал ему мексиканец. В серебристой тени виднелись очертания человеческой фигуры в пятидесяти футах от них.

— Сейчас мы его поймаем, — прошептал он.

Мексиканец кивнул. Поднявшись, они оба бросились вперед.

Кинросс был моложе и быстрее оказался у цели. Темный силуэт метнулся в сторону, но Кинросс накрыл незнакомца всем своим телом. Через секунду к нему присоединился тучный мексиканец.

Внезапно они услышали сдавленный крик о помощи.

— Стой, Гарсия! — Кинросс схватил мексиканца за руку. — Это ведь женщина!

Ее звали Мэри Чедвик. У нее было трое братьев, которые могли хорошенько отдубасить любого в Куинсленде, а Кинросс и Гарсия — настоящие дикари и негодяи, и если они немедленно не отведут ее домой, то жестоко поплатятся. Затем она уткнулась Кинроссу в плечо и горько зарыдала.

Пока Кинросс неумело пытался утешить незнакомку, наступил день. Свет был ярким и резал глаза. Кинросс поднял голову и впервые увидел солнце. А небо из матового стало ярко-голубым. Вид двух

бородатых мужчин отнюдь не успокоил женщину.

Высокого роста, молодая, она была одета в костюм для верховой езды — бриджи, рубашка цвета хаки, высокие сапоги на шнуровке, — который подчеркивал ее стройную и гибкую фигуру. Золотистые волосы ниспадали до плеч, загорелое лицо с веснушками. Опухшие от слез глаза были поразительной голубизны.

Она быстро взяла себя в руки.

— Кто вы такие? — спросила она звонким голосом. — И что это за место? Я никогда ничего не видела в Кост-Реджерсе.

Мужчины представились. Кинроссу так и не удалось объяснить Мэри, где она оказалась.

— Корабль? Моряки? Чутье какая! — воскликнула она. — Если вы сами не знаете, где находитесь, не надо сбивать с толку других! Нам просто надо пойти вперед, пока мы не наткнемся на дорогу или не увидим дым костра. Вы и сами это прекрасно знаете.

— Хорошо, будем считать, что мы заблудились, — согласился Кинросс. — Мы где-то в Австралии, так?

— Да, в Куинсленде, где-то за южной излучиной Герберт-ривер. Я ехала на лошади и, наверно, заснула. Черт меня побери, если я знаю, где моя лошадь!

Кинросс и Гарсия переглянулись.

— Прости, Мэри, — сказал мексиканец, — я должен поговорить со своим другом. Тебе этот разговор, возможно, покажется странным. — Его глаза возбужденно блестели.

— Как же это получается? — спросил он у Кинросса. — По этой истории с солдатами в Тибести ворота должны находиться где-то в Индийском океане. Может, в мире существует несколько подобных дыр?

— Меня это тоже беспокоит. Насколько я всегда понимал — хотя никогда полностью в это и не верил — оба мира существуют порознь. Они соприкасаются лишь в том месте, где находятся ворота...

— И если они открыты на суше...

— Я знаю, о чем ты думаешь. Но мы должны дать шанс Кербеку и Сильве. Да и двум остальным тоже. Кинросс повернулся к девушке.

— Мэри, — спросил он. — Ты хорошо запомнила место, где ты пришла в себя в этой впадине? Ты его отметила?

— Нет. Зачем это мне? Будь я проклята, если вернусь туда еще раз. Отведите меня в свой лагерь или туда, где вы моете золото. Надеюсь, там найдется кто-нибудь в здравом уме.

Мексиканец внезапно расхохотался.

— Я вспомнил, что мой прадед в Мексике — Барт Гарсия — тоже был старателем и искал золото. Тогда это тоже был новый мир, и ему приходилось нелегко. Веди нас, Кинросс.

— Все дороги ведут к Крюгеру, — сказал Кинросс.

— Все, кроме одной, — поправил Гарсия, оглядываясь на огромную впадину, залитую теперь солнечным светом.

Обратный путь оказался гораздо легче. Кинросс удивленно вскрикнул, когда увидел мелькнувшую среди кустов птицу.

— Я еще раньше услышал щебетание, но подумал, что мне послышалось, — сказал Гарсия.

До них донеслась птичья трель. Но птицы — как до этого деревья и кусты — все время находились в боковом поле зрения. Можно было лишь краем глаза увидеть, как мелькают их разноцветные крылья.

— Тебя не беспокоит, что ты не можешь разглядеть их? — спросил у девушки Кинросс.

— Я их прекрасно вижу, — ответила она. — Вы такие странные люди...

— Тук-тук-тук! — раздалось из кустов, и Кинросс вздрогнул от неожиданности.

— Вон он! — указала девушка. — Это дятел. Видите?

Как Кинросс ни присматривался, он так ничего и не увидел.

— Да вон же он сидит на ветке, смотрите же! — настойчиво повторила Мэри.

Первым увидел птицу Гарсия. А потом и Кинроссу показалось, что он увидел темно-зеленого дятла с длинным хвостом, острым клювом и хохолком на голове. Именно так, по словам Мэри, и выглядел дятел.

Тук-тук-тук! Кинросс снова вздрогнул и почувствовал себя довольно глупо.

По дороге Кинросс попросил девушку рассказать о себе. Она жила на небольшом скотоводческом ранчо на юг от Кернеса вместе с отцом и тремя братьями. Двадцать четыре года, незамужем. Она проучилась год в Брисбене, и ей не нравились города. Братья разводят скот. Тут первоклассные места для пастбищ. Как это получилось, что они не отмечены на карте?

— Посмотри на солнце, Кинросс, — сказал Гарсия. — Мы идем на запад. Как приятно, что снова можно так говорить.

Солнце уже садилось, когда они достигли того места, откуда открывался вид на долину.

— Долина Крюгера, — ответил Кинросс на вопрос девушки, как она называется.

Ведущие к пещере три склона были покрыты буйной растительностью, позолоченной лучами заходящего солнца.

— Ничего подобного в Кост-Реджерсе нет, — прошептала девушка. — Уж я-то знаю.

Когда они стали спускаться по западному склону, Кинросса поразило, что деревья обрели индивидуальность, теперь их можно было разглядеть и потрогать. Неровная поверхность зеленела травой, кое-где встречались яркие цветы. Над головой летали птицы самых необычных расцветок, и на этот раз Кинросс их отчетливо видел. Они с Гарсией восторженно рассматривали неровности земли, которых до этого не было: бугорки, трещины, пригорки, холмики.

— Что-то случилось, Гарсия, — сказал Кинросс, — здесь, за барьером реальности, земля начинает становиться такой, как и в настоящем мире.

— Да, она кажется мне вполне настоящей, — согласился мексиканец. — Может, нам даже удастся развести вечером костер.

— Да. И мы можем срубить деревья. Ведь Мэри понадобится шалаш.

— И костер тоже, — добавила девушка.

— Надо постараться убить пару птиц, — сказал мексиканец. — Мне так хочется снова попробовать мяса.

— Вы не посмеете этого сделать! — возмущенно воскликнула девушка. — Я не позволю вам трогать птиц!

— Мы не будем ловить этих красивых птиц, — поспешил успокоить ее Гарсия. — Кстати, как они называются?

— Это малиновки, — объяснила Мэри. — Слышите, как они весело распевают?

Когда они уже стали приближаться к долине, Кинросс хотел предупредить девушку, что она увидит возле ручья что-то неожиданное. Но она внезапно перебила его:

— Видите? — спросила она, указывая влево.

Кинросс и Гарсия посмотрели в ту сторону, но ничего не увидели.

— Что ты там заметила? — спросил у девушки Кинросс.

— Целый выводок пигмеев, — озабоченно прошептала Мэри. — Они стоят на коленях в кустах.

— Теперь, кажется, и я их увидел, — сказал мексиканец. — Это похуже, чем птицы.

— А я ничего не вижу, — сказал Кинросс. — Одни деревья да кусты.

— А ты смотри краем глаза. И прищурься.

Кинросс так и сделал. Внезапно он их увидел: несколько десятков черных карликов с красными глазами. Голые, с короткими туловищами и длинными, узловатыми конечностями, они рассматривали его без всякого интереса. Кинросса охватил страх.

— Боже мой! — прошептал он.

— Самые настоящие демоны, — пробормотал Гарсия. — Какого дьявола они тут делают?

— Это аборигены, — пояснила Мэри. — Раньше они убивали белых своими стрелами, даже в Кост-Реджерсе, но сейчас их от этого отучили. Мы должны пройти мимо и сделать вид, что не замечаем их. Они полагают, что находятся в своем колдовском мире.

— Они так похожи на карликов! — воскликнул Кинросс. — Неужели в Куинсленде водятся пигмеи?

— Как видишь, — прошептала девушка. — Они прячутся от нас в одном из своих священных мест, охраняемых духами. Пошли! Притворимся, что мы их не видим.

— Попробуем, — пробормотал Кинросс.

Они добрались до долины без всяких приключений. Внезапно Гарсия принялся озабоченно глядеть по сторонам.

— Кинросс, кто-то постоянно следит за нами. Вон там, из кустов.

— Опять пигмеи? — спросил Кинросс, чувствуя, как его снова охватывает страх.

— Нет. Правда, я не могу их толком рассмотреть, но они гораздо выше и серого цвета.

— Я вижу, — внезапно воскликнула Мэри. — Это женщины племени бинги. Того самого племени, что и люди, которые встретились нам раньше. Они похожи на духов, когда вымазывают свои тела древесным пеплом.

— А что им от нас нужно? — спросил Кинросс, наблюдая краем глаза за едва уловимым передвижением теней.

— Они хотят выследить, где находится наш лагерь, чтобы потом украсть там что-нибудь или кланчить еду.

Когда они подошли к ручью, серые тени исчезли. Пока они стояли на берегу, нерешительно глядя по сторонам, наверху холма, с которого они только что спустились, раздалась громкая крики. Присмотревшись, Кинросс увидел Кербека, окруженного пигмеями.

— Господи! — воскликнул он. — Кербек сражается с демонами!

— И побеждает, — заметил мексиканец. — Посмотри, они убегают.

— Ему не следовало этого делать, — обеспокоенно нахмурилась девушка. — Ночью они спустятся вниз и заколют его. А, может, и всех нас. — Она вздрогнула.

Передвигаясь огромными прыжками, Кербек мчался вниз по склону. Его гигантское тело казалось бронзовым, а развевающиеся волосы были похожи

на ореол в лучах заходящего солнца. Оттолкнув Кинросса, он схватил девушку за плечи своими ручищами, сверля ее диким взглядом. При этом он что-то мычал.

Кинросс попытался освободить Мэри, но гигант даже не заметил этого. Наконец швед отпустил девушку и восторженно заголосил.

— Всё в порядке, — сказала девушка. — Он просто хотел убедиться, что в моих глазах есть зрачки.

Кинросс недоуменно перевел взгляд с ярко-голубых глаз австралийки на серо-голубые глаза скандинава.

— Он сражался с демонами, — объяснила Мэри, — и подумал, что я — одна из них. У них в глазах нет зрачков. — Кербек продолжал восторженно мычать. Кинросс покачал головой.

— Она права, Кинросс, — сказал Гарсия. — Я тоже начинаю кое-что понимать, когда не прислушиваюсь. Это все равно, как смотреть на деревья краем глаза.

— Когда ему удастся поймать пигмеев, они тут же превращаются в деревья и камни, — добавила девушка. — Он рад, что вы оба вернулись.

— Господи, — простонал Кинросс. — Я чувствую себя полнейшим идиотом. Ты веришь в то, что они — демоны?

— Ни в коем случае, — резко ответила Мэри. — Это просто аборигены, живущие в своем воображаемом мире.

— Давайте лучше разведем костер, — со вздохом сказал Кинросс.

Вокруг было полно сучьев и сухой травы. У Гарсии нашлись спички, и скоро они разожгли костер. Кинросс взял у шведа складной нож и принялся срезать крупные ветки с деревьев. Вместе они довольно быстро соорудили шалаш. Гарсия собрал охапку мягких пальмовых листьев, и девушка сделала себе постель.

Сидя возле костра, они поджаривали на углях плоды хлебного дерева и ели бананы. С наступлением сумерек Кербек исчез в ночи. Оставшиеся ели молча. Наконец девушка спросила:

— И все-таки, где мы находимся? Только честно.

— Как я тебе уже говорил ... — начал Кинросс, но Мэри перебила его.

— Я знаю. Думаю, вам действительно так кажется. Но знаете ли вы, где нахожусь я?

Мужчины недоуменно переглянулись.

— Где?

— В Алчеринге, — ответила она. — В стране духов бинги. Я каким-то образом попала в нее, когда проезжала одно из их святых мест. Я поняла это, когда увидела тех аборигенов...

— Мэри, — перебил ее Кинросс. — Они совершенно не похожи на людей.

— Когда аборигены попадают в страну духов, они перестают быть людьми. Я часто слышала такие истории. Но женщины... Их тут быть не должно. Как, впрочем, и меня. Женщине грозит опасность, если она вступит в землю духов. Когда я была маленькой, мне всегда казалось, что это несправедливо...

— А как туземцы попадают в эту... Алчерингу? — с растущим интересом спросил Кинросс.

— Они танцуют и поют, раскрашивают свои тела, бьют в бубен... Одним словом, это целый ритуал.

Из темноты донесся протяжный стон. Мужчины вскочили на ноги.

— Не бойтесь, — успокоила их женщина. — У нас на ранчо Чедвик я часто слышала, как ночью кричит выпь. Аборигены утверждают, что это кричат души детей, которые хотят вырваться из мира духов и

появиться на свет. Но я не знала, что здесь тоже водятся выпы.

Мэри пристально всматривалась в темноту. Кинросс и Гарсия снова подсели к костру. Внезапно изящная птица с тонкими ногами и изогнутым клювом появилась из темноты и села девушке на плечо.

— Моя ночная красавица, — обратилась к птице девушка, — ты прилетела, чтобы охранять мой сон?

Она встала, пожелала мужчинам спокойной ночи и скрылась в шалаше. Кинросс посмотрел на Гарсию.

— Это мы виноваты, что она очутилась здесь, — сказал он. — Мы и должны вернуть ее обратно.

— Во всем виноват один Крюгер, — ответил Гарсия.

— И мы тоже. Если Крюгер не придет ко мне сегодня во сне, я сам пойду к нему утром в пещеру. Пойдешь со мной?

— Конечно, — зевая, ответил мексиканец. — Спокойной ночи.

Яркие лучи багряного солнца озарили склоны долины, и Кинросс открыл глаза. В эту ночь ему ничего не приснилось. Раздув тлеющие угли, он развел костер. Вокруг валялись остатки недоеденных плодов хлебного дерева. Мир уже перестал сам следить за своей чистотой, грустно подумал Кинросс. Где-то на вершине склона на другом берегу холма раздались треск ломающихся кустов и торжествующий крик Кербека. Гарсия вскочил на ноги, а из шалаша выглянула Мэри.

Кербек нес на левом плече связку желтых бананов, а правой рукой тащил за собой смуглокожего человечка. Когда тот пытался сопротивляться, огромный швед давал ему тумака.

Оказавшись внизу, скандинав возбужденно замычал. Еще не совсем проснувшийся Кинросс вдруг поймал себя на том, что понимает речь Кербека. Почти как еле уловимые голоса, гудящие в телеграфных проводах, которые он в детстве слышал в долинах Небраски.

— Я поймал демона, — мычал Кербек.

Демоном оказался низкорослый человечек с широким лицом, в мешковатых одеждах из серой шерсти. С закрытыми глазами, перекошенным от страха лицом, он что-то бормотал себе под нос. Гарсия внезапно насторожился и, прислушавшись к бормотаниям, задал вопрос по-испански. Человек открыл глаза и сбивчиво затараторил в ответ.

— Он перуанец, — сообщил Гарсия. — Живет в горах недалеко от Такны. Вот уже несколько дней, как он сбился с пути, возвращаясь домой с высокогорного пастбища. Он думает, что умер, а Кербек — демон.

— Они одного мнения друг о друге, — заметил Кинросс. — Скажи, что ему нечего бояться. Интересно, сколько еще заблудших душ мы встретим в этом мире...

Кербек ушел, мыча и напевая себе под нос. Низкорослый перуанец, все еще трясущийся от страха, скорчился возле огня и с жадностью съел несколько бананов, которые дал ему Гарсия. Кинросс тем временем объяснил женщине, зачем ему и мексиканцу надо посетить пещеру.

— Но не с пустыми руками, — напомнил ему Гарсия. — Не забывай, у нас есть обязанности.

По дороге они нарвали плодов папайи и гуайабы, сложив их в рубашу Кинросса. Подойдя к пещере, они положили фрукты на каменный алтарь. Сильва сидел у входа в пещеру, раскачиваясь из стороны в сторону и тонко, почти беззвучно постанывая.

Кинросс положил ему руку на плечо.

— Выше голову, Сильва, — сказал он. — Мы идем к Крюгеру. Возможно, вернемся к тебе с хорошими новостями.

— Нечистое место, — простонал старик. — Здесь полно демонов. Ты тоже демон.

Кинросс и Гарсия подошли ко входу в пещеру и в нерешительности остановились.

— Чего ждем? — спросил Гарсия.

— Не знаю. Мне казалось, что Фей или Бо-Бо должны были охранять пещеру, — ответил Кинросс. — Черт с ним, пошли.

Зайдя внутрь, они оказались в темном и узком туннеле, по дну которого бежал ручей. Им пришлось идти по воде. В пещере было сыро и прохладно, на влажных базальтовых стенах кое-где блестели мокрые пятна. Воздух казался неподвижным, а единственным звуком было журчание ручья.

Кинросс и Гарсия шли довольно долго, пока не услышали впереди шум падающей воды. Затем перед ними открылся невероятных размеров зал, с водопадом, ниспадающим откуда-то из темноты. По обе стороны от мощного потока на каменных площадках спали Фей и Бо-Бо.

— Что ты собираешься мне рассказать, Кинросс? — раздался из ниоткуда голос Крюгера, сливаясь с шумом низвергающейся воды.

— Мы нашли женщину, — сказал Кинросс.

— Много людей, мужчины и женщины, пытаются войти в этот мир. Я чувствую, что становлюсь сильнее. Вы заметили, что мир приобрел четкость и в нем появилось время.

— Да, но как эти люди попадают сюда? Разве существует несколько ворот в этот мир?

— Нет. Но, возможно, ворота подвижны.

— Подвижны? Сначала у нас появились гости из Австралии, потом — из Перу.

— Неужели? — В серебряном голосе послышалось удивление. — Тогда, наверное, ворота перемещаются в пространстве.

— Но Тибести...

— Тогда никто не знал, что земля вращается. Солнце Тибести движется над неподвижной землей. А когда я установил в этом мире чередование дней и ночей, то, должно быть, придал этому миру вращение. Возможно, оно не совсем совпадает с фазой вращения истинной Земли. Поэтому ворота могут перемещаться...

— Судя по всему, тебе это нравится, — заметил Кинросс.

— Я действительно доволен. Чтобы сделать мир прочным, требуется много людей. Надеюсь, через несколько столетий население станет достаточным, чтобы закрепить это место, и я смогу удалиться на покой.

— Каких размеров, по-твоему, должны быть эти ворота?

— Думаю, размером с баркас. Эллипс в тридцать футов.

— Как люди могут попасть сюда, не зная о существовании ворот?

— Существует несколько способов. Возможно, ворота открываются в тот момент, когда ими овладевает отчаяние. Тогда-то они и оказываются здесь. А есть такие, которые, витая в мечтах, настолько теряют ощущение реальности, что даже не замечают, как пересекают барьер. Им хочется всего лишь ненадолго отвлечься от земной суеты, но ворота захлопываются за ними. Мне трудно ответить на твой вопрос, Кинросс, но, возможно, этот мир будут населять поэты и мизантропы.

— Меня интересует, можно ли проходить через ворота в обратную сторону?

— Да. Некоторые солдаты из Тибести вернулись обратно. Или убежали. Или их изгнали оттуда. Но каждый, кто собирается вернуться обратно, рискует оказаться в океане. Я подозреваю, что ворота движутся по восемнадцатой параллели или где-то рядом.

— Крюгер, женщина хочет вернуться. Мы должны найти способ, как возвратить ее домой.

— Нет. Отсюда я не выпущу никого. Особенно женщин.

— Крюгер, у нас нет никакого права...

— У нас есть такое право. Вернее, обязанность. Она бы здесь не оказалась, если бы подсознательно не желала этого. Возможно, на какое-то мгновение она возненавидела весь мир. Теперь она принадлежит нам, и она нам нужна.

— Крюгер, я не собираюсь подчиняться тебе. Я...

— Ты не сможешь пройти через барьер без моей помощи.

— Давай пока оставим этот спор, — сказал Кинросс. — У меня есть и другие вопросы. Что это за черные карлики и пепельно-серые женщины?

— Это природные духи — думаю, именно такое название подходит им больше всего. Я забрал их у Феи и Бо-Бо, превратив этих двух в бесчувственных существ. Теперь мир может частично развиваться сам, и мое бремя стало легче.

— Мне жалко Фею, — впервые за все время сказал Гарсия. — Хотя, признаться, я здорово ненавидел эту крысиную рожу.

— Именно так ты хотел поступить и со мной? — вздрогнув, спросил Кинросс.

— Нет, — торжественно произнес серебряный голос. — Ты, Кинросс, относишься к совершенно другому типу людей. Ты мог бы помочь мне разделить бремя ответственности за этот мир. Вдвоем мы бы сделали его прочным. А от Бо-Бо и Феи почти ничего не осталось.

— Крюгер, — неуверенным голосом спросил Гарсия, — ты хочешь сказать, что на самом деле все эти демоны — мысли Бо-Бо и Феи?

— Большинство из них, — подтвердил серебряный голос. — Но некоторые принадлежат Кербеку. А некоторые из них твои, Гарсия. Каждый из вас дает этому миру своих демонов, связывая его все новыми узелками.

— Не нравится мне все это, — сказал Гарсия. — Крюгер, я не хочу плодить демонов.

— Ничего не поделаешь, Гарсия. У тебя их миллионы. К тому же, на самом деле ты ничего не теряешь. Ты просто, так сказать, растворяешься в этом мире. Каждый раз, когда ты заставляешь себя увидеть в этом мире нечто новое, это стоит тебе десятков-другой демонов. Понимаешь?

— Нет! — нахмурился Гарсия.

— Думаю, со временем поймешь. А если нет, попроси, чтобы Кинросс объяснил. Все не так уж плохо, Гарсия. Когда ты потеряешь всех своих демонов, то, может быть, превратишься в поэта или мечтателя.

— Крюгер, — сказал Кинросс, — ты все еще обижаешься на меня за то, что я отказался тогда тебе помочь?

— А ты — за то, что я все это начал, подложив бомбу в трюм «Иксидона»?

— Не знаю... Даже не знаю...

— Вот и я не знаю, Кинросс. Давай считать, что мы квиты. Мне нужна твоя помощь.

— Где твое тело, Крюгер? Ты можешь его оживить?

— Оно здесь, над водопадом. Я уже начинаю представлять, каким образом я могу оживить его и

торжественно спуститься в этот мир. Но это дело далекого будущего.

— А жажда, Крюгер? Она все еще продолжает тебя мучить?

— Да, Кинросс. Она просто разрывает меня на части. Не знаю, сколько мне удастся выносить эту пытку.

— Разве тебе не помогает связь с Феем..?

— Только ты был способен мне помочь, Кинросс. Но после того как ты ослушался моего приказа, мне не от кого ждать помощи.

— Прости, Крюгер. Мы можем идти?

— Идите и служите нашему миру. Постарайтесь почувствовать радость.

— Пошли, Гарсия, — сказал Кинросс мексиканцу, и они отправились в обратный путь. Перед выходом Кинросс внезапно остановился.

— Давай сядем и немного поговорим об этих демонах, Гарсия, — предложил он. — Я не готов ко встрече с Мэри Чедвик.

Когда Кинросс и Гарсия вернулись обратно, возле костра стояло около дюжины людей, среди них несколько женщин. Высокий и стройный мужчина в кожаной куртке, серых штанах и тяжелых сапогах вышел к ним навстречу. У него были ярко-рыжие волосы.

— Господин Кинросс? — спросил он. — Позвольте представиться, и, кстати, прошу прощения, что мы воспользовались вашим костром. Мое имя — Фридрих фон Ланкено.

Мужчины обменялись рукопожатием. Кинросс с любопытством рассматривал незнакомца, который, казалось, не проявлял ни малейшего беспокойства.

— Мисс Чедвик сказала, что вы являетесь, так сказать, лейтенантом господина Крюгера, — сказал фон Ланкено. — Все эти люди случайно встретились по пути сюда. Нам бы хотелось услышать разумное объяснение того, что с нами произошло.

Сгрудившиеся возле костра люди загомонили.

— Тихо, — скомандовал им фон Ланкено. — Сейчас господин Кинросс обратится к тем, кто понимает по-английски. Затем я переведу его речь остальным.

Кинросс рассказал им историю про солдат из Тибести и про моряков с «Иксиона». Он постоянно следил за выражением лица Ланкено. Тот ни разу не выказал удивления, но его глаза возбужденно горели, и он постоянно кивал в знак одобрения. После того как Кинросс закончил свой рассказ, он попросил Гарсию повторить то же самое по-испански. Затем Кинросс отвел Ланкено в сторону.

— Не могли бы вы рассказать, каким образом попали сюда? — спросил он.

— Это случилось тогда, когда я почти достиг вершины горы Сахама в Боливии. Я был один.

— А другие?

— Они попали сюда из самых разных уголков земного шара. Бразилия, Родезия, Новые Гебриды, Австралия, Мозамбик...

— Думаю, что Крюгер не ошибся, когда предположил, что ворота перемещаются вдоль восемнадцатой параллели, — пробормотал Кинросс.

— Это можно определить довольно точно, опросив людей, — сказал Ланкено. — Кстати, рано или поздно, господин Кинросс, мне захочется поговорить с герром Крюгером, если это возможно.

— Пожалуйста. Я ведь не его секретарь. Но предупреждаю: он никому не позволит вернуться обратно.

— Ни за что на свете я не согласился бы вернуться в старый мир! — с жаром сказал Ланкено. — Еще

в далеком детстве я услышал историю о солдатах из Тибести, — продолжал он. — Юношей я направился в Тибести, чтобы найти это место, но, в отличие от герра Крюгера, не смог его обнаружить. Поэтому я начал искать свои собственные ворота среди заснеженных пиков Боливии. Я не уверен, господин Кинросс, что вошел в этот мир через вашу дверь, но убежден, что я хочу здесь остаться.

— Мэри... Мисс Чедвик тоже придерживается такого мнения, — с грустью сказал Кинросс. — Я никогда и не предполагал, что столь многие захотят... — его голос дрогнул.

— Простите, что прерываю вас, — сказал Ланкено. — Но сбылась моя самая сокровенная мечта, и меня переполняют чувства. Если вы позволите, я нанесу визит герру Крюгеру прямо сейчас.

Он поклонился и пружинистым шагом пошел прочь. Внезапно рядом с Кинроссом возникла австралийка, пристально следившая за Ланкено.

— Ты слышала, что он сказал, Мэри? Но я знаю, что мы можем вернуться в наш прежний мир, хотя это и сопряжено с опасностями. Как только я что-нибудь придумаю, я дам тебе знать.

Мэри, казалось, даже не слышала слов Кинросса. Она с восхищением в глазах смотрела вслед удаляющемуся Ланкено.

— Вот это да! — произнесла она. — Настоящий мужчина!

Кинросс вернулся к костру. Он буквально кипел от возмущения. Гарсия разговаривал с группой латиноамериканцев, среди которых было три женщины. Кинросс подошел к родезийцу, крупному мужчине с мучнистым цветом лица, одетому в широкие шорты. Его звали Питер Уайт.

— Что вы обо всем этом думаете? — спросил Кинросс.

— Тут довольно неплохо, — ответил он. — Словно вернулся в детство.

Кинросс поморщился.

— Знаете, Уайт, если мы как следует постараемся, то сможем вернуться обратно через эти ворота.

— Я никогда не захочу этого, — спокойным голосом ответил родезиец. — Мне здесь хорошо.

— Но со временем, когда вам все надоест...

— Надоест? Знаете, Кинросс, последнее, что осталось у меня в памяти от старого мира, это как я умирал в вельде от лихорадки. Сны... Видения... Я не собираюсь возвращаться обратно.

— Вы считаете, что все это вам снится?

— Да, это сон. Приятный сон, и у меня нет желания просыпаться.

Кинросс отошел в сторону, горестно качая головой. Гарсия все еще объяснял что-то по-испански стоявшим у костра людям. Бесцельно побродив несколько минут, Кинросс прилег у хлебного дерева, растущего недалеко от костра. Он чувствовал себя усталым и раздраженным. Со склона спускались еще двое — мужчина и женщина. Пусть ими займется Гарсия, подумал Кинросс и закрыл глаза.

Через несколько часов из рощи вышел фон Ланкено с сияющим от радости лицом. Он созвал своих людей и рассказал, в чем будут заключаться их обязанности. Каждому вменялось собирать утром определенные фрукты или ягоды, а затем приносить их к пещере и складывать на каменный алтарь. Затем он приказал соорудить хижины. У Уайта оказался топор, а у одного из мозамбикских негров — мачете. Когда фон Ланкено убедился, что все принялись за работу, он присоединился к Кинроссу,

лежавшему под хлебным деревом. Вскоре к ним подошел и Гарсия.

— Я долго беседовал с герром Крюгером, — сказал фон Ланкено, сев и обхватив колени своими длинными руками. — Он столько всего рассказывал о вас, господин Кинросс.

— Что именно? — прищурившись, спросил Кинросс.

— Он рассказал мне о той особой связи, которая существует между вами. Нечто такое, что помогло вам попасть в этот мир. Он сам еще до конца в этом не разобрался. Но уверен, что вы должны быть его посредником в этом мире.

Кинросс ничего не ответил. Фон Ланкено тяжело вздохнул и продолжил:

— Я с удовольствием буду вам подчиняться, господин Кинросс, и выполнять все ваши приказания.

— Мне не нужны ни власть, ни ответственность, — сказал Кинросс. — Можете сами брать на себя командование, господин Ланкено, только, ради Бога, оставьте меня в покое.

— Если вы хотите остаться в стороне, то мне не останется ничего другого. Но я надеюсь, вы позволите мне обращаться к вам за советом.

— О, конечно, — устало ответил Кинросс.

— Вы знаете, все это так восхитительно, что у меня просто голова кругом идет.

— Мне знакомы ваши чувства. Нам пришлось здесь столкнуться с явлениями, которым мы не можем найти объяснения. Не стану отрицать, в юности я немало думал об этом и прочитал много нелепых книг. Но сейчас мне кажется...

— Вы слишком серьезны, Кинросс. У нас есть новый мир, и ему совсем не обязательно быть копией старого. Мы можем упростить химию, систематизировать минералогию... Разве это не поражает ваше воображение?

— Вам не удастся преодолеть законы сохранения энергии, господин Ланкено. Чем больше здесь появится людей, тем труднее будет совпадать с ними. Крюгер сам мне об этом сказал, и я считаю, что он не ошибся.

— Герр Крюгер никогда не причислял себя к сторонникам второго Закона термодинамики, иначе никого бы из нас тут не было. И большинство из тех, кто появляется в этом мире, теряют человеческую сущность. Вы же сами об этом прекрасно знаете.

Фон Ланкено окинул взглядом Гарсию и продолжил:

— Я просто в восторге от того, что люди разлагаются на элементы, обогащая окружающий их мир. Это замечательно, когда стирается грань между субъектом и объектом. Вы только представьте, какую огромную энергию мы можем взять у этих людей! Каждое дерево и камень будут иметь свои индивидуальные особенности, частичку человеческой души. О, Кинросс, этот ваш второй закон действует только в старом мире. А в этом мире будут править магия и волшебство, пока не наступит конец истории.

Кинросс нахмурился.

— Да? И мы будем спокойно следить за тем, как люди разлагаются на первоэлементы? Фей и Бо-Бо...

— На начальном этапе жертвы неизбежны, но больше подобного не повторится. Что же касается остальных, то мы разработаем специальные ритуалы, которые помогут нам контролировать процесс распада личности. Мы с герром Крюгером уделили довольно много времени обсуждению именно этого аспекта.

— Что-то я запутался, — вмешался в разговор Гарсия.

— Вы считаете, что меня это тоже коснется? А если я не захочу распадаться на элементы, что тогда?

— Вряд ли вы сможете этому помешать, господин Гарсия. К тому же, после этого вы станете гораздо счастливее.

— Вы говорите точно так, как и Крюгер. Кинросс, что это все значит?

— Он имеет в виду, что пустота этого мира растворяет нас независимо от нашего желания. Это можно сравнить с комочком соли, который растворяется в пресной воде.

— Пустота? А разве ее не существовало в старом мире?

— Лишь в таких местах, как, например, Атлантический океан...

— Ага, понятно. А вообще-то старый мир уже настолько насыщенный, что соль в нем больше не растворяется.

— Именно. Наоборот, комочек соли обрастает новыми кристаллами.

— Это напоминает мне о нашем утреннем разговоре. Мы отдаем этому миру своих демонов.

— Демоны? — перебил Ланкено. — Именно об этом и говорил мне герр Крюгер.

— Странно, но теперь, кажется, я начинаю понимать, — медленно произнес Гарсия.

— Ты даже не замечаешь, как теряешь своих демонов, — заметил Кинросс.

— Хорошо, пусть я потерял нескольких демонов. Но меня, как и раньше, зовут Джо Гарсия, и мой желудок работает нормально.

— Магия имен — самая старинная в мире, господин Гарсия. Нет более могущественного способа, чтобы удержать демонов при себе, — сказал Ланкено. — Мы дадим жителям деревни новые имена.

— А почему вы и Кинросс считаете, что ваши демоны останутся с вами?

— Мы тоже теряем собственных демонов, но реже, чем остальные. Очевидно, мы с господином Кинроссом обладаем иной силой.

— Он прав, Гарсия, — сказал Кинросс. — Ты можешь быть просто суммой всех своих демонов, а можешь быть самым собой, но чувствовать, что твои демоны рядом.

— Демоны, господин Гарсия, — хмуро сказал Ланкено, — это частички ваших воспоминаний, хороших или плохих, веселых или грустных.

— Воспоминания навсегда остаются с нами, — заметил Кинросс, — но то, что мы не испытали — упущенные возможности, несостоявшиеся встречи, сомнения, сожаления — все это и составляет бремя, которое мы всю жизнь носим с собой.

— Я вижу, господин Кинросс, мы нашли с вами общий язык, — сказал фон Ланкено. — Мы теряем демонов, от которых хотим избавиться и сохраняем тех, которые умножают нашу силу. Но жители деревни будут терять и тех, и других.

— Понятно, — сказал Гарсия. — Продолжайте.

— Я бы хотел отметить, что в безлюдных местах не составляет труда избавиться от демонов. Скажем, высоко в горах я терял тысячи демонов. Но в Париже или Берлине они возвращались обратно десятками тысяч... Я просто восхищаюсь Кербekom, — продолжал фон Ланкено. — Он позволил нам избавиться от всех наших демонов разом. Это счастье, поверьте. Или взять этого черного гиганта, Бо-Бо. За разум, господин Кинросс, надо платить высокую цену. Мы должны уберечь от этого жителей нашей деревни. Они не должны страдать! Надеюсь, вы и господин Гарсия сможете мне разработать специальные ритуалы, чтобы помочь

пионерам этого мира избавиться от отягощающего их бремени.

— Мы подумаем, — задумчиво ответил Кинросс и отвернулся.

— Я сделаю все, что от меня зависит, — сказал мексиканец.

Ланкено попрощался и отправился наблюдать за строительством деревни.

— Кинросс, — сказал Гарсия, — что-то говорит мне, что за свой разум ты расплачиваешься демоном размером с «Куин Мэри».

Крюгертаун, так они называли свою деревню, был построен за один день. У Мэри была отдельная хижина, Кинросс и Гарсия построили себе хижины чуть ниже по реке, неподалеку от рощи. Фон Ланкено жил в деревне. Каждое утро Гарсия с Кинроссом собирали бананы и плоды хлебного дерева, которые затем относили к пещере и оставляли на каменном алтаре. Гарсия часто помогал Ланкено, который придумывал различные ритуалы для жителей деревни. Кинросс отказывался принимать в этом участие и бродил по холмам, не обращая внимания на черных пигмеев и серых женщин, которых с каждым днем становилось все больше. Иногда он видел Кербека, который гонялся за туземцами. Не раз Кинросс пытался поговорить с ним, рассказывая, что Крюгер лишил гиганта человеческого облика. Но Кербек лишь мычал в ответ, и Кинросс не знал, понимает его швед или нет. Мэри тоже держалась особняком, а вокруг нее всегда парили птицы: малиновки, жаворонки, колибри и белоснежные голуби. При встрече Кинросс пытался поговорить с Мэри, но та совсем не слушала его, рассеянно глядя по сторонам.

— Этот мир поглощает тебя, Мэри. Ты постепенно растворяешься в нем, теряя себя. Разве тебе не хочется вернуться обратно в Куинсленд, пока еще существует такая возможность? Потом будет слишком поздно.

— Здесь птицы, — ответила она. — Мне тут хорошо.

— Это не ответ, Мэри, — раздосадованно сказал Кинросс. Он посмотрел на ее алые губы, темные брови, ясное лицо. Ему вдруг захотелось обнять ее, и Кинросс положил ей руку на плечо. Но она выскользнула из его объятий.

— Мэри, я должен вернуть тебя в Куинсленд. Это моя обязанность.

Но она пошла прочь, напевая себе под нос незатейливую мелодию. Кинросс хмуро проводил ее взглядом. Вскоре он увидел ее стоящей с Кербеком на вершине холма. Казалось, они о чем-то беседуют...

Каждый день в деревне появлялись новые жители. Они приходили по одному, по двое, по трое. Однажды Кинросс спросил у Ланкено:

— Как вы думаете, долго ли это будет продолжаться?

— Число новоприбывших постепенно сокращается, — сообщил фон Ланкено. Очевидно, большинство желающих уже попали в этот мир. К тому же, и это тоже следует иметь в виду, по мере заполнения этого мира, он начинает понемногу терять свою привлекательность.

— Но когда же наступит предел?

— Надеюсь, до этого еще далеко. Нам нужны тысячи людей, чтобы создать полноценное общество. Нам также потребуется расширить границы этого мира. Сейчас, по моим подсчетам, наш мир составляет всего лишь пять миль в диаметре.

— А разве Крюгер не может расширить границы?

— В принципе, да, но это потребует от него невероятных усилий. Хотя все, что лежит за барьером, вообще не имеет никаких границ. Разве это не восхитительно, господин Кинросс?

— Скорее, угнетающе, — мрачно ответил Кинросс.

— Но почему же? Ведь чем больше населения, тем больше нам понадобится жизненного пространства. Я думаю, со временем мы можем сделать наш мир сферическим и вообще отодвинуть барьер реальности в другое измерение.

— Кто это — «мы»? — резко спросил Кинросс. — Вы и Крюгер?

— Нет, все мы. Все наше сообщество. Вы тоже сможете принять участие...

— Покорнейше благодарю, господин Ланкено. Тот поджал губы.

— Господин Кинросс, — торжественным тоном произнес он, — в любое время, как только вы пожелаете, вы сможете занять положение, которое по праву принадлежит вам в этом мире. И я искренне призываю вас сделать это. Я возложил на себя руководство только потому...

— Я не хочу принимать в этом никакого участия! Проклятый Крюгер и его проклятый мир. Что он сделал с девушкой по имени Мэри Чедвик!

— Герр Крюгер любит вас, господин Кинросс. В связи с особыми обстоятельствами вашего появления в этом мире мы и господин Гарсия являемся как бы органами осязания. Он может воспринимать этот мир только через всех нас, а также через туземцев, живущих на холмах.

— Я не слишком хорошего мнения о Крюгере. Надеюсь, он до сих пор сходит с ума от жажды.

Фон Ланкено предупредительно поднял руку.

— Он до сих пор страдает от жажды, — тихо произнес он, — и вы слишком жестоки, господин Кинросс. Уж если вам необходимо кого-нибудь ненавидеть, выберите меня, но не герра Крюгера.

Кинросс задумчиво окинул его взглядом.

— И зачем вы только бредетесь каждый день? — сказал Кинросс. Развернувшись, он быстрым шагом пошел прочь.

Обернувшись через некоторое время, он увидел, как Мэри Чедвик разговаривает с фон Ланкено, весело улыбаясь. Кинросс мрачно выругался.

Вечером того же дня Кинросс предложил Гарсии попытаться перейти обратно через барьер. Мексиканец отказался, сославшись на то, что занят, разрабатывая вместе с фон Ланкено новый ритуал для жителей деревни.

— Как хочешь, — сказал Кинросс, — тогда я сделаю это сам. Просто не буду верить в то, что он существует, и пройду через него безо всякого труда. Точно так же, как я это сделал в океане.

— И тогда ты снова окажешься в баркасе, где тебе тут же перережут горло, — ответил Гарсия.

Кинросс боролся с барьером весь день. Он подошел вплотную и почувствовал знакомое головокружение. Затем в воздухе перед ним возникало ухмыляющееся лицо Крюгера в окружении птиц, и он снова оказывался в миле от холма. Измученный и раздосадованный Кинросс под вечер вернулся домой.

Ланкено назвал это миром магии, подумал он. Но если птицы могут перелетать через барьер, то я тоже могу его преодолеть. К тому же, я делаю это ради Мэри. Если бы она только согласилась мне помочь...

Кинросс решил совершить еще одну попытку во время ближайшей грозы, когда Крюгер будет слиш-

ком занят со своими демонами дождя. Однажды утром, несколько дней спустя, небо внезапно потемнело, возвещая о приближении грозы. На склонах холма неистово плясали пигмен. В порывах ветра носились едва видимые тени серых женщин. Как только на землю упали первые капли дождя, Кинросс стал подниматься по склону холма.

По мере приближения к барьеру гроза стала усиливаться. Гремел гром, и в сверкании молнии Кинросс видел беснующихся демонов. Носящиеся над головой серые женщины оглашали окрестности своими жалобными стонами.

Целый день он сражался с барьером, выкрикивая проклятия в адрес Крюгера. Он падал на землю и поднимался, каждый раз обнаруживая себя вдали от заветного места. Он тяжело дышал, и все тело ломило от боли и усталости. Наконец, он был вынужден признать тщетность своих усилий и стал медленно спускаться в долину.

— Ничего, Крюгер, — прохрипел он, — в следующий раз я одолею тебя!

Гроза стихала по мере того, как он приближался к деревне. Увидев наполненные водой овраги, Кинросс позлорадствовал, что по крайней мере он заставил Крюгера разрушить деревню фон Ланкено. Как только он подошел к долине, дождь полностью прекратился. Через полмили он увидел, что деревня ничуть не пострадала.

Когда он приблизился к своей хижине, из кустов вышла Мэри. На голове и плечах у нее сидели белые голуби. Она странно улыбнулась Кинроссу.

— Ты что, Аллан, ходил купаться?

Он глупо уставился на ее сухую одежду.

— А разве здесь не бушевала гроза?

— Нет, немного покапал дождь, но тут же прекратился, — ответила с улыбкой Мэри. — Иди в хижину и высуши одежду. Ты выглядишь таким усталым.

Прихрамывая, он зашел в свою хижину и сбросил с себя мокрую одежду.

Она улыбнулась и назвала меня Алланом, подумал он. И здесь не было дождя. Назвала меня Алланом. Проклятие...

Однажды утром, гуляя далеко от деревни, Кинросс услышал странные звуки. На поляне он увидел Питера Уайта, который вместе с двумя жителями деревни пытался срубить толстый вяз. Бородатый родезиец загорел и выглядел сильным и крепким. Все трое заметили Кинросса, но избегали смотреть в его сторону, как и остальные жители деревни.

— Уайт! — позвал Кинросс. — Подойди сюда!

Родезиец не обратил на него никакого внимания.

— Приказываю именем Крюгера! — разозлившись, закричал Кинросс.

Уайт неохотно подошел к краю поляны.

— Уайт, ты ведь раньше был настоящим мужчиной, — сказал Кинросс. — разве ты не хочешь стать им снова?

— Я и так мужчина, — спокойно ответил родезиец.

— Мужчине нужна жена. У тебя есть жена, Уайт?

— Скоро герр Крюгер даст мне жену.

— Да при чем здесь Крюгер, черт побери! Я имею в виду там, откуда ты пришел. В Родезии.

— Я всегда был здесь.

— Неправда. Ты пришел сюда из другого мира и если постараться, то вспомнишь его. Ну, давай же! Родезиец нахмурился.

— Тогда я был другим. То был плохой мир.

— Неважно! Приказываю тебе именем Крюгера вспомнить свою жену и детей!

Лицо родезийца потемнело.

— Много жен и много детей. Мы жили под землей в туннелях, которые копали всю жизнь. Один из туннелей вывел меня в мир Крюгера. Я вышел из тьмы к свету. Это все, что я помню.

— Ладно, возвращайся к своей работе, — сказал Кинросс.

Уайт даже не пошевелился.

— Сначала вы должны снять с меня имя Крюгера, — сказал он.

— Хорошо, я снимаю с тебя его имя.

— Еще один раз. Вы два раза заклинали меня его именем.

— Ладно, снимаю еще раз. Иди работай!

Родезиец повернулся и пошел прочь. Через несколько секунд Кинросс услышал, как топоры снова застучали по дереву.

Вернувшись в хижину, Кинросс долго не мог уснуть. Его одолевала ярость. Мир Крюгера. Учение Крюгера. Ни слово, ни мысль, ни образ. Только действие. Что способно помочь? Какое бездумное, слепое действие?

Кинросс решил, что больше не станет приносить фрукты на алтарь Крюгеру. От этой мысли ему стало легче, и он заснул.

Проснувшись рано утром, Кинросс пошел в рошу, где позавтракал фруктами. Бродя без цели по окрестностям долины, он вышел к стене темного леса, отделявшего долину от пещеры. Повинуясь внезапно появившемуся чувству, он вошел в лес и скоро оказался на поляне. Двое жителей деревни — мужчина и женщина — складывали фрукты на каменный алтарь. У входа в пещеру, как всегда, сидел Сильва. Кинросс пытался поговорить со стариком, но тот лишь раскачивался из стороны в сторону и что-то бормотал про демонов. Кинросс пожал плечами, развернулся и пошел обратно в долину.

Это было прекрасное утро. В лазурном небе летали разноцветные птицы, в зеленой траве пестрели цветы. По деревне бродили жители в нарядных одеждах. Недалеко от хижины Мэри горел костер, и Кинросс почувствовал приятный запах древесного дыма. Ему хотелось насладиться таким замечательным утром, но что-то мешало ему слиться с жителями деревни в порыве радости. Он бесцельно ходил по деревне, бродил по фруктовым рощам, тщетно пытаясь придумать, какое именно действие требуется совершить, чтобы вырваться из этого мира. После долгих часов мучительных размышлений он решил вернуться в хижину и там попытаться преодолеть барьер.

Кинросс лег ничком на пол и несколько часов провел в таком положении, стараясь расслабить все свои мышцы и освободиться от мыслей. Наконец он услышал в воздухе знакомый серебряный голос.

— Кинросс, я хочу есть и пить. Принеси мне фрукты.

— Нет, эта роль не для меня. У тебя сотня людей, для которых будет счастьем обслуживать местного божка.

— Я должен получать это от тебя, Кинросс. Мы связаны незримой нитью. Я спас тебе жизнь, а ты силой своей воли помог мне перенести сюда мое тело. Ты передо мной в долгу.

— Я не согласен с тобой. Даже если я перенес твое тело в этот мир, сейчас я раскаиваюсь в этом.

— Не забывай, Кинросс, здесь я обладаю огромной властью. Кербек и Сильва не приносят мне фруктов. Я могу заставить их...

— Неправда, Крюгер. Ты даже не можешь заставить меня двигаться.

— Я не собираюсь этого делать. Я хочу, чтобы ты помогал мне по собственной воле.

— Ты просто не можешь ничего сделать. Я уже испытал тебя.

— Не в полной мере, Кинросс. Мне не хотелось причинять тебе боль.

Внезапно голос пропал, и Кинросс почувствовал ужасную усталость. Он закрыл глаза. Первый раунд я выиграл, подумал он.

Вдали слышались раскаты грома. «Второй раунд?». Поднявшись, он вышел из хижины. Мрачные грозовые тучи закрыли все небо. Черные демоны дождя плясали на холмах. Кинросс поспешно набрал дров и принес их в хижину. Огородив камнями место посреди хижины, он развел огонь.

Гроза началась внезапно. Яркие вспышки молний чередовались с оглушительными раскатами грома. Крупные капли дождя неистово барабанили по крыше. Дрожа от холода, Кинросс сидел у костра. День сменился ночью, но гроза не утихла. Прижавшись к теплым камням возле огня, Кинросс уснул.

Утро было ясным и холодным. Землю покрывал тонкий слой снега. На траве и ветках деревьев серебрился иней. Дрожа от холода, Кинросс стоял в дверях, когда услышал хруст снега. Кто-то направлялся в его сторону. Это оказался фон Ланкено. Впервые за все время Кинросс увидел его небритым.

— Простите, господин Кинросс, что нарушаю ваше уединение. Но я вынужден побеспокоить вас.

— Какое уединение?

— Как какое? Вы ведь уже несколько недель не покидаете свою хижину. Но я бы хотел поговорить с вами насчет этого холода...

— Если вы не можете переносить холод, то отпустите бороду, как это сделал я.

— Я не боюсь холода, господин Кинросс. Прежде, чем оказаться в этом мире, я тридцать часов пролежал на снегу в горах на высоте шестнадцать тысяч футов. Именно тогда у меня начались видения... Вы задели мою гордость, господин Кинросс.

Кинросс промолчал.

— Как долго вы еще собираетесь спорить с герром Крюгером? — спросил фон Ланкено.

— Наверное, пока ад не замерзнет, — хрипло рассмеялся Кинросс, а потом добавил: — Пока Крюгер не позволит мне пересечь барьер. Мне и Мэри Чедвик.

— Он никогда не отпустит вас, господин Кинросс. А мисс Чедвик и вовсе не желает покидать этот мир.

— Это Крюгер сделал ее такой!

— Мэри всегда была такой. Мы с ней часто встречаемся и много времени проводим в разговорах. Я узнал о ней довольно много. Надеюсь, в будущем я познакомлюсь с ней еще ближе. Но я понимаю, что вы хотели сказать...

— Вас прислал сюда Крюгер? — резко спросил Кинросс.

— Нет-нет. Я сам решил к вам прийти. Наблюдая за вами, господин Кинросс, я стал лучше понимать герра Крюгера. Скажите, вы знаете, что жители деревни страдают от холода и голода? Разве вы не чувствуете, что ответственность за это лежит на вас?

— За все, что происходит в этом мире, отвечает Крюгер. Пусть он делает так, чтобы снова было тепло.

— А если он не захочет этого сделать? Что произойдет тогда?

— Тогда мы будем продолжать страдать от холода и голода. Возможно, это проявит мозги некоторым жителям, и они помогут мне преодолеть барьер реальности.

— Они не станут этого делать, в этом я абсолютно уверен. Однако позвольте выразить свое восхищение вашим упорством и настойчивостью. Вам удалось отодвинуть барьер довольно далеко. Вы, господин Кинросс, обладаете огромной волей. Я выражаю надежду, что вы все-таки смиритесь со своим положением и займете в этом мире место, на которое вы имеете полное право.

— Либо я выберусь отсюда, либо умру. Вот это мое право.

— Господин Кинросс, у жителей деревни тоже есть право — остаться в живых. Ни я, ни господин Гарсия не будем настраивать их против вас. Но герр Крюгер может являться жителям деревни во сне и отдавать им приказания. И если они восстанут против вас, мы с господином Гарсией не станем им мешать.

— Ну что ж, это справедливо, — отметил Кинросс.

— В таком случае разрешите откланяться, — сказал фон Ланкено с легкой усмешкой на устах. Отсалютовав, он молча развернулся и пошел прочь.

Через несколько минут Кинросс услышал звук быстрых и легких шагов.

Это была Мэри Чедвик с искаженным от ярости лицом. Она прижимала к груди дюжину белых голубей.

— Бедные птицы умирают от холода. Они отморозили свои маленькие крылышки. А ласточки...

— Прости, — пробормотал Кинросс. — Я не хотел...

— Тогда немедленно прекрати это! Глупец! Собери эти идиотские фрукты и положи их на тот дурацкий алтарь!

— Это Крюгер приказал тебе прийти ко мне? — поинтересовался Кинросс.

Она презрительно окинула его взглядом. Кинросс почувствовал, как вспыхнуло его лицо.

— Почему ты во всем винишь меня, а не Крюгера? — спросил он.

— Потому что я могу прийти к тебе, но не могу прийти к Крюгеру. Ступай за фруктами!

— Ладно, — понуро кивнул Кинросс. — Я сделаю это только ради тебя, Мэри. Только ради тебя, а не ради Крюгера. — Он пытливо заглянул в ее глаза, в которых все еще полыхал огонь.

— Конечно, ради меня, — сказала она. — Поэтому я и пришла к тебе, идиот!

— О Боже! — пробормотал Кинросс и быстро ушел от Мэри. Когда он вернулся из рощи, снег уже растаял под лучами теплого солнца.

Второй раунд закончился вничью, подумал он.

Шли дни. Недели укладывались в месяцы. Каждое утро Кинросс приносил фрукты. Кладя их на каменный алтарь, он шептал: «Для тебя, Мэри». И каждое утро он оставлял цветы возле хижины Мэри. К вечеру они исчезали, хотя он никогда не видел, чтобы она их брала.

Почти каждый день в мире Крюгера появлялись новые люди, и вскоре население Крюгертауна возросло до трехсот человек. Время от времени Кинросс беседовал с Гарсией или с фон Ланкено. Последний обсуждал с ним планы строительства еще одной деревни. А Гарсия с гордостью сообщил, что Пилар беременна, и он надеется, что у них родится сын.

Иногда Кинросс разговаривал с другими жителями деревни. Никто из них не помнил своей родины. Все они полагали, что раньше жили под землей и что когда-нибудь они снова вернутся туда, чтобы заснуть. Они ничего не знали о смерти.

Наконец Кинроссу надоело слоняться без дела, и он решил построить себе дом в миле от деревни. Он приносил огромные камни из ручья, которые выкладывал друг на друга, скрепляя их глиной. Несущие опоры он сделал из стволов железного дерева. Внутри соорудил нечто вроде камина. Потом решил смастерить мебель. Несколько раз он видел Мэри, которая не проявляла к строительству ни малейшего интереса.

— Ах, Аллан, Аллан, — иногда со смехом говорила она, — и зачем ты только зря тратишь свое время и силы. Лучше бы ты как раньше гулял по рощам.

— А ты согласна гулять со мной? — спросил ее Кинросс.

Рассмеявшись, она развернулась и ушла в окружении своих птиц.

Кинросс обнес дом каменным забором, за которым разбил сад. Прорыв канал от ручья, он соорудил в саду небольшой бассейн. Набрав в роще семян, он посеял их в саду. Вскоре к нему стали прилетать птицы, чтобы поклевать ягод. Но Мэри так ни разу и не зашла к нему в гости.

— Камни мало привлекают меня, — сказала она ему как-то раз. Большую часть времени она проводила с фон Ланкено, и Кинросс старался избегать их. Его мучила мысль, что их могут связывать не только дружеские отношения. Погруженный в невеселые раздумья, он забросил свой дом и снова принялся бесцельно бродить по холмам и рощам. Иногда он встречал Кербека. Огромный швед совсем одичал и стал похож на косматого медведя. Каждое утро Кинросс исправно приносил фрукты к пещере и оставлял их на алтаре.

Однажды, спустившись с холмов в долину, он увидел молодую жительницу деревни, которая подвязывала виноградные лозы. Смуглокожая девушка была одета в простую холщовую юбку. Увидев Кинросса, она прекратила работу и стояла с опущенной головой, ожидая, пока тот пройдет мимо. Но Кинросс остановился и обратился к девушке, используя свой немногочисленный запас испанских слов.

— Как тебя зовут?

— Милагрос, сеньор, — тихим голосом ответила девушка, не поднимая глаз.

— Ты очень красивая, Милагрос.

— Пожалуйста, мне надо работать... Сеньор Крюгер...

— Пошли со мной, Милагрос. Я приказываю тебе именем сеньора Крюгера.

Сначала девушка залилась краской, а потом ее лицо побледнело. Ее глаза наполнились слезами.

— Пожалуйста, я вас очень прошу, не приказывайте мне...

— Кто тебе приказывает? — раздался мужской голос из-за виноградных лоз. — А, это ты, Кинросс...

Босой, в коротких саржевых штанах, Гарсия вышел к Кинроссу.

— Что здесь происходит? — поинтересовался он.

— Я хотел с ней поговорить...

Гарсия что-то спросил у девушки по-испански, и та ответила ему тихим, дрожащим голосом. Сжав кулаки, Гарсия повернулся к Кинроссу.

— Ну-ка сними с нее имя Крюгера!

— Милагрос, я снимаю с тебя имя Крюгера, — быстро сказал Кинросс. Гарсия, я ...

— Сними с нее имя по-испански, — злым голосом перебил его мексиканец. Когда Кинросс сделал это, он отослал девушку прочь.

— Кинросс, — сказал Гарсия, — я не могу лишить

тебя власти использовать имя Крюгера, но если ты будешь использовать это имя против его воли, я убью тебя. Ты меня хорошо понял?

— Не стоит делать поспешных выводов. Откуда ты знаешь, что я хотел?

— Милагрос поняла, чего ты от нее добивался. И я ей верю.

— Можешь верить чему хочешь. Мне все равно.

— Кинросс, держись подальше от жителей деревни. Это я приказываю тебе именем Гарсии. Ты, конечно, умнее меня, но что касается драки... — И мускулистый мексиканец угрожающе помахал огромным кулаком перед лицом Кинросса.

Кинросс стиснул зубы. Некоторое время он молча глядел на Гарсию, а потом сказал:

— — Ладно, Гарсия. Я тебя понял. Но единственный человек, с которым бы я подрался, к сожалению, бестелесный.

— Вот и хорошо, — ответил мексиканец. — Надеюсь, ты на меня не обижаешься. Будем считать, что мы заключили с тобой договор. Согласен?

— Согласен, — ответил Кинросс.

Вернувшись в свой сад за каменной стеной, он увидел, как несколько голубей клюют перезревший плод манго, который он оставил специально для птиц. Они ничуть не испугались, когда он подошел к ним вплотную. Нагнувшись, Кинросс быстрым движением схватил двух голубей. Сначала они пытались вырваться, а потом успокоились в его руках. Он отнес птиц в хижину, сам не зная зачем он это делает.

Давно уже наступила ночь, а Кинросс все еще сидел возле камина, глядя на тлеющие угли. Да, он мог справиться с Гарсией, потому что был умнее мексиканца. Но как бороться с человеком, у которого нет тела? Какое действие необходимо для этого? Какое бездумное действие?..

В чем слабость Крюгера? Что можно использовать против него? Кинросс лишь однажды попытался бросить ему вызов, отказавшись приносить фрукты. Но этот протест не принес никаких положительных результатов. Что же делать? Какое действие?.. Какое бездумное, бессловесное действие?.. Внезапно дрожь прошла по его телу. Он поднялся, взял голубей и вышел из хижины. Пройдя через темную рощу, он оказался возле алтаря. Старый Сильва поскуливал во сне. Сделав то, что он обязан был сделать, Кинросс вернулся домой и лег спать. Он ничего не помнил.

Солнце давно уже светило на небе, когда Кинросс вышел из хижины. Чтобы не заходить в деревню, он перешел на другой берег ручья и направился в рощу. Сорвав два перезревших плода манго, Кинросс понес их Крюгеру. Возле входа в пещеру он как всегда увидел Сильву. Тот сидел с закрытыми глазами и тихонько постанывал. Справа от пещеры стояла небольшая группа жителей деревни. Они угрюмо молчали.

Внезапно Кинросс увидел на алтаре двух обезглавленных голубей. Засохшая кровь темнела на каменной поверхности. Кинросс нахмурился, пытаясь понять, что это означает. Он попытался припомнить события вчерашнего вечера, но не смог. Подойдя ближе, он с такой силой бросил манго на окровавленный алтарь, что кожица перезревших плодов лопнула.

— Для тебя, Мэри, — громко произнес он. С вызовом посмотрев на испуганно сгрудившихся возле пещеры жителей деревни, он ушел. Долгое время он бродил по роще и только через несколько часов направился в сторону деревни.

Странная тишина повисла в неподвижном воздухе. Жители деревни молча направлялись к роще. Не слышно было обычных песен и щебетания птиц. Когда он вошел в деревню, до него донеслись причитания, полные горя и тоски. Он узнал голос Мэри.

— Кто дал право тебе и твоему Крюгеру устанавливать в этом мире такие законы. Ты убийца!

Затем Кинросс услышал бормотания фон Ланкено. Судя по тону, тот пытался успокоить девушку.

— О мои бедные голубки! — снова запричитала Мэри. — Бедняжки! Я заберу всех птиц с собой!

Кинросс увидел, как она выбежала из хижины и стала быстро подниматься по склону холма. Ее золотистые волосы были растрепаны, а лицо искажала гримаса боли. Вскоре она скрылась из виду.

Внезапно Кинросс заметил, что никогда еще солнце в мире Крюгера не было таким теплым и ласковым, деревья такими зелеными, а цветы такими яркими. Прямо на его глазах из земли стали пробиваться грибы с красными шляпками. Из-за хижин вышел фон Ланкено. На его гладко выбритом лице застыло скорбное выражение. Он подошел к Кинроссу и хотел что-то сказать, но внезапно они услышали крик Гарсии. Повернувшись, они увидели мексиканца, бегущего со стороны рощи.

— Что-то случилось с жителями деревни, — задыхаясь от быстрого бега, крикнул он, обращаясь к фон Ланкено. — Они отказываются выполнять ритуалы. Они не слушают меня!

— Что они делают? — спросил фон Ланкено.

— Ничего. Просто стоят и молчат.

— Джо, произошло нечто очень важное. Пока я не знаю, что именно... Я как раз хотел поговорить по этому поводу с господином Кинроссом... Эти голубки... Но ты прав, мы должны сделать так, чтобы жители вернулись в свои хижины... Возможно, господин Кинросс согласится нам помочь.

— Я бы лучше помог им вернуться обратно в свой мир, — ответил Кинросс. В голове у него царил сумятица.

— Возможно, сейчас это будет лучшим решением. Не знаю, что и сказать, господин Кинросс. Пойдемте посмотрим, что мы можем сделать.

Внезапно они услышали душераздирающие крики, а затем возбужденный гул голосов.

— Это Сильва! — воскликнул Гарсия. — Por Dios, что у них там происходит?

Он побежал в сторону рощи и вскоре скрылся среди деревьев. Кинросс и фон Ланкено ринулись следом. Внезапно крики прекратились.

На поляне перед пещерой собрались почти все жители Крюгертауна. На каменном алтаре лежало тело старого португальца. Его голова представляла собой кровавое месиво.

Гарсия выругался по-испански. Фон Ланкено сжал кулаки.

— Как это могло случиться? Я просто не могу себе представить...

Какие-то смутные воспоминания появились в голове у Кинросса.

— Кинросс! — раздался позади них приглушенный шепот. Мужчины обернулись, но ничего не увидели.

— Спасибо, Кинросс, — продолжал нашептывать голос, — за то, что ты научил меня, как избавиться от жажды.

Фон Ланкено схватил Кинросса за руку.

— Что вы сделали, Кинросс? — взмолился он. — Скажите, я должен знать! Что вы сделали?

— Лучше посмотрите, что происходит сейчас, — хрипло ответил Кинросс.

Жители стояли полукругом вокруг алтаря. Фон

Ланкено приказал им вернуться в деревню, но они не обратили на его слова никакого внимания. Внезапно они увидели, как несколько мужчин повели к алтарю сопротивляющуюся девушку. Кинросс узнал в ней Милагрос. Он сразу же понял, что ее ожидает судьба Сильвы.

— Прикажите им именем герра Крюгера! — в отчаянии обратился к Кинроссу фон Ланкено.

— Остановитесь, черт вас поберит! — закричал Кинросс. — Я приказываю вам именем Крюгера! — Его сердце было готово выскочить из груди.

Но его слова не возымели никакого действия.

— Кинросс, прошу вас, — взмолился фон Ланкено, — скажите мне, пока еще не поздно: что вы сделали?

— Клянусь, не знаю, — прошептал Кинросс. — Действительно, не знаю.

— Придется с ними сразиться, — прорычал Гарсия, сжав огромные кулачища. — Смотрите, они остановились!

Стая пестрых птиц внезапно вылетела из рощи и принялась кружить над толпой. В задних рядах толпы замельтешили, люди расступились, освобождая проход к алтарю.

Это был Кербек. Бронзовый гигант, словно щепки, растолкал замешкавшихся. Подойдя к Кинроссу, он остановился, глядя на него ничего не выражающими голубыми глазами. Следом на Кербеком шла Мэри Чедвик — как всегда, в окружении птиц.

— Он собирается убить Крюгера, — сказала она. В ее глазах все еще бушевал огонь ярости.

— Madre de Dios! — пробормотал Гарсия.

Они молча наблюдали, как огромный швед обогнул алтарь и решительно направился ко входу в пещеру. Из темноты пещеры донесся пронзительный вопль, от которого у Кинросса прошел мороз по коже. Через мгновение оттуда появился Бо-Бо, загородив своим массивным телом вход.

Издав воинственный клич, Кербек бросился вперед. Огромный негр ринулся к нему навстречу. Два гиганта столкнулись, и земля задрожала. Обхватив друг друга, они раскачивались из стороны в сторону, пытаясь каждый повалить соперника. Толпа восторженно загудела, наблюдая за схваткой двух исполинов. Бо-Бо дрогнул и отступил. Оба великана рухнули на алтарь, и камни разлетелись в разные стороны. Катаясь по земле, они свалились в ручей, и чистая вода почернела и забурлила. Кинроссу показалось, что они внезапно стали расти. Обернувшись, Кинросс увидел, как Мэри Чедвик заворочено наблюдает за борьбой, слегка приоткрыв алые губы.

Внезапно Кинросс почувствовал, как кто-то сильно сжал его локоть. Это был фон Ланкено.

— Сейчас, — прошептал он. — Я почти уверен, что Крюгер сейчас не контролирует барьер. Я преклоняюсь перед вами, господин Кинросс. Возьмите с собой женщину, если она согласна.

Кинросс собрался с мыслями.

— Мэри, ты готова пойти со мной?

— Конечно, черт возьми! — ответила она. — Но я заберу с собой всех птиц.

Повернувшись к Гарсии, Кинросс протянул руку мексиканцу.

— Расстанемся друзьями, Джо? — спросил он.

— Я не понимаю тебя, — ответил тот, — но желаю удачи.

Они пожали друг другу руки, и Кинросс с Мэри быстро пошли в сторону деревни.

По дороге им встречались пигмеи, но теперь они казались размытыми тенями. Небо стало матовым,

каким было в самом начале. Деревья и все остальные предметы потеряли четкость.

— Мэри, — сказал Кинросс, — мне кажется, что мы уже преодолели барьер.

— Это было бы здорово! — воскликнула девушка.

Кинросс вел ее, держа за руку, разговаривая без умолку. Он рассказывал ей, как они поженятся и обоснуются в Калифорнии. Калифорния очень напоминает Куинсленд. Путешествия, театры, хороший дом, спокойная жизнь.

Мэри не отвечала. Небо становилось все темнее, а пейзаж — все более неопределенным. Когда они стали подниматься в гору и темнота сгустилась, Кинросс понял, что им удалось вырваться из мира Крюгера. Птицы по-прежнему сопровождали Мэри, но их стало гораздо меньше. Луна исчезла.

Мэри часто останавливалась, и Кинроссу приходилось ждать девушку. Она казалась печальной и задумчивой. Только раз она произнесла:

— Птицы... Я не могу забрать всех с собой.

Внезапно донесся жалобный стон выпи. Мэри резко остановилась и посмотрела на Кинросса. Жалобный крик повторился. Мэри позвала птицу и подняла руки к небу. Ничего не произошло.

Мэри опустила руки.

— Она не может прилететь ко мне, — со слезами в голосе сказала она. — Я возвращаюсь обратно. Иди сам, Аллан.

— Нет! — воскликнул Кинросс. — Ты должна пойти со мной! Никуда я тебя не отпущу!

Он схватил ее за плечи, но почувствовал внезапную слабость и рухнул на колени, в изнеможении цепляясь за девушку.

— Останься со мной! — взмолился он.

— Я должна вернуться, — ответила она ровным голосом, помогая ему подняться. — Я не смогу без моих птиц. Прощай, Аллан. — И она нежно поцеловала его в лоб.

Он побрел прочь, боясь обернуться назад, чтобы снова не потерять силы.

Через некоторое время он заметил, что на небе снова появилась луна. Идя по дну оврага, Кинросс наткнулся на широкую нору, уходящую вниз. На мгновение он остановился, а затем решительно прыгнул вниз.

Он катился вниз, ударялся о камни, но не чувствовал боли. Небо уменьшалось в размерах, а серебряное озеро, ждущее его внизу, росло. Прошло еще несколько мгновений, и воды озера сомкнулись над головой Кинросса.

Он размахивал руками и ногами, судорожно пытаясь выплыть. Легкие разрывались от недостатка воздуха. Внезапно он почувствовал боль в пальце и обнаружил, что сидит возле тернового куста. Его одежда оказалась абсолютно сухой.

Был день. Рядом бежал ручей, а неподалеку на песчаном холме виднелись кенгуру. Кинросс взял пригоршню песка и пропустил его сквозь пальцы. Он мог различить даже самую маленькую песчинку. Настоящий песок, не поддельный. Да, это был старый мир. Его мир. Кинросс встал и почувствовал, как ему невыносимо хочется пить.

Он подошел к ручью и, встав на колени, принялся жадно пить холодную воду. Но жажда не проходила. Он опустил лицо в прозрачную воду и снова пил до тех пор, пока не почувствовал, что больше в него уже не влезет. Но жажда продолжала терзать его. Он с трудом встал на ноги.

До его слуха донеслись звуки. Всадники двигались к ручью. Он ощутил их каждой клеточкой своего тела — почувствовал этих теплых существ: людей и лошадей. Он ощутил запах крови. Запах горячей крови, которая текла в их венах и артериях. От жажды у него помутилось в глазах, и Кинросс внезапно понял, кто он.

Он притаился в надежде, что они не заметят его...

*Перевел с английского
Сергей КОНОПЛЕВ*

В издательском доме «Техника-молодежи» выходит «Энциклопедия техники»

В ней описаны типовые и уникальные образцы военной и гражданской техники, отечественное и зарубежное оружие; рассказывается о его создании и совершенствовании в контексте всемирной истории. Издание снабжено многочисленными цветными иллюстрациями, используются фотоматериалы, отснятые в запасниках Московского Кремля, Историческом и других российских музеях, а также в закрытых экспозициях «силовых» министерств и специальных служб.

Запланирован выпуск 25 томов семи основных серий:

1. Стрелковое оружие. 2. Авиация. 3. Бронетанковая техника. 4. Артиллерия. 5. Флот. 6. Автомототехника, городской транспорт. 7. История войн, сражений, боевого искусства.

Как подписаться на «Энциклопедию техники»?

Сделайте почтовый денежный перевод, эквивалентный (по курсу ММВБ) 5 долл. США на р/с 13345520 в АКБ «Бизнес», МФО 201638, уч. 83, к/с 478161600 в РКЦ ГУ ЦБ РФ. Вышлите квитанцию о переводе по адресу: 125015, Москва, Новодмитровская ул., 5а, «Техника — молодежи». Укажите обратный адрес. Под этот залог вам вышлют один из первых томов «ЭТ». Чтобы получить следующий, переведите на указанный счет рублевый эквивалент (по курсу ММВБ) 2 долл. США. Объем и стоимость томов различна, но вы не прогадаете.

Телефон: (095) 285-72-94 Факс: (095) 285-16-87

И не забудьте подписаться на журналы «Техника — молодежи» (каталог АИП, индекс 70973; тел. 285-16-87) и «Горные лыжи/SKI» (каталог «Книга-сервис», индекс 73076; тел. 285-88-96).

Борис
Стругацкий

ТЕОРЕМА СОТВОРЕНИЯ

Р.Макенна наделил своих героев поистине космическими возможностями, заставив их выступить в роли творцов нового мира. Но что любопытно: и сам автор выступает в роли демиурга, который создает предлагаемый читателю мир, в котором герои творят собственных персонажей, которые обустраивают собственную реальность, которая... ряд, вероятно, можно продолжать до бесконечности. Но ведь идея, заданная автором, «жизненная сила» его воображаемой Вселенной — это лишь предельно яркая метафора «энергетики» самой фантастики. Поэтому этот номер журнала мы решили посвятить природе вымысла, способности человека творить новое «я» и новые сущности из суммы невероятностей, называемой жизнью. А гидом в этой стране вымысла выступит человек, прекрасно знающий, как создается новая реальность. Что может быть интереснее, чем заглянуть в творческую лабораторию писателя, где в огне таланта кипят, клокочут, обретают форму странные, неведомые миры?

Вэпиграф к «Понедельнику» вы вынесли строки из Н.В. Гоголя: «Но что страннее, что непонятнее всего, это то, как авторы могут брать подобные сюжеты, признаюсь, это уж совсем непостижимо, это точно...» Если реалист, как когда-то определил Чернышевский, калькирует жизнь, то фантастам приходится свой мир конструировать. Как вам представляется

механизм вымысла?

— Конечно, я задумывался над этим. Обсуждал и дискутировал с Аркадием Натановичем. Но одно скажу твердо: не знаю никаких закономерностей вымысла и не могу себе их представить. Появление в воображении элементов до сих пор невиданного — процесс мало контролируемый и идет он скорее на уровне подсознания. Как рождались наши идеи? Вдруг ни с того, ни с сего один из нас восклицал: «А что, если?..»

Некоторые замыслы, подобно радужным мыльным пузырям, лопались сразу же. «Шарики», которые представлялись более плотными, брали в руки, переминали, пробовали — и все же отбрасывали. Только один процент в итоге шел в дело.

Правда, Генрих Саулович Альтов всерьез был озабочен этой идеей: он пытался нащупать механизмы изобретения образов. Ну, например, считал, что количественное изменение может дать качественный скачок. Вспомним: у Уэллса человек-невидимка один, а если их будет 10 тысяч? Совершенно иная ситуация. И тем не менее я не знаю ни одного писателя, который сумел бы систематически применять подобную методику. Сам Альтов пытался использовать ее в своей новелле «Ослик и аксиома». Пример прекрасный, но одинокий.

Знаете, в фантастической литературе главное не фантастическая идея, не выдумка. Подобное равнозначно утверждению, что в пикантном остром блюде основное — соль и перец. Но попробуйте их без гарнира — ни удовольствия, ни пользы. А пищей, даже без приправ, хотя бы можно насытиться. Писатель-реалист вспоминает, а писатель-фантаст вынужден придумывать, в этом отличие между реалистической литературой и фантастикой. Нельзя вспомнить мир, где человечество борется с растениями-хищниками. Но можно допустить такую возможность и посмотреть, как будет развиваться ситуация. Так появился «День триффидов» Уиндема...

— Но ведь какой-то «первотолчок», заставлявший воссоздавать именно такие, а не иные миры, был?

— Мы написали 25 или 26 крупных произведений. И каждое рождалось иначе, чем предыдущее. Рабочая идея «Пикника на обочине» возникла, когда, отдыхая в Комарове, мы наткну-

лись на заброшенную автостоянку, и кто-то спросил: «Интересно, как это место воспринимается ночью лесной живностью?» Кстати, тогда же мы придумали еще два сюжета — «Малыша» и «Парня из преисподней». Кажется, во время ленивой беседы перед сном кто-то обронил фразу: «Предположим, человеческий детеныш упадет не к волкам, как Маугли, а к представителям разумной цивилизации». Ему ответили: мол, это уже было, а значит, неинтересно. Но хозяин идеи настаивал: что если это окажутся не гуманоиды, а какие-нибудь спруты или пауки? Ну, если спруты, тогда ребенок сразу утонет... Но все же — какими должны быть взаимоотношения ребенка со своими приемными родителями?.. Словом, так появилось на свет большинство наших замыслов. Какая-то идея становилась привлекательной, обрастала строительными лесами, и возникало здание.

Создание мира — разновидность умственного строительства, ты чувствуешь себя демиургом. Увлекательнейшая работа — придумать 100 — 200 независимых друг от друга элементов! Часто они складывались из большого числа подсознательных актов. Постепенно возникает строение необычной конструкции, иногда очень странное. Как нам пришло в голову создать мир «Града обреченного» между стеной, уходящей бесконечно далеко вверх, и пропастью без дна? Почему возник именно этот образ?

Первым актом творения для нас стало создание «мира Полудня». Его основы появились в результате рациональных логических рассуждений о будущем. Как будет развиваться мир, где нет ничего более страшного, чем преступления против человеческого здоровья? Убийство, столь обычное для нашего «сейчас», приобретает совершенно иное восприятие. Так родился один из рассказов «Возвращения», в котором охотник, случайно убивший разумное существо, всю жизнь терзается чувством вины. Но подобное возможно лишь в рамках придуманного мира.

Отдельно стоит «предполуденный» цикл романов о ближайшем будущем — «Страна багровых туч», «Стажеры», «Хищные вещи века», «Путь на Амальтею». Кроме того, есть ряд миров, созданных специально для конкретного произведения. Скажем, «Улитка на склоне» или «Град обреченный» были созданы единожды, под конкретную идею. «Понедельник» и «Сказка о тройке» — космос романтического научно-исследовательского института, отягощенный «домашним» бюрократизмом. В «предполуденном» будущем происходит действие «Отягощенных злом» — мира какого-то промежуточного характера, но более реалистического и жестокого.

— В 1953 году Юрий Трифонов написал роман «Студенты», а двадцать лет спустя из-под его пера вышел «Дом на набережной», где автор почти в точности повторил сюжет, сохранив тех же действующих лиц, поменяв лишь их имена, но полностью, на 180 градусов, сменил интонацию. Вы

писали «Стажеров», «Возвращение» — книги, проникнутые уверенностью в будущем. А затем им на смену пришел «Град обреченный». Горбовский, который появляется в «Полудне» как генератор идей и душа общества, в романе «Волны гасят ветер» умирает... от скуки. Не опровергали ли вы таким образом себя в себе?

— Это совершенно неправильное представление. Для нас как авторов мира «Полудня» и «Града обреченного» совершенно не противостоят друг другу. «Возвращение. Полдень XXII век» писали молодые здоровые оптимисты, у которых все же хватало ума понимать недоступность мира, изображенного ими. Поэтому мы еще тогда подчеркивали, что рисуем воображаемый мир, в котором хотелось бы жить. К «Граду» мы приступили в середине 70-х, когда государство наше не хранило уже для нас особых тайн. Не надо было иметь семь пядей во лбу для понимания простой истины — все идет не так, страна валится в какую-то пропасть. Нам тогда уже стало ясно: кроме «отдельных недостатков» существуют целые их системы. И в мире «Полудня» это тоже есть. Вмешательство в дела других приводит к тому, что «прогрессоры», вынужденные работать в чужом мире, где они Боги, чьи действия непонятны и нежелательны, становятся чужими в мире собственном. Такого свойство любого придуманного мира, который начинают обживать. Даже если мы допустим создание абсолютно «черного», злого мира, то, создавая второй или третий роман цикла, автор неизбежно захочет его разбавить чем-то светлым. Невозможно монотонно дудеть в одну дуду. Это противоречит самой природе творчества. Необходимо постоянно менять палитру, иначе наступает сенсорное голодание.

Что касается Юрия Трифонова, то «Студенты» и «Дом на набережной» были написаны как бы совершенно разными людьми, отличающимися не только возрастом, но и жизненным опытом. Говорят, даже в физиологическом плане человек полностью обновляется раз в семь лет. Мне трудно вспомнить, какими мы были во времена «Далекой радуги». Более того, мне не интересен Б. Стругацкий «образца 1960 года». Он упрощенно представлял себе действительность, и его аналог — это современный 15-летний школьник. Я готов увидеть в нем хорошие задатки, оценить природную любознательность. Но и только.

— Вы как-то видели перспективу своих миров или они развивались помимо вашей воли?

— Нас всегда занимал вопрос, как может развиваться общество «Полудня». Да, социальные проблемы будут решены. Наука и техника смогут удовлетворить почти все потребности. Человечество станет чище, образованнее, но не умнее и не честнее. Мир будет лучше, стабильнее, безопаснее, но что заставит человека действовать дальше — шевелить лапками? Какая потребность или необходимость? Установка на творческий труд неверна. Это не для homo sapi-

енса, либо он должен превратиться в другой вид, который живет по совершенно иным законам. «Полдень» поэтому постоянно «доставлялся».

В августе 1968 года мы ясно осознали, что такой мир недостижим. Уже с середины 60-х нами владели сверхзадачи иного плана. Происходившее с нами и нашей страной стало самым главным, хотя, по образному выражению Лема, одеваться оно могло в какие угодно галактические одежды. «Жухом в муравейнике» мы пытались доказать теорему: если в стране существует тайная полиция — неизбежно будут умирать невинные люди. Даже если работать в этом ведомстве будут самые достойные и нравственные сотрудники. Человек, который, переходя улицу, смотрит сначала направо, а затем, дойдя до середины, налево, в городе с достаточно сильным движением долго не проживет. Есть структуры политические, социальные, экономические, самим фактом своего существования вызывающие определенные последствия. Здесь не помогут ни честность, ни доброта, ни ум...

— Виктор Банев из «Гадких лебедей» — это действительно Владимир Высоцкий? И вообще, все ли ваши герои имели реальных прототипов?

— Большинство — да, кроме как раз Банева. В его лице мы имели в виду многих бардов сразу — Высоцкого, Кима, Визбора, Окуджаву, Галича, и никого конкретно. Хотя почему-то узнают в Баневе только Высоцкого. Мы брали черты совершенно конкретных людей: и для Привалова, и для Ойры-Ойры. Почти во всех наших персонажах так или иначе «проявлены» реальные личности. Но это нужно было скорее для заправки. Изя Кацман из «Града обреченного» тоже имеет прототип. Но никакого глубокого смысла в этом нет. Просто Аркаша предложил: «Давай писать Изю под него...» Если взять «Хромую судьбу», то прототип главного героя — Аркадий Натанович, а в «Граде» и «За миллиард лет до конца света» — Борис Натанович.

— Борис Натанович, некоторые ваши произведения — «Сказка о тройке», «Обитаемый остров» считались откровенно антисоветскими. Аналогии были просто прямыми. Ставили ли вы перед собой задачу сделать их именно такими?

— Когда мы писали «Сказку», то уже находились в оппозиции к началству, но не к системе. Оставалась надежда, что она еще способна к саморазвитию. Ведь сумела же преодолеть культ личности! Писалась «Сказ-

ка» трудно, желчью и кровью. Но в конце концов ее запретили просто потому, что никто не хотел отменять решение Иркутского обкома КПСС о журнале «Ангара», где повесть признали идеологически вредной.

А вот «Обитаемый остров» был задуман как безобидный боевик о приключениях комсомольца XXII века. Но куда денешься от реальной действительности! Ни над одним нашим романом цензура так не измывалась. Цензоры, разумеется, видели роман о похищении комсомольца, что было неплохо, с их точки зрения, но при этом они постоянно натывались на дурно пахнущие реалии реального социализма. Не будь роман фантастическим, его бы просто запретили. В результате в «Обитаемом острове» было сделано более 500 подцензурных исправлений.

— Ваше последнее совместное с Аркадием Натановичем произведение «Жиды города Питера» представляло собой прогноз?

— Ничего подобного. Мы рассматривали проблему, что произойдет, если... Вот и все. Было совершенно ясно: попытка контрреволюции неизбежна. Какой-нибудь переворот обязательно произойдет. В этой песне мы попытались представить, как поведут себя представители различных поколений, анализировали психологию обывателя, брошенного в пучк. И хотя не угадали детали, мне думается, уловили главное: молодежь совершенно не испугалась. Ни танков, ни тайной полиции. Оказалось: чтобы все вернуть назад, надо снова осуществить огромную кровавую работу, которая была проделана «чрезвычайкой» в период с 1917-го по 1925-й. Нужно опять сажать и расстреливать без суда и следствия сотни тысяч людей. Новое поколение не боится — вот что важно. Мы-то все пуганые, мы люди с переломанным хребтом. А вот эти — новые, молодые, незнакомые, очень часто несимпатичные, совсем не радующие глаз, — обладают одним важным достоинством. У них нет страха.

— Борис Натанович, какой вы видите дальнейшую судьбу своих миров?

— Развиваться они уже не будут, а останутся такими, какими получились. Автора А. и Б. СТРУГАЦКИЙ больше не существует. А если Б. Стругацкий и опубликует когда-нибудь что-нибудь, то только под псевдонимом...

Беседовал Владимир ГУБАРЕВ

△ Есть бытие, но именем каким
Его назвать? Ни сон оно, ни бденье;
Меж них оно, и в человеке им
С безумием граничит разумыне.
Он в полноте понятия своего,
А между тем, как волны на него,
Одни других мятет жней, своенравней,
Видения бегут со всех сторон:

Как будто бы своей отчизне давней,
Стихийному смятенью отдан он;
Но иногда, мечтой воспламененный,
Он видит свет, другим
не откровенный.

Евгений Баратынский

Гарри Гаррисон
Капитан Борк

Что такое космос? Как на самом деле выглядят звезды? На это нелегко ответить. — Капитан Джонатан Борк обвел взглядом серьезные напряженные лица, ждущие его слов, и опустил глаза на свои руки, опаленные космическим загаром. — Иной раз ты словно падаешь в бездонную яму, протянувшуюся на миллионы и миллиарды миль, а бывает, что ты чувствуешь себя мошкой, затерявшейся в сверкающей паутине вечности, беспомощным обнаженным существом под безжалостным светом звезд. И звезды там совсем другие: они не мерцают, как вы привыкли видеть; это точки, откуда льется пронзительный свет.

Произнося эти слова, капитан Борк в тысячный раз проклинал себя за ту ложь, что льется из его уст. Он, капитан Борк, межзвездный пилот, на деле — гнусный лжец. Даже после пяти орбитальных полетов на Марс он не имел представления, как на самом деле выглядят звезды. Его тело вело корабль, но сам Джонатан Борк командную рубку корабля видел только на Земле.

Он просто не мог в этом признаться. И когда люди задавали ему вопросы, он произносил заученные фразы.

Он вернулся к столу, окруженному друзьями и родственниками. Прием устраивался в его честь, и надо было выдержать до конца. Помогло бренди. За час он осушил бутылку, и когда пришло время выбираться из-за стола, его извинения были приняты с участливым пониманием.

Он вышел во двор — да, их старинное «семейное гнездо» имело даже свой небольшой садик. Прислонился к темной каменной стене, еще хранившей дневное тепло. Бренди разливало тепло по всему телу, и, когда он посмотрел на мерцающие круги звезд и закрыл глаза, под веками продолжали танцевать сверкающие точки.

Звезды. С детства они влекли и манили его. Всю свою жизнь он подчинил им. Он жаждал стать одним из немногих, кто прокладывает путь по звездным дорогам. Стать пилотом.

В семнадцать он поступил в Академию, оказавшись самым молодым курсантом. И уже через год понял, что звезды — это самый большой обман в истории человечества.

Сначала он прилагал все усилия, чтобы уйти от этой нелегкой мысли; он настойчиво искал другие

объяснения. Но ничего не получалось. Все, что он знал, все, что изучал, подтверждало его странное предположение.

Он никуда не мог уйти от терзавших его мыслей и наконец решил найти им подтверждение. Это случилось во время занятий по психологии, когда курсанты, используя теорему Паллея, разбирали проблемы взаимной ориентации в пространстве и уровня сознания при ускорении. Он нерешительно и робко поднял руку, но профессор Черник, обладавший орлиным зрением, сразу же увидел ее и пригласил юношу встать. Прежде чем Борк осознал, что делает, слова хлынули из него потоком.

— Профессор, если мы признаем справедливость теоремы Паллея, то даже минимальное ускорение отрыва подведет нас к порогу сознания. И, следовательно, фактор ориентации, как мне кажется... ну, он...

— Господин курсант, что вы там мямлите? — холодный голос Черника резал, как лезвие бритвы.

Джон разозлился:

— Из этого следует единственный вывод! Любой навигатор, взявшийся пилотировать космический корабль, окажется в таком беспомощном состоянии, что не сможет контролировать свои действия.

Класс разразился смехом, и Джон почувствовал, что его лицо заливают горячая краска стыда. Даже Черник, прежде чем ответить, позволил себе едва заметную улыбку.

— Отлично. Но если это правда, то полеты в космос невозможны, а мы, заметьте, летаем туда едва ли не каждый день. Я думаю, вам все станет ясно, когда в следующем семестре мы приступим к изучению вопроса о пороге стрессовых ситуаций...

— Нет, сэр, — прервал его Джон. — Тексты не отвечают на эти вопросы, а скорее избегают их. Я тщательно проштудировал весь последующий курс.

— Господин Борк, не хотите ли вы назвать меня лжецом? — Голос Черника был так же холоден, как его глаза. В аудитории наступила мертвая тишина. — Прошу вас покинуть помещение. Отправляйтесь к себе в комнату и оставайтесь там, пока не получите нового приказа.

С трудом переставляя окаменевшие ноги, Джон пересек аудиторию и вышел. Никто не спускал с него глаз, и он чувствовал себя, как приговоренный на пути к эшафоту. Похоже, вместо того чтобы получить ответы на свои вопросы, он сам выгнал себя из Академии.

Теперь ему уже не быть пилотом. Пилотом становится один из сотни, остальные довольствуются работами по обслуживанию космического флота. Мало кому из поступивших удастся успешно пройти весь курс Академии; кажется, он оказался среди неудачников...

Когда наконец зуммер интеркома сообщил, что курсанта Борка вызывают в апартаменты Президента Академии, он почти смирился со своей участью. Он вскочил с первым же сигналом и быстро прошел к эскалатору, который поднял его на нужный уровень. Секретарь с каменным лицом кивнул ему, открыл дверь, и Джон оказался лицом к лицу с Адмиралом.

— Профессор Черник сообщил мне об инциденте. Кроме того, я прослушал запись вашего... гм... диспута.

Это удивило Джона: он не предполагал, что аудитории оснащены записывающими устройствами. Меж тем Адмирал продолжал:

— Поздравляю вас, мистер Борк. Вы допущены к тренировкам по пилотированию космических кораблей. Конечно, если вы еще желаете стать пило-

гом. — Джон попытался что-то сказать, но Адмирал остановил его движением руки. — Не торопитесь, я хотел бы, чтобы вы меня выслушали. Как вы уже поняли, космические полеты — отнюдь не то, что знает о них обычный человек.

Когда мы начали осваивать космос, то столкнулись с тем, что теряем девять из десяти кораблей. Девять из десяти! И не техника подводила нас, нет. Телеметрическая аппаратура, при помощи которой мы следили за состоянием пилотов, показала, в чем причина неудач: полеты с околосветовой скоростью ввергают человека в состояние, близкое к ступору. Если даже он не теряет сознания и сохраняет какой-то контроль над своими действиями, неспособность ориентироваться в огромном количестве возникающих факторов совершенно лишает его возможности управлять кораблем.

Вы скажете: а как же техника, автоматы, компьютеры? Они стали неплохими помощниками в штатных ситуациях, но стоит обстановке измениться, что в космосе происходит постоянно, как они моментально «сходят с ума».

Мы оказались в тупике. Корабль должен был пилотировать человек, но именно человек не мог этого сделать. В доках стояло множество отличных лайнеров, но некому было вести их в космос. Мы пробовали и медикаменты, и гипноз, и множество других вещей, стараясь приспособить людей к существованию в космосе. Но все наши попытки приводили к одному и тому же эффекту — пилот переставал четко контролировать свои действия. Правда, теперь уже из-за воздействия лекарств.

Решил проблему доктор Моше Коэн, вы должны были слышать о нем.

— Кое-что: кажется, он был первым директором Психологической службы?

— Да, только в этом качестве он и известен широкой публике. Может быть, в свое время ему будет воздано должное. Доктор Коэн открыл дверь в Космос.

Его теория заключалась в том, что Хомо сапиенс как биологический вид не приспособлен для существования в космосе — полностью и бесповоротно. Доктор Коэн приступил к созданию Хомо ново. Под воздействием мысленного внушения и специальных процедур человеческое тело способно к невероятным свершениям — например, ходить по огню или проявлять совершенно немыслимую реакцию. Доктор Коэн пришел к выводу, что потенциальные возможности человеческого тела очень велики, и единственное, что необходимо, это — воздействовать на мозг Хомо ново, раскрыв его резервы. В результате всех этих операций человек обретает как бы две индивидуальности.

— Я не понимаю, сэр, — прервал его Джон, — а не проще ли работать с младенцами, изначально готовя их к иной среде обитания?

— Конечно, — ответил Адмирал, — но, к счастью, у нас есть законы, запрещающие такие исследования. Доктор Коэн никогда даже не обсуждал такой подход; он работал только с добровольцами. Кстати, психиатрия ведь тоже рассматривает случаи раздвоения личности, но там это аномалия, а у нас — результат направленного воздействия на «пациента». И то, что кажется ужасным и нестерпимым для «земного» человека, является нормальной жизненной средой для его космической ипостаси. Именно это второе «я» ведет корабль от планеты к планете. А пассажиры находятся в анабиозе, который избавляет их от столкновения с жестокой реальностью околосветовых перелетов.

Программа экспериментов была строго засекречена — на то существовали свои веские причины. Я

могу представить, какие поднялись бы вопли, узнай люди, что космонавт, пилотирующий корабль, по сути, пребывает в бессознательном состоянии. — «Наши жизни вручены безумцу!» — всполошились бы они. Поэтому о программе знают только инструкторы, пилоты и несколько высоких должностных лиц.

Как вы убедились, даже студенты Академии не представляют себе истинной сущности космических пилотов. И если курсантам удастся пробиться сквозь дымовую завесу, в изобилии рассеянную по страницам наших учебников, им предлагается какая-нибудь другая работа в Космофлоте. Если же они одарены способностью анализировать и делать выводы — как вы — они поймут необходимость таких программ. Они получают возможность узнать, что им придется делать, если они добровольно изберут этот путь.

Полагаю, я сумел ответить на все ваши вопросы. Джон задумался.

— Если позволите, еще один вопрос. Что представляют собой эти самые «специальные процедуры»? То есть, на самом ли деле я несколько...

— Сойдете с ума? Ну конечно же, нет. Ваша новая индивидуальность, Джон II, может существовать только в космосе, в командной рубке корабля. Подлинная же индивидуальность, Джон I, будет жить и действовать на Земле. Единственное неудобство — полная амнезия в отношении того, что происходит в космосе. Индивидуальности действуют совершенно независимо друг от друга. И когда доминирует одна, второй на этот момент словно не существует.

Джон напряженно думал. Ему потребовалось немного времени, чтобы принять решение.

— Я хочу стать пилотом, Адмирал. Факты не меняют существа дела.

Они пожали друг другу руки. Адмирал был слегка печален. Он делал это уже много раз. Он знал, что все будет не совсем так, как представляли себе молодые добровольцы.

Джон оставил Академию в тот же день, даже не успев попрощаться со своими приятелями. Тренировочная Школа пилотов, хотя и была частью той же самой базы, представляла замкнутый и вполне автономный мир.

Наконец пришло то, о чем он так долго мечтал. Теперь к нему относились не как к зеленому курсанту, а как к равному среди равных. Он оказался среди немногих избранных. Их было двенадцать, будущих пилотов, а весь персонал Школы составлял полторы тысячи человек. Скоро стало ясно, для чего это нужно.

Первые несколько недель он подвергался разнообразному тестированию. Проводил бесконечные часы в гипнокамере. Сначала его посещали ночные кошмары, и много дней он пребывал в странном полусонном состоянии. Потом это, казалось, прошло. Первый этап программы — отделение друг от друга двух индивидуальностей — был завершен. И когда это случилось, Джон I ничего не узнал о Джоне II.

Но он узнал второе «я» другого пилота — это было частью программы. Дженкинс, так звали коллегу, внешне оставался прежним — стройным пареньком примерно на год старше Джона. Он проходил тест «Проверка исправности двигателя в условиях постоянных ускорений». Джон с трудом верил своим глазам. У Дженкинса II были бесстрастное лицо и стремительные молниеносные движения, на которые Дженкинс I никогда не был способен. Он сидел в гравитационной капсуле, которую то и дело

швыряло в самых неожиданных направлениях. И в то же самое время Дженкинс II моментально перекидывал тумблеры, нажимал клавиши и кнопки, повинаясь огонькам на контрольной панели. Его пальцы двигались стремительно и точно, и даже когда капсула описала неожиданную дугу с ускорением в 3g, он ни на мгновение не вышел из ритма. Обостренное восприятие моментально реагировало на каждое перемещение капсулы, на любое изменение ситуации, и тело с покорностью и быстротой автомата слушалось пилота.

Когда Джон II обрел свою сущность, с Джоном I произошла неприятность. Однажды, вместо того чтобы отправиться в психорубку, он обнаружил себя в госпитале. На ладони была глубокая рана, а два пальца оказались сломанными.

— Это случается при тренировках, — сказал доктор. — Что-то произошло с гравитационной камерой, и вы спасли себя, вовремя схватившись за распорный брус. Немного повредили себе руку, вот и все. Посмотрите на брус.

Доктор улыбался, протягивая пациенту кусок металла, и, взглянув на обломок, Джон понял причину улыбки. Это был стальной стержень, толщиной в полдюйма, но согнутый и обломившийся. Джон I с трудом мог бы сделать это даже при помощи молота.

Однако тренировки приносили пользу не только Джону II. Когда вторая индивидуальность утвердилась достаточно прочно, время тренировок было разделено в соотношении 50:50. Джон I изучал все, что должен был знать космонавт, но лишь до той поры, пока он не входил в командную рубку. Он обслуживал корабль — осмотр, ремонт, загрузка, функционирование систем, общение с пассажирами. Джон I был пилотом, и все обязаны были верить в него. Они не должны были догадаться, что стоит ему переступить порог рубки, как он проваливается в темноту.

Много раз он пытался уловить этот момент, но тщетно. Сама командная рубка теперь являлась тем кодовым словом, которое мгновенно приводило к трансформации личности. Как только Джон делал шаг за порог рубки или хотя бы бросал взгляд внутрь, тут же появлялся второй. Джон II сразу же занимал свое место и немедленно приступал к делу.

День окончания подготовки оказался самым важным и в то же время самым волнующим и тревожным в его жизни. Здесь не существовало выпускных классов. Как только пилот завершал обучение, он покидал Школу. Адмирал в присутствии персонала Школы лично вручал пилоту платиновые крылья — древний символ человека в полете. Забыть этот момент было невозможно.

Он едва успел попрощаться с домашними, потому что корабль уже был готов к старту — еще одна традиция. Новый пилот совершал свой первый полет в день выпуска. Всего лишь короткий прыжок к Луне на корабле с грузом — но все же это был полет. Джон вскарабкался по трапу к входному люку, повернулся и помахал близким, едва различимым отсюда. И вошел в командную рубку.

Затем он вышел из люка на поверхность Луны.

У него исчезло ощущение времени. Только что он находился на Земле, а следующий вдох сделал уже на Луне. Правда, сейчас он был в скафандре, мускулы ныли, и печаль терзала его. Это был самый грустный опыт в его жизни...

В саду на Земле, глядя на молодую Луну, Джон вспомнил о прошлом и почувствовал, как оно сухим жаром свело ему рот. В доме кто-то смеялся, и пилот

явственно слышал перезвон бокалов. Тогда он собрал волю, заставив себя вспомнить, где находится.

Это их семейный дом, и это вечер в его честь. Все было еще хуже, чем он себе представлял. Одно дело всю жизнь врать самому себе и совершенно другое быть фальшивым героем в своем собственном доме.

Расправив плечи и сбив щелчком невидимую пылинку с пиджака, он вошел в дом.

На следующее утро он уже прибыл на базу, где его ждали изнурительные 48-часовые испытания, предшествовавшие каждому полету. Все его физические способности были доведены до предела, прежде чем доктор дал разрешение на полет. Путешествие обещало быть самым длинным и самым важным из всех, что совершал Джон.

— Долгая дорога, — сказал дежурный офицер, готовя звездные карты. — К Юпитеру или, точнее, к восьмому спутнику. Придется догонять его. На нем, как вы знаете, теперь база и обсерватория, и надо снять новую группу наблюдателей. Астрофизики измеряли гравитационное поле Юпитера. Их двенадцать человек вместе с оборудованием. Немалый груз. Ваша главная забота — пояс астероидов. Вы не должны удалиться слишком далеко от плоскости эклиптики, иначе можете попасть в метеоритный поток. Желаю удачи!

Джон пожал руки пассажирам, когда они поднялись на борт, и проверил техников, запечатывавших камеры анабиоза. Затем, завершив обход, направился к командной рубке. Прежде чем открыть дверь, он на мгновение помедлил. Это было последнее его действие, прежде чем на свет появился Джон II. Он замешкался лишь на секунду, затем рванул дверь на себя, успев подумать: следующая остановка — Юпитер.

Но это был не Юпитер. Это был ад.

Он не мог ни видеть, ни слышать. Тысячи ощущений обрушились на него, и все они несли боль. Она была больше, острее и страшнее всего, что ему приходилось испытывать до этого. Но она заставила его сделать попытку открыть глаза.

Прямо перед ним оказался иллюминатор, а за ним — звезды. Джон был в космосе, в командной рубке. На мгновение он почти забыл о боли, увидев расстилавшиеся перед ним звездные просторы. Затем боль снова вернулась, и он попытался понять, что произошло и как ему необходимо действовать, чтобы прекратить эту невыносимую пытку. В рубке было темно, освещалась только гигантская панель управления. Она мигала разноцветными огоньками, подрагивала стрелками датчиков, но он не имел представления, что они означают.

Боль достигла таких размеров, что он застонал и потерял сознание.

На эти несколько минут Джон I вернулся в свое тело, откуда Джон II испарился в легкой панике. Он потерял контроль над собой и провалился в черноту. И не мог допустить, чтобы это случилось снова. Тренированная нервная система нейтрализовала часть болевых ощущений, но их оставалось еще достаточно, чтобы сознание мутилось от боли. Метеорит — да, это, должно быть, метеорит.

На передней переборке образовалась дыра размером с кулак, сквозь которую со свистом вырывался воздух. Пробив дыру, метеорит ударился в переборку за ним. Когда он испарился при ударе, здесь, должно быть, произошла ослепительная вспышка и взрыв, наделавший немало бед, — повсюду был разбрызган расплавленный металл и покорежено основание кресла пилота. Джон II с трудом дышал.

так как компрессоры, надсадно гудя, не могли справиться с изменившимся давлением, резким падением температуры и утечкой воздуха.

В шкафчике в десяти футах от него хранился скафандр. Но Джон был не в состоянии отстегнуть привязные ремни, державшие его в кресле. Электрический разъем вышел из строя, а механический был покорежен. Он рванул пряжку, но тщетно.

Дышать становилось все труднее. Снова нахлынула паника, побороть которую он не сумел.

Джон II сделал судорожный глоток и закрыл глаза.

Открыл их Джон I.

Захлестнувшая его боль казалась невыносимой. В бегстве от нее он рухнул в темноту.

И снова пилот открыл помутневшие глаза. Первое мгновение он ничего не видел, но потом ему удалось сфокусировать взгляд. Он смотрел прямо перед собой, и в глазах его не было и следа здравого смысла.

Ибо Джон III был ближе к своему животному естеству, нежели человек разумный, когда-либо ступавший по Земле. Выжить — вот и все, что он хотел. Выжить и спасти корабль. Он смутно помнил о Джоне I и Джоне II, но в случае необходимости мог прибегнуть к их памяти. Сам он не вспоминал и не мыслил ни о чем, кроме боли. Рожденный в боли и существующий в боли: всем его миром правила одна сплошная боль.

Джон III был глубоко имплантирован в сознание Джона I. Когда даже второе «я» не может спасти корабль, когда все усилия оказываются тщетны, в последнем рывке на помощь должен прийти Джон III.

Он был предназначен не для решения тонких и сложных проблем. Увидеть — сделать. Память Джона I подсказала ему: «Добраться до скафандра!» Он попытался встать и понял, что не может этого сделать. Двумя руками он рванул ремни, но они не поддались. Дело в застежке; он должен открыть ее!

Из всех инструментов у него оставались только руки. Он засунул палец в пряжку и рванул ее. Палец согнулся, хрустнул и сломался. Джон III не почувствовал боли. Он вообще ничего не почувствовал. Он пустил в дело второй палец и снова потянул. Второй палец почти справился с задачей, но Джон ободрал его до кости. Он ухватился за пряжку третьим пальцем. Пряжка наконец сломалась, когда он зацепил ее большим пальцем. Изуродованная и переломанная кисть безвольно повисла. Он с усилием выдрался из кресла. Бедро правой ноги сломалось в тот момент, когда лопнул

нижний ремень. Подтягиваясь на правой руке и отталкиваясь левой ногой, он пополз к скафандру.

Дышать становилось все труднее. Он непрестанно моргал, стряхивая ледяные кристаллы, налипавшие на ресницы. Его сердце билось вчетверо быстрее, доставляя кислород борющемуся телу.

Джона III не беспокоило то, что с ним происходит. Его мир всегда был только таким. Единственное, что он мог сделать, чтобы снова впасть в счастливое забытие, это завершить начатое. Только так. Он никогда не знал и его никогда не учили тому, что смерть — тоже путь к спасению.

Он старательно освободил скафандр от зажимов и влез в него. Повернул тумблер подачи кислорода и застегнул последнюю молнию. И со вздохом облегчения закрыл глаза.

Джон II открыл глаза и почувствовал боль. Но теперь ее можно было терпеть, ибо ситуация изменилась. Аварийная заплатка прекратила утечку воздуха, и, пока компрессоры повышали давление, пилот изучал контрольную панель. Корабль должен был переходить на вспомогательную орбиту. Джону надо было брать управление в свои руки. Это все, что от него требовалось.

Когда давление достигло семи фунтов, он расстегнул скафандр и оказал себе первую помощь. Он был удивлен, увидев, в каком состоянии находится его правая рука. Он не помнил, как это произошло. Поспешив закончить перевязку, он вернулся к ремонту.

Джон так никогда и не узнал о существовании Джона III, этого безвестного спасителя, способного на смертельный рывок и теперь покойно спящего в глубинах его существа. Джон I был уверен, что вытащил их из этой передраги Джон II. Джон II даже не задумывался над такими вещами. Его дело — вести корабль.

Джон медленно восстанавливал силы в госпитале на Юпитере-8. Он был потрясен, увидев, как изуродовано его тело, но опасность, по мнению врачей, миновала. Боль еще долго мучила его, но он не обращал на нее внимания. Это была недорогая цена за все, что ему досталось.

Он больше не был лжецом. Он был пилотом — пусть даже на несколько секунд.

Он видел звезды.

Перевел с английского
Илан ПОЛОЦК

Гарри Гаррисон. Капитан Борк.

фирма ПРОКСИМА предлагает:

- Многоязыковую систему национальной поддержки для Windows и Windows for Workgroups - **R-WIN**
Совместимость со всеми приложениями для Windows!
- Впервые в России - **Microsoft Developer Network** - официальный периодический ежеквартальный источник технической и стратегической информации фирмы Microsoft для программистов и пользователей MS Windows и Windows for Workgroups - на компакт-дисках! Тысячи страниц документации, примеры программ, утилиты и даже бета-версии новейших операционных систем - прямо в Вашем компьютере!
- Программные продукты фирм Microsoft, Borland, Symantec.
- Разработка и изготовление стандартных и оригинальных TrueType и PostScript шрифтов.
Нашими шрифтами напечатан журнал "Если".

тел/факс (095) 195-99-22

ЗА ГРАНЬЮ ВОЗМОЖНОГО

Уникальные способности, которые демонстрируют люди в экстремальных ситуациях, — это далеко не фантастика. В архиве объединения «Феномен», президентом которого является автор этих строк, собраны сотни свидетельств невероятных возможностей человека. Герои этих историй ни в чем не уступят третьему «я» пилота Борка. Не верите? Обратимся к фактам.

Медицина утверждает, что вода, из которой, как известно, на 90 процентов состоит человек, при замерзании расширяется и буквально разрывает клетки тела на части. Выжить в такой ситуации нет никакой возможности. Однако известен один случай, когда люди умудрились все же остаться в живых после смертельной схватки с морозом. Вот лишь несколько примеров.

В марте 1961 года в морг больницы одного из совхозов Казахстана доставили труп мужчины. В акте осмотра была сделана запись: «Окоченевшее тело полностью обледенело, без признаков жизни. Температура на поверхности ниже нуля по Цельсию. Глаза раскрыты, на них ледяная корочка. Пульс и дыхание не прослушиваются. Диагноз: общее замерзание, клиническая смерть».

Вопреки заключению, доктор П.Абрамян принял энергичные меры для оживления пострадавшего: согревание теплой водой, стимуляция сердечной деятельности, искусственное дыхание. Через полтора часа усердной работы тракторист В.Харин пришел в себя. Ему, правда, ампутировали пальцы рук, но он остался жить.

Схожий случай произошел в Токио в 1967 году. Лето выдалось жаркое, и водитель рефрижератора М.Сайто решил немного отдохнуть в морозильной камере грузовика — постоять среди блоков «сухого льда». Дверь неожиданно захлопнулась. Когда водителя хватило и вскрыли дверь, Сайто полностью заоченел и не подавал признаков жизни. Но после экстренной медицинской помощи он был спасен.

Значит, действительно существуют некие неведомые возможности человеческого организма, способные в экстремальных случаях буквально удесатерить нашу жизнестойкость. И, конечно, подобные проявления могут быть связаны не только с сильнейшим переохлаждением.

Известны и факты, когда человек приходил в себя будучи уже закопанным в могилу.

Трагическая история произошла в провинции Асир на юге Саудовской Аравии. Некий Муаттак Зафир Аш-Шахрани заявился домой через сутки после своих похорон, пролежав в могиле более 28 часов.

Причиной смерти Аш-Шахрани послужил удар по голове, нанесенный крылом ветряной мельницы. Родственники, не сумев привести пострадавшего в чувство, завернули его в саван и захоронили.

По словам «мертвеца», он пришел в себя «от топота копыт овец» и стал кричать. Пастухи, услышав странные

звуки, разрыли землю. Но увидев шевелившегося человека в саване, в ужасе разбежались. Муаттак с трудом добрался домой. Но там его ждал новый удар. Когда мать и сестра увидели его в дверях, то упали замертво — сердце не выдержало потрясения.

Удивительное дело, порой человек умирает от укола булавки, а иной раз его буквально ничто не берет. И вряд ли стоит здесь определять какие-нибудь закономерности. К сожалению, наша система самосохранения действует безотказно далеко не всегда. Многие моменты проявления подобных, прямо скажем, сверхчеловеческих возможностей пока остаются никак не объясненными современной наукой. Однако жизнь множит примеры, поистине выходящие за грань реальности.

В архиве музея медицинского колледжа в Массачусетсе зарегистрировано происшествие, которое известно специалистам, как «американский случай травмирования ломом». 13 сентября 1847 года стало несчастным днем для Файнз Гейнджа, мастера железнодорожного участка Рутланд-Берлингтон. Он закладывал взрывчатку, готовясь к взрыву, и утрамбовывал порох в шпуре железным прутом диаметром 1,5 дюйма. Прут, наткнувшись на камень, высек искру, грянул взрыв. Лом вылетел из шпура и, ударив Гейнджа в скулу, пробил голову. Товарищи доставили окровавленного, но не потерявшего сознания Гейнджа в отель, находившийся на расстоянии полутора миль от места происшествия — единственное место поблизости, где могли оказать медицинскую помощь. Прибыв туда, Гейндж сам прошел в приемную врача, поднявшись по длинной лестнице. Во время операции хирург вынужден был удалить часть мозга. Никто не надеялся на благополучный исход. Но судьба была милостива к пострадавшему. Он прожил еще много лет, поставив в тупик множество медиков, недоумевающих, как человек мог выжить после такой травмы.

А вспомните историю с покушением на Григория Распутина! Его травили цианистым калием, били, стреляли в него из пистолета, топили в ледяной проруби... Но он упорно не хотел умирать.

Может, в этом эмоциональном подходе, в этой жажде жизни и кроется секрет «бессмертия»? Ведь мы обычно воспринимаем смерть и болезни, как нечто должное, даже не пытаемся восстать против них. Между тем каждому из нас природа от рождения дарует «уникальную аптеку» — мощные биофизические механизмы, способные победить практически любую напасть.

О том, что сильный дух дарует здоровье телу, говорил еще известный древнеримский философ Сенека. И не просто говорил, вся его жизнь была тому убедительным доказательством. В молодые годы он был настолько болен, что дважды пытался само-

убийством прекратить телесные муки. Но потом задумался о причинах своих недугов, занялся психическими упражнениями и полностью восстановил здоровье. Даже в возрасте семидесяти лет, когда Сенеку приговорили к смерти за участие в заговоре против императора Нерона, его здоровье и сила духа можно было только позавидовать. Не желая отдаваться в руки палача, Сенека в присутствии друзей вскрыл себе вены на руках. Но кровь текла медленно, и тогда он перерезал вены на ногах. И вновь его тело не пожелало умирать. Он принял яд, но и это не подействовало. Лишь погрузившись в горячую ванну и выпив изрядное количество вина, Сенека сумел наконец победить свою выработанную годами тренировок волю к жизни...

Мы даже не подозреваем толком, на что способны, живем, не используя и малой толики того, что даровала нам природа. Но в экстремальных ситуациях даже обычные люди превращаются в могучих, быстрых и почти бессмертных...

...Десятибалльный шторм в Нарвском заливе возник внезапно. Тралбот Э-7200, принадлежавший эстонскому колхозу «Онтобер», находился уже всего в полутора километрах от порта Нарва-Йыэсу, когда сильный порыв ветра и высокая волна перевернули его вверх дном. Несчастье случилось на глазах многих людей. Всем было совершенно ясно, что команда погибла. Да погода все равно не позволила бы приступить к спасательным работам.

Лишь на другой день, когда шторм утих, к месту гибели Э-7200 направили мотобот с водолазами. И они, к своему удивлению, сквозь металл чуть выдающегося из воды днища услышали слабые человеческие голоса! Тотчас же были приняты меры к спасению оставшихся в живых моряков. С помощью автогена в днище вырезали круглое отверстие, через которое и выбрались наружу двое полузадохнувшихся судомехаников. Оказалось, что, когда тралбот перевернулся, они находились в машинном отделении. К счастью, там оказалась воздушная подушка, благодаря чему вода залила трюм не полностью. Более суток, держась за трубопроводы, они находились по плечи в холодной декабрьской воде, считая себя обреченными на смерть...

Случай, конечно, исключительный. Но привлек он к себе внимание еще и другим обстоятельством. Дело в том, что, вылезая из своего заточения, моряки хватались за раскаленные до высокой температуры края вырезанного отверстия. Однако никаких следов ожогов у них на руках не обнаружилось! Видимо, трагичность положения и необычное психофизическое состояние этих людей сделали их кожу невосприимчивой к ожогам. Не подобным ли образом удается йогам (да и не только им) ходить босыми ногами по раскаленным углям?

А вот еще пример, который под-

тверждает, что экстремальные ситуации поистине являются колыбелью рекордов, достойных книги Гиннеса. Наверняка многие атлеты позавидовали бы результату, показанному одним из летчиков поляной авиации. Закрепляя лыжу самолета, он почувствовал, что кто-то толкнул его в спину. С явным неудовольствием пилот обернулся и увидел перед собой... огромного белого медведя! Мгновение — и покоритель неба очутился на крыле своего самолета. Подоспевшие товарищи убили зверя и удивились: «Как ты очутился на крыле?» — «Вспрыгнул», — заикаясь ответил летчик. Но когда он попробовал еще раз повторить свой трюк, не преодолел и половины высоты.

Не менее удивительный случай произошел с коллегой упомянутого «прыгуна-рекордсмена». Вынужденный в аварийной обстановке срочно покинуть самолет, пилот руками разорвал шланг, соединяющий его высотный костюм с бортовой аппаратурой. А шланг был армирован толстой стальной спиралью. На земле его не могли разорвать четверо физически сильных людей.

Ничего сверхъестественного в приведенных примерах нет. Физиологи, например, считают, что человек усилием воли может потратить только 70% своей мускульной энергии, а остальные 30% — это резерв на случай

каких-либо чрезвычайных обстоятельств.

Академик Н.М.Амосов говорил, что «запас прочности» у человека значительно выше, чем это принято считать, что его органы и вся система способны выдерживать напряжение раз в десять большее, чем в обычной обстановке...

Подтверждением этому может служить эпизод, описанный в книге Х.Линдемана «Аутогенная тренировка». Женщина, услышав крик при давленном автомобиле сына, выбежала из дома и, чтобы спасти ему жизнь, нашла в себе силы руками приподнять кузов тяжелой машины! Аналогичный случай зарегистрирован в Иране, когда во время землетрясения мать, спасая ребенка, приподняла обломок стены весом в несколько центнеров.

Чем же объясняют ученые такие сверхвозможности человека? Увы, точных ответов ни у кого нет. Но в целом специалисты думают одинаково.

Что ж, пожелаем науке добраться до истины и поставить, наконец, все точки над «i» в этом вопросе, но главное все же, что человек вовсе не так слаб и беспомощен перед стихиями, окружающими его. Подобными «аномальными» способностями обладающий вовсе не единицы, а каждый из нас. Другое дело, что лишь немногие могут вложить «на все сто процентов».

Мнения.

Биофизик, профессор В.Кузнецов:

«Все биохимические, физиологические, психические и иные резервы современного человека как бы собраны в некий конденсатор, который в критический момент может «разрядиться» самым удивительным образом. Однако механизм действия такого «конденсатора» окончательно не разгадан».

Психолог Д.Азаров:

«Резервы человеческого организма огромны, но они не используются целиком и полностью из-за скверного «руководства». Это можно подтвердить тем, что одним лишь мысленным сосредоточением на определенной группе мышц спортсмен достигает более высоких показателей. Такие приемы мысленной концентрации на определенном задании создавались веками и сегодня трансформировались в школу так называемого аутотренинга. Используя методику этой школы, можно добиваться поистине поразительных результатов».

Директор Института высшей нервной деятельности и нейрофизиологии РАН, академик П.Симонов:

«Говорят, что человек обычно использует лишь 10 процентов потенциальных возможностей своего мозга. Но лично я не знаю серьезных научных работ, где бы корректно доказывалось это правило. Более того, я бы не сказал, что существуют наблюдения, подтверждающие, что в экстремальных ситуациях человек решает интеллектуальные задачи лучше, чем в обычных условиях. Другое дело, что, действительно, в критических положениях человек переходит к более ранним, более древним способам реагирования. И это реагирование — именно потому, что оно более древнее и более простое, — протекает подсознательно, неосознанно. Человек в экстремальной ситуации может делать все правильно, но сам даже не осознает, как это у него получается. Просто мы извлекаем очень древние пласты наших навыков».

Немецкий врач Х.Линдеман (в одиночку переплывший Атлантический океан на надувной лодке):

«Кроме физической выносливости мне понадобилась активная помощь разума, умение преодолевать любую слабость тела силой духа. Аутогенная тренировка — вот ключ к неисчерпаемым резервам человеческого организма, сила тренированного мозга способна подчинить себе самое слабое тело, превратив его в могучий инструмент, послушный воле хозяина».

Встреча с кентавром

Познание окружающего нас мира — процесс вечный. Особенно интересно оказаться свидетелем рождения новых форм изучения действительности. Многое из того, что когда-то представлялось лишь гипотезой, сегодня обретает живую плоть. Так произошло и с появившейся совсем недавно наукой — кентавристикой. Правда, надо заметить, ее родоначальник, член-корреспондент РАН, писатель Даниил Данин пока называет свое детище более скромно — попытка науки, что вполне понятно, поскольку кентавристика сегодня существует еще не в виде строгой научной теории. Впрочем, обо всем по порядку.

Даниил Семенович рассказал, как более 25 лет назад он должен был сделать доклад о годовой продукции студии «Центрнаучфильм» и поэтому за непродолжительное время посмотрел не менее 50 научных кинолент. Однако среди всех увиденных картин встретились и такие, которые помимо сугубо деловой научной информации, объем которой можно, что называется, подсчитать в битах, присутствовало также совсем другое, не поддававшееся никаким подсчетам. Эта, если так можно выразиться, эстетическая сверхинформация шла уже на совершенно ином уровне и была аналогична той, какую мы получаем, читая художественную литературу. Получается, чисто научные, на первый взгляд, картины на самом деле оказались научными и художественными одновременно, своего рода кентаврами. Отсюда и выведено определение кентавра — как жизнеспособного сочетания несочетаемого.

Вскоре после этого была написана статья под шутливым названием «Сколько искусства науке надо?», где высказывалось предположение, что, возможно, когда-нибудь возникнет целая наука — кентавристика, которая будет заниматься тонкой структурой парадоксов, оксюморонов, антитез. Сразу поясню понятие «оксюморон».

В переводе с греческого это означает «глупо-остроумное». Вот, к примеру, название известного произведения Л.Толстого «Живой труп» — опять явное сочетание несочетаемого.

Кентавров придумали древние греки. Но для чего? Простейшая

версия такова: в Фесалийских горах существовало племя мужчин, прекрасных охотников и искусных воинов, вся жизнь которых проходила верхом. По легенде, они никогда не слезали с коней. В них сочетались благородство и ум человека с могучей силой красавцев скакунов. Рассказы об этом племени и создали яркий миф, метафору, смысл которой в том, что «всадник не погоняет коня, а конь не сбрасывает всадника», они не могут разлучиться. Ангелы и черти также кентавры. Но зачем они понадобились человеку? Для того, чтобы постичь или хотя бы описать, построить в воображении некий мир, где начала добра и зла были материализованы, приходили в столкновение и посещали человеческую душу на равных правах. С одной стороны, ангелы как символ божьего царства, с другой, черти как олицетворение подземного адского мира. И то, и другое может ждать нас когда-то потом. Люди не способны жить в мире, ими не постигаемом, не осознаваемом, потому и возникли оба этих вымысла. Наше общество в последние годы претерпело значительные изменения. Уход в небытие старых догм и разного рода идеологических предрассудков позволил кентавристике открыто заявить о себе. Ведь она уже, по определению наблюдаемого «объекта», который есть жизнеспособное сочетание несочетаемого, находится в постоянном противоречии с диалектическим материализмом, требующим не сочетания, а борьбы противоположностей и в результате — победы одного из начал.

Поразмышляем о природе материи, то есть о природе элементарных частиц, из которых состоит все сущее. Оказывается, они вовсе не элементарны, а представляют собой некое соединение несоединимого, двусловные образования: частицы-волны. Но частица локализована в точке, а волна распространена в пространстве. Значит, опять-таки кентавр, правда, на микроскопическом уровне. Это не что иное, как корпускулярно-волновой дуализм, который великий французский химик Анри де Бройль назвал «самым драматическим событием в физике XX века». Причем волнообразность не побеждает корпускулярность и наоборот, у них абсолютно разные сферы

проявления. Подтвердил это Нильс Бор в своем принципе комплементарности:

«Противоположности не исключают, а дополняют друг друга».

Надо заметить, что автором кентавристики уже сформулирован закон некоммутативности кентавров. Пояснить его можно на следующем примере: человек-лошадь, бесспорно, выглядит вполне нормально и, более того, имеет свой глубокий смысл, а попробуем представить себе существо с лошадиными мордой и крупом на тонких человеческих ножках, — получается явная нелепица. Нам, правда, известен Минотавр, быко-человек, стороживший лабиринт на острове Крит. Но он был один и неповторяем. Поэтому совершенно очевидно, что в создании кентавров действовали эстетические принципы, те же самые, на которых строится всякая мифология да и вообще культура. Отсюда наиболее естественны поиски кентавров именно в этой области человеческого бытия. Известно, что самыми главными составляющими здесь являются искусство и наука. Лев Толстой очень точно обозначил суть их взаимосвязи, назвав науку и искусство сердцем и легкими одного организма. Однако первая — прибежище объективности, а второе — обитель субъективности, то есть, казалось бы, они несочетаемы. На самом деле метафора Л.Толстого еще раз подтверждает их естественную неразрывность. Вот, скажем, башня Татлина. Высота ее равна 400 метрам, что составляет одну сотысячную протяженности меридиана, а угол наклона соответствует углу наклона земной оси. Она образована из геометрических фигур: полусферы, куба, прямоугольника. Тут налицо научное начало, использованное для достижения максимальной эстетической выразительности. Так что такое кентавристика? Оказывается, она сама есть кентавр, где, с одной стороны, строгая научность, а с другой — противостоящий ей дилетантизм. Но без него не обойтись, поскольку, выдвигая проблемы, он как бы расставляет вехи, по которым их находят другие, способные получить точный и объективный результат. Таким образом происходит ускорение процесса познания нашего бытия.

Подготовил Сергей НИКИФОРОВ

Клиффорд Саймак
Зловещий кратер Тихо

Все было в порядке. Денег, правда, кот наплакал, но их много и не бывает — разве что подвернется удача, а она подворачивается нечасто. Тем не менее синдикат пока довольствовался малым. Не то чтобы они были в восторге от моих успехов, но рассуждали так: мол, дадим парню шанс. Они до сих пор считают меня мальчишкой, хотя мне уже двадцать семь.

Пожалуй, насчет синдиката надо объяснить поподробнее. Звучит громко, а на деле — ничего особенного. Синдикатом именует себя теплая компания из моего родного городка Милвилла: они потратили часть своих сбережений, чтобы отправить в космос помешанного на Луне парня, который рос у них на глазах, — пускай попытает счастья. Помоему, уступили они в конце концов только потому, что начали предвкушать, как будут хвастаться тем, что вложили средства в освоение Луны.

Вот так я попал на Луну и катил сейчас на вездеходе, размышляя о тех, кто остался на Земле, и радовался про себя, что наконец-то, после четырех дней в Пустыне, направляюсь обратно к Енотовой Шкуре. Не спрашивайте, почему поселение называли именно Енотовой Шкурой, а другое, у кратера Шомбергер, Клячей, а третье, в Архимеде, Трепотней. По идее, им следовало присвоить какие-нибудь красивые названия — нарекают же кратеры именами ученых — или, на худой конец, обозвать, скажем, Луноградом или там Селенополисом. Впрочем, мне кажется, удивляться тут нечему. Когда Луна была далеко, все изощрялись в придумывании названий попышнее, но как только начали ее осваивать, в ход пошли наименования, которые напоминали о доме.

Я провел четыре дня в Пустыне к северо-западу от Тихо. Ну, доложу вам, и местечко: поверхность так и норовит встать дыбом. Прогулка оказалась более-менее успешной — в холодильнике вездехода валялся приличных размеров мешок, набитый под завязку лишайниками; я провел тест и убедился, что растения кишат микробами.

До Пиктета оставалось меньше часа, когда я заметил другой вездеход. В тени у подножия невысокого гребня с будто бы срезанной вершиной, по которому я спускался, вдруг что-то блеснуло. Я присмотрелся повнимательнее: мне пришлось в голову, что там выходит на поверхность пласт вулканического стекла — в округе его довольно-таки много,

и больше всего как раз в окрестностях Тихо.

Я развернул машину и погнал ее по гребню в том направлении, где засек блеск. Моя «собачка» Сьюзи выбралась из передатчика, где отдыхала или пряталась, или занималась кто-ее-разберет-чем, уселась на руль и вся затрепетала от возбуждения.

Съехав с гребня, я повел подпрыгивавший на камнях вездеход дальше. Теперь стало видно, что блеск исходит от застывшей в неподвижности машины, такой же, как моя собственная. Поблизости как будто никого не было. Машина стояла на солнце, хотя тень была почти рядом; тот, кто бросил ее тут, наверняка или свихнулся, или прилетел на Луну совсем недавно и еще не успел узнать основных правил поведения. Старожил бы припарковал вездеход в тени.

Я подъехал поближе, заглушил двигатель, натянул на голову шлем, стукнул по нему, чтобы он сел поплотнее, и щелкнул застежками. Пролез в шлюз, закрыл за собой внутренний люк, потом распахнул наружный и, извиваясь как червяк, который выбирается из яблока, высунулся из машины. Конечно, конструкторы вездехода могли бы придумать способ попростойнее, однако их заботила в первую очередь надежность модели, а не всякие там удобства; к тому же, на Луне о чувстве собственного достоинства лучше забыть.

Первое, что бросилось в глаза, — наружный люк чужого вездехода был распахнут настежь. Значит, водитель покинул машину.

Я подошел к вездеходу и лишь теперь увидел в лобовом стекле аккуратную круглую дырочку.

— Есть кто живой? — спросил я, установив на максимальную громкость интерком скафандра.

Ответа не последовало. Сьюзи, которая выпорхнула из люка, затанцевала передо мной подобием крохотной радуги. Что бы о них ни говорили, порой «собачки» — отличная компания.

— Эй! — крикнул я. — Вам нужна помощь?

— Привет, — отозвался кто-то слабым голосом. — Помощь мне и вправду не помешает.

Голос был высокий.

— Что, так плохо?

— К сожалению. Подождите, я сейчас вылезу. Здесь становится слишком жарко. Нужно укрыться в тени.

Я прекрасно представлял, каково этому бедняге в кабине вездехода. Холодильные установки отключились, температура быстро повышается, солнце светит прямо в стекло, создавая в машине парниковый эффект.

— Могу дотащить вас до города, — предложил я. — Тут недалеко, час с небольшим.

— Не стоит. Мне необходимо отремонтировать вездеход. Из-за сломанной машины появилась облаченная в скафандр человеческая фигура. — Меня зовут Амелия Томпсон. — Фигура протянула руку. Перчатки наших скафандров заскрежетали друг о друга.

— Женщина!

— Вы имеете что-нибудь против?

— Пожалуй, нет. Просто до сих пор никто из вас не отваживался отправиться в Пустыню.

Лица Амелии видно не было — она опустила светофильтр шлема. На плече у нее восседала «собачка». Сьюзи подлетела к женщине, и две «собачки» принялись разбрасывать вокруг себя целые снопы искр.

— Может быть, — проговорила Амелия, — вы отбуксируете мою машину в тень, чтобы она немножко остыла?

— Амелия, — ответил я, — меня зовут Крис Джексон. Я вовсе не добрый самаритянин, однако

не могу оставить вас с вездеходом, у которого повреждена панель управления. Вам ее не починить, вы разве что сумеете накоротко замкнуть провода, а это не приведет ни к чему хорошему.

— В город мне дороги нет, — сказала она. И показала на мой вездеход. — Мы могли бы продолжить разговор внутри.

— Разумеется, — отозвался я, честно говоря, не представляя, о чем тут еще рассуждать.

Мы подошли к моему вездеходу. Амелия забралась в люк. Я залез следом, уселся в кресло, включил двигатель и направил машину в тень.

Амелия сняла шлем. Она улыбалась, однако доброжелательности в улыбке не чувствовалось. Прямые черные волосы, ровно подстриженные над лбом; молочно-белая кожа, множество веснушек — она походила на школьницу, которая решила, что стала взрослой.

Гостя заметила мешок с лишайниками.

— Удачная поездка.

— Похоже, что да. Они кишат микробами. Док страшно обрадуется. Ему вечно их не хватает.

— Вы продаете лишайники госпиталю?

— Вообще-то я ищу другое, а их собираю между делом.

— Другое? Что именно?

— Ничего особенного. Уран. Хромиты. Все, что угодно. Даже подбираю агаты. Кстати, в прошлую вылазку нашел пару-тройку вполне приличных образцов.

— Агаты! — Амелия рассмеялась коротким, горьким смешком.

— Их коллекционирует один парень из Енотовой Шкуры. Гранит, полирует и переправляет на Землю. На камушки с Луны там постоянный спрос. Неважно, хорошие они или не очень, главное, что с Луны.

— Вряд ли он много вам платит.

— Ни цента. Он — мой друг и время от времени оказывает мне кое-какие услуги.

— Понятно. — Амелия, прищурясь, словно изучала меня. По-видимому, она что-то прикидывала.

— Крис, может, вы вернетесь в город и забудете, что видели меня? Если вы оттащите мой вездеход в тень, дальше я справлюсь сама.

— Вам что, не терпится умереть?

— Поймите, я проникла на Луну в обход закона. У меня нет лицензии.

— Вон оно что, — протянул я.

Честное слово, мне захотелось стукнуть ее, чтобы она хоть немного образумилась. Из-за нее я очутился в глупейшем положении. Отпустить ее одну было нельзя, везти в город — тоже. Те, кто совершает вылазки в Пустыню, соблюдают одно-единственное правило: по возможности держаться вместе. Ты помогаешь другому, чем только можешь, и ни в коем случае не доносишь на него.

— Мне нужно попасть в кратер Тихо, — сообщила Амелия. — Нужно, и все!

— Только не туда! — с дрожью в голосе воскликнул я.

— Знаю, знаю, — проговорила Амелия. — Слышала я эти рассказы.

Она не понимала, о чем говорит! То были вовсе не рассказы, а достоверные сведения, факты, занесенные, к тому же, в архивы колонии. В Енотовой Шкуре жили люди, которые прекрасно помнили, что произошло.

— Вы мне нравитесь, — сказала она. — Вы производите впечатление честного человека.

— К черту! — бросил я, сел в кресло и запустил двигатель.

— Что вы собираетесь делать?

— Я еду в Енотову Шкуру.

— Собираетесь сдать меня властям?

— Нет, — ответил я. — Не властям, а своему приятелю, о котором рассказывал. Тому, что коллекционирует агаты. Он вас пока спрячет, а там мы что-нибудь придумаем. Кстати, держитесь подальше от люка. Если попытаетесь выпрыгнуть, я вас поймаю и отшлепаю.

На мгновение мне показалось, что она сейчас то ли заплачет, то ли набросится на меня. Впрочем, Амелия не сделала ни того, ни другого.

— Подождите. Вы слышали о Третьей лунной экспедиции?

Я кивнул. О ней слышали все. Два звездолета с одиннадцатидюдьми на борту сгинули без следа, будто проглоченные Луной. Катастрофа произошла тридцать лет назад, а тела и корабли так и не были найдены.

— Я знаю, где она, — заявила Амелия.

— В Тихо?

Она утвердительно кивнула.

— Остались бумаги...

— Бумаги? — Внезапно меня осенило. — Документы?

— Совершенно верно. Представляете, сколько они сегодня стоят?

— Плюс права первооткрывателя.

«Я нашла потерянную экспедицию» — чем не заголовок для статьи?

— Да, плюс права. Наверняка будут книга и фильм, не говоря уж о теленовостях. Но только если я буду первой.

Я понимал, куда она клонит. Стоит только открыть рот, как тебя тут же отпихнут в сторону.

Амелия Томпсон вновь окинула меня изучающим взглядом.

— Похоже, выхода нет. Пятьдесят процентов вас устроят?

— Разумеется, — отозвался я. — Все по справедливости. Две могилы вместо одной.

Амелия молча оглядела маленькую кабину. Рассматривать в той было особенно нечего.

— В какую сумму вам обошелся вездеход? — спросила она.

Я не стал скрывать: около сотни тысяч долларов.

— Рано или поздно синдикату надоест возиться с вами. И что тогда?

— Не думаю, что такое может случиться, — возразил я, вовсе не чувствуя, однако, уверенности. Перед моим мысленным взором возникла знакомая картина: члены синдиката попивают кофе в аптеке или, сняв пиджаки, садятся за стол в задней комнате банка, чтобы скоротать вечерок за покером. Им не составит труда пустыми разговорами сначала привести себя в раздражение, а потом повергнуть в панику.

— Ну так вот она, ваша удача, — заявила Амелия. — Я беру вас в долю.

— Потому что нет выхода, — напомнил я.

— Не только, — Амелия криво усмехнулась. — Понимаете, у меня был напарник.

— Поймите-поймите. Его звали Бадди Томпсон, верно?

Я вдруг вспомнил его. Он уехал из Енотовой Шкуры где-то с год назад. Прилетел с Земли, поболтался в городе месячишко-другой, а потом укатил в Пустыню. В том не было ничего странного: старателям обычно не сидится на одном месте.

— Бадди мой брат. Ему не повезло. Он попал в радиационный шторм и оказался далеко от укрытия. Теперь он в госпитале. На внешнем склоне кратера Тихо Бадди нашел человека, — проговорила Амелия, — члена Третьей лунной экспедиции. Он каким-то образом выбрался из кратера, уцелел

после катастрофы. Его звали Рой Ньюмен. У него был при себе дневник. Ньюмен вел его не очень аккуратно, однако записал, что все члены экспедиции составили завещания и изложили на бумаге, что именно с ними стряслось...

— За этими документами вы и охотитесь?

Она кивнула.

— К тому же там различные научные приборы и сами корабли. Их два, один пассажирский, а другой грузовой. Можете себе представить, сколько они сегодня стоят?

— Но...

— Никаких «но», — возразила она. — Корабли — наша законная добыча. Я изучала закон. Они принадлежат тому, кто сумеет их обнаружить.

Я снова погрузился в размышления. Деньги, много денег. Пускай звездолеты простояли на поверхности Луны целых тридцать лет — если метеориты не понаделали в них дыр, они, вполне возможно, все еще в рабочем состоянии. А если нет, их можно продать на слом и выручить кругленькую сумму. Сталь ценилась на Луне чуть ли не на вес золота.

— Послушайте, — продолжала Амелия, — давайте рассуждать по-деловому. Вы можете оставить меня здесь, а какое-то время спустя вернуться с новой панелью. Вдвоем мы быстро ее установим. Вас в Енотовой Шкуре знают. Составьте маршрут вылазки на внешние склоны Тихо. Никто ничего не заподозрит, никто не будет за вами следить.

В самом деле, подумалось мне. Как будто все складывается неплохо, если не считать того, что меня вынуждают бессовестно нарушить правила. Отыскав экспедицию, мы превратимся в героев и, возможно, в придачу разбогатеем. А потерпим неудачу — так не все ли равно мертвецу?

Я вспомнил прожитую жизнь, прикинул, что ждет впереди, представил членов синдиката — вот они сидят в парикмахерской и щелкают подтяжками...

— Пятьдесят процентов, — напомнила Амелия Томпсон.

— Думаю, остановимся на тридцати, — сказал я.

— Не стоит забывать о Бадди.

В этом моя беда: порой я бываю сентиментален.

2

На все про все у нас было шесть световых дней минус день на поездку в город и возвращение обратно. За пять дней можно успеть многое. От того места, где стоял вздохход Амелии, до склона Тихо было лишь несколько часов езды.

Вернуться же можно и в темноте, — если мы, конечно, вернемся, а вот для работы необходимо, чтобы было светло.

Я вертел руль и думал, думал, время от времени коря себя за то, какого сваял дурака, ввязавшись в подобную авантюру.

Мне было страшно. Очень страшно.

Что бы там ни говорила Амелия, Тихо — весьма крепкий орешек, который не всякому по зубам. С такими вещами лучше не шутить. Никто из колонистов даже не пытался утверждать, будто знает наверняка, в чем состоит тайна кратера; домыслов же было не перечесать, и от некоторых из них волосы просто вставали дыбом.

Давным-давно, лет двадцать назад, когда Луну только начинали осваивать, на дне Тихо собирались построить астрономическую обсерваторию, однако после всего, что случилось, ее построили в кратере Кювье. В Тихо отправили группу геологов произвести съемку местности, и эта группа бесследно исчезла. Тогда послали наземную спасательную команду, которая словно растворилась. В небо

взмыли звездолеты, которые кружили над кратером на протяжении доброго десятка часов. Ничего: ни малейшего признака жизни, ни единого движения. Инструменты — пожалуйста, они стояли там, где их поставили геологи; рядом громоздились ящики с припасами и оборудованием. С кораблей, правда, засекли колею, которая вела на юг и обрывалась у стены кратера. Людей же так и не обнаружили.

Больше ни у кого не возникало желания ни забираться в кратер, ни приближаться к нему. Если кто-нибудь случайно оказывался в нескольких милях от Тихо, он вдруг начинал передвигаться как бы на цыпочках и огибал зловещее место по широкой дуге. А попытаться проникнуть внутрь — такое наверняка не приходило в голову ни одному человеку в здравом уме и твердой памяти.

У меня же, очевидно, слегка поехала крыша.

Вздохход взобрался на склон, и передо мной раскинулся Пиктет — амфитеатр, у северо-восточной стены которого притулилась колония. За городом сверкали на солнце здания космопорта, служившего промежуточным этапом на пути к другим планетам. На моих глазах на посадочную площадку опустился очередной звездолет, окутанный клубами дыма, весь в пламени, которое выплевывали джозы. Наблюдать за ним было очень странно: тормозные двигатели работали на полную мощность, пламя било ослепительными струями, однако посадка проходила в полной тишине.

Я сбросил скорость, ибо проход изобилует поворотами, которые требовали повышенного внимания. Стрелка на кислородной шкале опустилась ниже прежнего, но я знал, что успею.

Миновав проход, я съехал на дно кратера и свернул влево, обогнул выступ стены и направил машину к госпиталю, что примостился в укромном уголке между выступом и стеной.

Лунные поселения строятся особым образом: не на открытом месте, а у стен кратеров, у подножий гор, в долинах и распадках — то бишь там, где существуют естественные укрытия, которые позволяют прятаться от радиации и метеоритов. Правда, надежнее всего зарыться в грунт, однако в человеческом естестве есть что-то такое, что восстает при одной только мысли о жизни в норах. Поэтому люди защищаются иным способом — возводят поселения вплотную к высоким стенам. Именно так, к примеру, построена Енотова Шкура. Город протянулся почти на три мили в длину; улиц в нем нет, а все дома прижимаются к северной стене кратера.

Я остановил вздохход у наружного шлюза госпиталя, надел шлем, взял мешок с лишайниками и выбрался из машины. Должно быть, меня заметили изнутри, поскольку шлюз начал открываться. Когда я подошел к нему, люк уже распахнулся настежь. Я вошел; люк закрылся, послышалось шипение подаваемого в шлюзовую камеру воздуха. Подождя, пока откроется внутренний люк, я снял шлем и двинулся к отверстию.

С той стороны меня поджидал док Уизерс. Увидев мешок, он усмехнулся в свои огромные, как у моржа, седые усы.

— Ты нас выручил. Запасы подходят к концу, а никто из добытчиков до сих пор не появился. Ты первый. — Док шумно вдохнул и столь же шумно выдохнул. — Знаешь, я все время боюсь, что вы рано или поздно встретите свою удачу, и тогда никому не станет дела до моих микробов.

Док провел меня в свой кабинет, крохотное, но весьма уютное помещение. Он открыл дверцу буфета, достал бутылку и несколько стаканов. Оказалось, что у него есть и лед. Я знал, что он угостит меня чем-то вполне приличным. Дрянное спиртное

на Луне — да и в космосе в целом — попросту не водится. Транспортные налоги настолько высоки, что в попытках сэкономить на качестве нет ни малейшего смысла.

— Как съездил? — спросил док.

— Почти никак. Набрал только лишайников, больше ничего.

— Я живу в постоянном страхе, что когда-нибудь мы сорвем последний лишайник, — признался Уизерс. — Мы пытались выращивать их в искусственных, теоретически идеальных условиях, и они попросту не желали расти. Мы пробовали пересаживать их в другие места здесь, на Луне, и все заканчивалось сравнительно благополучно, однако на Земле они так и не прижились. Похоже, они не выносят атмосферы. — Он принялся разливать спиртное по стаканам.

— Может, со временем обнаружится, что они растут не только здесь, — предположил я.

— Нет, — док покачал головой. — Лишайников нет нигде, за исключением окрестностей Тихо.

Сьюзи, которая впорхнула в кабинет следом за мной, уселась на бутылку. Не могу сказать, есть ли у нее задатки алкоголика, но сидеть на бутылках она обожает.

— Хитрюга, — проговорил док, кивнув Сьюзи, а затем протянул мне мой стакан. Я пригубил. Виски. Как раз то, что требовалось, чтобы промочить горло и прополоскать рот, в который будто набился песок.

— Знаете, док, — произнес я, сделав большой глоток, — «собачки» и лишайники как-то связаны друг с другом. Нашел одних, значит, жди других. Над лишайниками всегда висит пара-тройка «собачек» — этикие бабочки, что выются над цветочной клумбой. У моей Сьюзи замечательный нюх, лучшего охотника я еще не встречал.

Продолжая потягивать виски, я задумался над тем, что объединяет между собой «собачек», лишайники и микробов. Любопытный, однако, расклад. «Собачки» находят лишайники, в лишайниках кишат микробы, за которыми-то, по сути, и охотится человек. Ему необходимы именно микробы.

Впрочем, дело не только в этом.

— Док, у меня порой возникает странное чувство. Будто Сьюзи пытается поговорить со мной.

— Ничего странного, — заявил док. — Мы же знать не знаем о том, кто такие эти «собачки». Возможно, они разумны. Мне кажется, что так оно и есть. Внешне они представляются сгустками энергии, но где сказано, что разумом наделены лишь те существа, которые состоят из плоти и крови?.. Помню, когда я был мальчишкой, народ любил порассуждать, на кой нам вообще сдалась Луна. Она пуста и мертва, на ней нет ничего такого, из-за чего стоило бы лететь туда, а если и есть, то все равно не окупит затрат на космический полет. Кто бы мог подумать, что на никому не годной планете будет обнаружено то, чего так долго добивался человек, — лекарство от душевных болезней?

Я кивнул. Если дока тянет поговорить, пускай себе разглагольствует. Дел у меня никаких, разве что вернуться к Амелии, которая осталась в сломанном вездеходе посреди Пустыни. К тому же, я изрядно вымотался и способен, по большому счету, только слушать. Увидев, что мой стакан пуст, док вновь наполнил его. Я не стал отказываться.

— Нам необходимо расширить госпиталь, — сказал док. — Деньги не проблема. Их столько, что можно было бы отгрохать домину в три раза здоровее нынешней хибарки, но какой в том смысл? Лишайников катастрофически не хватает.

— Поднимите цену, — посоветовал я. — Ребята

станут искать внимательнее, забудут про всякую ерунду вроде урана.

— Ты, должно быть, шутишь, — произнес Уизерс, пристально поглядев на меня. — Но мне не до шуток, Крис. На мой взгляд, не существует какой-либо явной причины, из-за которой лишайники могут расти только в окрестностях Тихо; правда...

— Что? — спросил я и прибавил, не дожидаясь ответа Уизерса: — Правда, причина может заключаться в Тихо. Вы хотели сказать, что лишайники зародились в Тихо, а уже затем распространились по округе?

— Что такое Тихо, Крис? — справился док, не спуская с меня глаз. — Ты часто бываешь в тех краях. Что там внутри?

— Не знаю, не заглядывал.

— Когда-нибудь кто-то, у кого достанет мужества, сделает это. Кто-то, кто пошлет к чертям суеверия, спустится в кратер и узнает наконец, что же в нем творится. Вот если бы мне удалось переправить лекарство в целости и сохранности на Землю! Быть может, когда-нибудь это случится. Здесь у меня шестьдесят пациентов — столько вмещает госпиталь, на столько хватает препарата. А люди записываются и записываются, уже образовалась очередь на три года вперед. Они жаждут исцеления, которое сулит Луна.

— Может, кто-то синтезирует...

— Ты видел рисунки, изображающие молекулярную структуру лишайника? — спросил, криво усмехнувшись, док.

— Нет, — признался я.

— Так вот поверь: синтезировать его невозможно. Я поставил стакан на стол и поднялся.

— Спасибо за угощение.

Ко мне подлетела Сьюзи. Она заложила над моей головой пару виражей, а затем принялась разбрасывать искры.

Я попрощался с доком, прошел через шлюз и забрался в кабину вездехода.

Я запустил двигатель и поехал к «Грязному Джо». Пускай название вас не обманывает, его заведение — вовсе не какая-нибудь забегаловка. Джо владеет чуть ли не единственным приличным зданием в Енотовой Шкуре; оно появилось вместе с городом. Джо открыл лавочку, когда строили космопорт. Он кормил строителей и давал им приют и пришлось им по душе, а поскольку они хотели, чтобы Луна как можно сильнее напоминала Землю, то называли кабачок «У Грязного Джо». Со временем строители улетели, а название осталось.

Я притормозил у входа, припарковал вездеход, вылез из кабины и направился к зданию.

Мне показалось, будто я вернулся домой. Впрочем, так оно отчасти и было. Около десятка старателей вроде меня имели в заведении Джо личные номера, где коротали промежутки между вылазками. Выходить в город не было необходимости, поскольку Джо поставил дело на широкую ногу, и прежний кабачок превратился в отель-бар-банк-универмаг, что называется, в одном лице.

Я вошел в холл и двинулся к стойке бара — не потому, что хотел чего-нибудь выпить, а чтобы посмотреть, кто сегодня заглянул на огонек.

Как выяснилось, никто, если не считать бармена Табби и мужчины, который стоял у стойки и как раз поднес к губам стакан.

— Привет, Крис, — поздоровался Табби. — Тут тебя желают видеть.

Мужчина повернулся. Он был высок ростом и настолько широкоплеч, что плечи как бы клонились вперед, словно грозя вот-вот рухнуть на пол. Скуластое лицо, льдисто-голубые глаза, седые

баки. Вид у него был весьма внушительный.

— Вы Джексон? — требовательно спросил он.

— Я стал отрицать.

— Он прилетел на том корабле, что сел меньше часа назад, — сообщил Табби.

— Меня зовут Чандлер Брилл, — сказал мужчина.

— Из университета Джонса Хопкинса. Я ваш новый хозяин, прошу любить и жаловать.

Он протянул руку, которая была больше моей, хотя я не успел еще снять перчатку.

Мы обменялись рукопожатием. У меня по спине побежали мурашки.

— Вы хотите сказать, что купили...

— Нет, ничего подобного, — перебил Брилл. — Я просто нанял вас и вашу машину. Между прочим, милвиллская публика заломила несусветную цену.

— Он сунул руку в карман и достал оттуда конверт.

— Вам от них письмо.

Я взял конверт, сложил пополам и запихнул в карман скафандра.

— Что будем искать?

— Что попадется. Я ученый широкого профиля.

— Держи, Крис, — проговорил Табби.

Я приблизился к стойке, принял стакан; перед глазами у меня с жужжанием бешено вращались тысячи разноцветных колес.

Нужно как-то обвести его вокруг пальца. Да, сначала одурачить этого Брилла, а затем поспешить к Амелии, которая дожидается меня в Пустыне. Пускай она всего лишь взбалмошная девчонка, я не могу бросить ее на произвол судьбы. И потом, нам предстоит вылазка в Тихо. Каких-нибудь двадцать часов назад я бы ни за что не согласился на такую авантюру — не набрался бы мужества. Как там выразился док? Однажды найдется кто-то, кто наплюет на глупые суеверия и вздорные истории. Вовсе они, впрочем, не глупые и не вздорные: сколько людей исчезло в утробе Тихо!

— Табби, — сказал я, — дай-ка мне бутылку.

Бармен исполнил мою просьбу. Я стиснул бутылку в кулаке и двинулся к двери.

— Эй! — воскликнул Табби. — Ты забыл стакан!

— Он мне ни к чему, — отозвался я.

Бывает, что человеку хочется назююкаться до полной отключки. Именно таким было мое желание.

3

Я наполнил ванну почти до краев. В городе насчет воды особенно волноваться не приходилось. Ее было вполне достаточно. Под Пиктетом находились залежи — кубические мили льда. Вот одна из причин, по которым Енотову Шкуру построили не где-нибудь, а в Пиктете. Еще в начале освоения планеты какая-то из геологических партий пробурила почву у северной стены кратера и наткнулась на лед.

Разумеется, в Пустыне с водой обращаются иначе, поскольку, как ни старайся, вездеход много не запихнешь. Но здесь, в городе, можно плескаться в свое удовольствие.

Я лежал в ванне и глядел в потолок, который здесь, как и в других городских домах, был стальным и выкрашенным в серый цвет. Что за гнусная жизнь! Ни глотка свежего воздуха, ни травинки, ни цветка, ни розового рассвета, ни пламенеющего заката, ни дождя, ни росы — словом, ничего, что могло бы хоть чуть-чуть скрасить наше существование.

Чувствуя, что пора немного приободриться, я приложил к губам бутылку и как следует глотнул, однако решил, что напиваться, пожалуй, не стоит:

слишком многое предстоит сделать, а времени в обрез.

В ванную залетела Сьюзи: она уселась на кран, из которого лилась горячая вода. Признаться, я не стал бы утверждать, что она села: просто было похоже, что Сьюзи сидит. И не спрашивайте, почему я назвал ее женским именем. Такие, как она, не имеют пола. Хотя...

Я предложил ей выпить. Она приняла форму вопросительного знака, одним концом по-прежнему упираясь в кран, а другим, с которого сыпались искры, заглянув в бутылку, после чего снова взгромодилась на кран. Около минуты, пока не потухли искры, бутылка представляла собой восхитительнейшее зрелище. Признаться, пить было страшно, однако, как оказалось, искры не причинили спиртному ни малейшего вреда.

Тут я вспомнил, что забыл кое-кому позвонить. Я вышел из ванны, подошел к телефону и набрал номер Герби Грейла.

Герби был тот самый парень, которому я привозил из Пустыни агаты. Он торговал в центральном магазине, где ему выделили уголок под прилавок и мастерскую.

Сам он жил в трейлере, припаркованном под выступом стены; это было одно из безопаснейших мест во всем городе. Каждую неделю Герби приглашал кого-нибудь из приятелей перекинуться в покер. Он был холостяком, единственным, по-моему, из холостяков Енотовой Шкуры, кто жил в трейлере.

Герби оказался дома.

— Мне нужна твоя помощь, — сказал я.

— Выкладывай.

— Синдикат прислал клиента. Придется пару дней потаскать его по Пустыне.

— Тебе нужен мой трейлер?

— Если не возражаешь. Поживи пока у меня. За номер заплачено вперед.

— Ладно, — отозвался Герби. — На нем кого только не возили.

Разговаривая с Грейлом, я прикидывал, как завезу Брилла подальше от города, отцеплю трейлер и скажу, что должен отлучиться — ненадолго, на пару часиков. Возможно, ему придется просидеть в трейлере денек-другой, но ничего, переживет, а я в случае чего сочиню какую-нибудь историю насчет собственного невезения. Вероятно, он мне не поверит, но это его трудности. Главное — у меня будет прикрытие, которое сойдет с толку службу контроля. Может быть, Брилл перепугается, хотя бояться совершенно нечего. Воды, воздуха и пищи в избытке, а если и впрямь случится что-нибудь этакое и я не вернусь, служба контроля организует поиски, и трейлер быстро обнаружат.

Я повесил трубку и направился обратно в ванную. Внезапно мое внимание привлек валявшийся на столе конверт, который я достал из кармана скафандра перед тем, как отправить тот проветриваться.

Я взял конверт, забрался в воду, почувствовал, что вновь начинаю отмокать, и распечатал письмо. Оно гласило:

«Дорогой Крис!

Мы не хотим, чтобы у тебя сложилось впечатление, будто мы вмешиваемся в твои дела, согласившись на предложение доктора Брилла нанять твой вездеход вместе с водителем. Однако, учитывая, что тебе до сих пор не удалось добиться того ошеломляющего успеха, на какой ты рассчитывал, мы пришли к единодушному мнению, что ты, наверное, не откажешься от возможности подзаработать денег. Мы навели справки о докторе Брилле. Он — профессор в университете Джонса Хопкинса и

пользуется большим уважением в научных кругах. Не сомневайся, мы все по-прежнему верим в тебя и надеемся, что когда-нибудь ты все же преуспеешь на избранном тобою поприще.

С наилучшими пожеланиями, Мел Адамс».

Я уронил письмо на пол. Мне стало слегка не по себе, поскольку я прочел между строк внешне вполне дружелюбного послания, что в души милвиллцев наконец-то закралось сомнение.

Нужен успех, и чем раньше, тем лучше.

Я угодил в ловушку, из которой, похоже, не выбраться. Как ни крути, теперь мне придется совершить вылазку в Тихо, попытаться счастья, положившись на слова Амелии о сокровищах, которые там якобы лежат, и попробовать вернуться целым и невредимым.

Обстоятельства вынуждали действовать. Месяц-другой спустя синдикат отступится, на планету начнут прибывать кредиторы, и я потеряю Луну навсегда.

Я вылез из ванны, оделся и принялся составлять в уме план действий. Сначала поесть и переговорить с Бриллом, затем поспать, после чего заполнить и сдать маршрутную карту, прицепить к вездеходу трейлер, посадить туда ученого — и в путь-дорогу. Времени всего ничего.

С маршрутной картой могут возникнуть кое-какие осложнения, ибо в ней будут упомянуты внешние склоны Тихо. Таким образом я отошлю последнее сообщение с самого гребня кратера, и в моем распоряжении окажется двадцать часов до следующего выхода на связь.

А за это время мы с Амелией отыщем то, что разыскиваем, или же, как и другие до нас, исчезнем без следа.

Я приложился напоследок к бутылке и спустился вниз, следом за Сьюзи, которая порхала перед моим лицом.

Брилл уже ждал меня. Мы прошли в столовую и сели за свободный столик. Сьюзи примостилась на сахарнице.

— Любопытный у вас дружок, — проговорил Брилл, указав на «собачку» рукой.

— Подружка, — поправил я. — Сьюзи ищет лишайники. Когда находит, она исполняет нечто вроде танца, а я подхожу и срываю их со скалы.

— Специально тренировали?

— Ничего подобного. «Собачки» каким-то диковинным образом связаны с лишайниками. Если вам встретились «собачки» — разумеется, дикие, — значит, где-то поблизости лишайники...

— Но ваша Сьюзи... Вы купили ее или...

— Нет, она просто прибилась ко мне в первой моей вылазке в Пустыню.

— А другие старатели, у них тоже?..

— Да, у каждого, но только в здешних краях. Вы, должно быть, знаете, что жизнь на Луне была обнаружена лишь тут.

— Потому-то я и прилетел сюда, — заявил Брилл. — Я хочу, чтобы вы доставили меня туда, где бы я мог изучать лишайники и наблюдать за «собачками».

— На склоны Тихо.

— Бармен наговорил мне всяких ужасов, — продолжал Брилл, утвердительно кивнув. — Похоже, он считает, что в кратере водятся привидения.

— В самом кратере, — уточнил я. — На склонах вы в безопасности.

Встав из-за стола и пожелав Брилли спокойной ночи, я отправился на поиски Грязного Джо и нашел того в его кабинете, в котором царил жуткий беспорядок. Джо словно стремился оправдать свое прозвище: на галстук у него красовалось пятно —

два месяца назад он уронил на себя яйцо.

Джо сообщил, что на мой счет и вправду поступили кое-какие деньги. Синдикат несколько часов назад перевел мне десять тысяч долларов.

— Оплата за услуги, которые ты должен оказать какому-то Чандлеру Брилли, — сказал Джо. — Кажется, я его уже видел.

Я пояснил, что мы с Бриллом успели познакомиться.

— За такие деньги, — хмыкнул Джо, — я бы на твоём месте опекал его, как заботливая мамаша.

Я пообещал, что так и поступлю, после чего заказал кислород, изрядное количество воды и кое-что еще, в том числе запасную панель для вездехода Амелии. Джо решил, что я попросту сорю деньгами и попытался отговорить от покупки, но я заявил, что меня давно беспокоит моя панель — дескать, ее того и гляди выведет из строя какой-нибудь шальной метеорит. Джо расхохотался, однако я продолжал гнуть свое: мол, я слышал об одном таком случае, который произошел у Северного полюса.

В конце концов Джо вытащил бутылку, и мы с ним пропустили по стаканчику, после чего я попрощался и отправился спать.

Я перевалил через гребень и увидел, что те восемнадцать часов, на протяжении которых я отсутствовал, тень немного продвинулась вперед. У противоположного гребня виднелась гусеничная колея: ее оставил мой вездеход, когда я съехал вниз, к машине Амелии.

Значит, все правильно. На Луне очень трудно определить, куда ли вы попали, куда хотели. С одной стороны, тут множество запоминающихся ориентиров, а с другой — полным-полно мест, которые точь-в-точь похожи друг на друга. Местность настолько однообразна, что как бы утрачиваешь способность ориентироваться.

Я проехал мимо того места, где, как был уверен, стоял вездеход Амелии, и не увидел ничего хотя бы смутно похожего на машину. Тогда я включил прожектор и направил его в тень, но луч света не показал мне чего-либо примечательного: нагромождение гальки, голыши величиной с горошину, вездущая пыль, которая кое-где, наэлектризованная солнечной радиацией, бурлила, вскидывалась и вспухала волнами, точно скопище блох на сковороде.

На Луне не было атмосферы, которая могла бы преломить или рассеять луч, поэтому не стоило обольщаться надеждой, будто он не осветил какого-то участка у подножия гребня. В столь ослепительном сиянии, которое как бы превращало ночь в день, не сумел бы остаться незамеченным даже кролик. Я повел прожектором из стороны в сторону. Ничего!

Мало-помалу мне стало ясно, что Амелии здесь нет. Почему-то это не особенно меня удивило. Я сгорбился в кресле, чувствуя, как зреет внутри холодная ярость, а на лбу от страха выступает пот.

Вот и все, подумалось мне. Теперь я свободен от каких бы то ни было обязательств. Если она решила удрать, едва я повернусь к ней спиной, так тому и быть.

Однако отпускать ее одну я не имею права. Если я сейчас уеду, то не прошу себе этого поступка до гробовой доски. И потом, на Земле, в городе Милвилл живут банкир, парикмахер и аптекарь, которые вот-вот лишат меня средств к существованию.

Я повел машину на юго-запад, выжимая из нее

все, на что она была способна, в полной уверенности, что настигну Амелию еще до того, как беглянка поднимется на гребень кратера. Девушка не могла намного опередить меня: ей нужно было отремонтировать панель и к тому же хоть чуть-чуть поспать.

Мои расчеты оказались точными. Я догнал Амелию через какой-то десяток миль, у подножия массивного утеса, что возвышался над кучкой крохотных кратеров. От утеса начинался длинный склон, выводивший к самому гребню Тихо.

Амелия вытаскивала из углубления в стене утеса какое-то снаряжение. Когда я вылетел из-за поворота, она уже вытащила кислородные баллоны и сражалась с большой канистрой воды.

По тому, как она вскинула голову и выронила канистру, я понял, что девушка испугалась. Она не слышала, как я подъехал, поскольку на Луне всегда тихо, а характер местности не позволил ей заметить вездеход издали.

Я остановил машину и выбрался наружу так быстро, как только смог. Мне хватило одного взгляда, чтобы разобраться, что к чему.

— Тайник.

— Его устроил мой брат, — отозвалась Амелия тонким, испуганным голоском, — когда обшаривал окрестности Тихо.

— Полагаю, — продолжал я, — там среди всякой всячины имеется и запасная панель?

— Она мне не нужна. Я починила свою, — твердо заявила девушка.

— Леди, а вы подумали о том, что может случиться, если она сломается снова?

Я вернулся к своему вездеходу, забрался внутрь и вытащил панель.

— Давайте займемся делом. И перестаньте виллять, мне и без того достаточно забот, чтобы еще возиться с вами.

Я рассказал ей о Брилле и прибавил, что нам надо каким-то образом отвязаться от него: скажем, бросить на склоне — пусть себе копается в лишайниках и таращится на «собачек», а мы двинемся в кратер.

Мы установили панель на место. Я заметил, что отверстие в лобовом стекле надежно заделано. — Вы уверены насчет Тихо?

— Мой брат нашел человека, который выбрался из кратера. И потом, дневник...

— О чем конкретно говорилось в дневнике?

— Радиопередатчики вышли из строя задолго до посадки. Связь стала односторонней: экспедицию никто не слышал. Прилунившись, они попытались исправить поломку, но не сумели. Что-то словно мешало им связаться с Землей. Какое-то время спустя они чего-то испугались и решили улететь, однако выяснилось, что двигатели ракет в нерабочем состоянии. Потом произошло нечто ужасное...

— Что именно?

— Не знаю. Хозяин дневника просто написал: «Нужно убираться отсюда. Я больше не в силах этого выносить». Вот и все.

— Должно быть, он взобрался по стене, понимая, что обречен, — заметил я, одновременно спрашивая себя, от чего он бежал. — Значит, в кратере остались корабли и все остальные участники экспедиции?

— Не знаю, — повторила Амелия, во взгляде которой читался страх.

Заменив панель, мы погрузили в вездеход Амелии Томпсон кислородные баллоны и воду. Часть пришлось взгромоздить на крышу, поскольку кабина оказалась забитой до предела.

— Дальше сами справитесь? — спросил я.

— Конечно. Я знаю машину как свои пять пальцев.

— Хорошо. Договоримся так. Когда все отладите,

поезжайте к кратеру. Ждите меня за гребнем. Кстати, можете поспать. После будет не до сна.

Она протянула руку, и мы обменялись рукопожатием.

— Больше никаких шуточек.

— Разумеется. Я буду вас ждать сразу за гребнем.

Я выполз из вездехода Амелии и забрался в свой собственный, помахал девушке рукой — она ответила тем же — и повел машину обратно, опять-таки на максимальной скорости, спеша вернуться к трейлеру, в котором маялся Брилл. Мое отсутствие несколько затянулось, и он наверняка начал нервничать.

По-видимому, он высматривал меня, ибо, когда я проник в трейлер, то увидел на столе бутылку бренди, а на плитке — готовый вот-вот закипеть кофейник.

— Где вы пропадали? — поинтересовался Брилл.

— Пару раз угодил в тупик. Пока развернулся, пока нашел другую дорогу...

— Но все в порядке? — Я кивнул. Брилл разлил по чашкам кофе и добавил в каждую по приличной порции бренди. — Мне хотелось бы кое о чем с вами поговорить.

Вот оно, подумалось мне. Сейчас он скажет, что кое о чем догадался. Ладно, попробуем выпутаться.

— Валяйте, — отозвался я с притворным безразличием в голосе.

Брилл взял свою чашку и сделал большой глоток, после которого жидкости в ней осталось разве что на дне.

— За какую сумму вы согласились бы доставить меня в Тихо?

Я поперхнулся. Кофе выплеснулся из чашки на стол.

— Вы хотите попасть в Тихо?

— С давних пор. У меня сложилась одна теория...

— Какая же?

— Вы, наверное, и сами над этим задумывались. «Собачки» и лишайники... — неожиданно он замолчал. Я не сводил с него глаз. — Вы получите столько, сколько запросите, — прибавил Брилл после паузы. — Разумеется, синдикату незачем знать о нашей сделке. Пускай о ней будет известно только вам и мне.

Я отодвинул от себя чашку, положил руки на стол, уронил на них голову — и расхохотался. Мне казалось, я буду смеяться до конца своих дней.

Взобравшись на гребень, вы смотрите вниз и видите перед собой Тихо, который словно сошел с карты. Зрелище достаточно неприятное, даже жуткое, как будто этот лунный кратер — врата в преисподнюю. Его дно испещрено многочисленными метеоритными воронками, которые порой располагаются настолько близко друг от друга, что как бы перетекают одна в другую. Тут и там виднеются причудливой формы возвышенности, а посередине высится зазубренный пик, который отбрасывает кривобоюю иссиня-черную тень.

Вы смотрите вниз и видите, каким образом должны спуститься в кратер, и готовы поклясться, что это невозможно, однако вас подталкивает память: в Тихо уже спускались, и неоднократно. Вам бросаются в глаза колеи, оставленные вездеходами двадцать лет назад. Они будто перечеркивают склоны и ничуть не изменились за прошедшее время, если не считать крошечных отметин — следов метеоритов — и в некоторых местах наслоений пыли, что вьется над поверхностью планеты. Пылинки подпрыгивают, точно горошины, их подхватывает и роняет солнечный ветер.

Нас трое, подумалось мне, и у каждого своя причина попасть в кратер: правда, меня с Амелией все же что-то объединяет.

Брилл рвется в Тихо, поскольку одержим безумной идеей, что обнаружит там ответ на загадку лишайников и «собачек» — единственных форм жизни, найденных на Луне. Возможно, его идея не слишком безумна: ведь «собачки» и лишайники почему-то встречаются исключительно в окрестностях Тихо. Вполне вероятно, что они обитают внутри кратера, а те, которые попадают на внешних склонах, просто перебрались через гребень.

Амелия надеется отыскать в кратере сокровище. По сути, она как бы продолжение своего брата, которому необходимы деньги, чтобы возвратиться на Землю, где его излечат от лучевой болезни.

Что касается меня... Я тоже разыскиваю сокровище и кое-что еще, хотя что именно, мне сейчас определить затруднительно.

И все мы нарушаем закон.

Несколько минут назад я вышел на связь со службой контроля Енотовой Шкуры, и теперь в нашем распоряжении двадцать часов, по истечении которых от меня будут ожидать очередного сигнала. Интересно, что с нами за это время произойдет?

Я оглянулся на вездеход Амелии, который стоял сзади, и сказал Бриллу:

— Ну, поехали. С Богом и по-хорошему!

Вездеход медленно пополз вперед. Нос машины то задирался, то опускался — дорога как будто состояла из одних ухабов.

Мне приходилось нелегко: повороты, крутые подъемы и не менее крутые спуски; порой машина еле вписывалась в промежуток между двумя каменными стенами. Гусеницы давили пыль, вниз по склону скользили комья почвы.

Я вцепился в руль. Мои ладони взмокли от пота. Шла суровая, жестокая гонка со временем. Мы проехали около тысячи футов, остается еще одиннадцать тысяч. Так, две тысячи; значит, осталось всего десять. Глупость, конечно. Мне стало стыдно за себя, и я попытался обуздать рассудок, но у меня ничего не вышло.

Мы спускались, стараясь не смотреть вниз, стараясь не думать о том, что может случиться, если машину вдруг поведет в сторону. Внезапно мне в голову пришла шальная мысль: а что, если дорога впереди обрывается? Что мы будем делать, если обнаружим рассекающую дорогу расщелину, которую не сможем преодолеть? Какая ужасная это будет ловушка! Возвращаться задним ходом... Я невольно содрогнулся.

На полпути вниз Брилл дернул меня за руку.

— Что такое? — спросил я, раздраженный его приставаниями.

— Вон там, — возбужденно проговорил он, показывая пальцем.

Я посигналил габаритными огнями Амелии, заглушил двигатель и осторожно надавил на тормоз. Вездеход остановился. Я посмотрел назад. Машина Амелии неподвижно застыла футах в пятидесяти от нас; сквозь лобовое стекло виднелась облаченная в скафандр фигура.

— Вон там, — повторил Брилл. — Рядом с горой.

Я посмотрел в ту сторону и увидел нечто.

— Что это такое? — требовательно спросил Брилл. — Облако? Или свет?

— Может быть, и то, и другое. Однако облаков на Луне нет, равно как и природного света.

Нечто, привлекшее наше внимание, было достаточно большим, иначе мы бы вряд ли его заметили, поскольку оно находилось в дальнем конце кратера, за возвышавшейся посередине горой. Оно клубилось и сверкало на фоне каменной стены, то превращаясь в этакое кудрявое облако, то мерцая и переливаясь огнями, то внезапно становилось черным, а затем

вновь начинало сверкать, словно чудовищный алмаз в лучах солнца.

— Выходит, все, что рассказывали, правда, — проговорил, с присвистом втянув в себя воздух, Брилл. — Выходит, тут и впрямь что-то есть.

Я истекал холодным потом, ибо испугался гораздо сильнее, чем когда мы перевалили через гребень.

— До него далеко? — осведомился Брилл.

— Порядочно, — ответил я. — Похоже, оно держится у дальней стены. Значит, миль пятьдесят или даже больше.

Я помахал рукой Амелии и показал ей на диковинное явление. Она повернулась в том направлении и поначалу, похоже, ничего не увидела, однако затем всплеснула руками и закрыла ими лицо.

Мы сидели и наблюдали за облаком — или чем там оно было. Облако не двигалось, оставалось на месте и продолжало сверкать, темнеть и клубиться.

— Сигнал, — предположил Брилл.

— Кому?

— Понятия не имею.

Я убрал ногу с тормоза, выжал сцепление, и вездеход вновь пополз вперед.

У меня сложилось впечатление, что спуск затянулся на несколько часов. К тому времени, когда мы наконец достигли дна кратера, я весь извелся от нервного напряжения.

Я развернул вездеход, обернулся и мысленно поблагодарил того человека, который проложил дорогу в Тихо.

— Облако исчезло, — сказал Брилл, — пару минут назад. Я не стал вас отвлекать.

Я встал, подошел к холодильнику, достал оттуда фляжку с водой, выпил, а затем протянул ее Бриллу. Конечно же, это было с моей стороны не слишком красиво, однако мне вода была нужнее, чем ему.

Брилл сделал пару глотков и вернул фляжку.

Я надел шлем и выбрался из машины. Минуту спустя ко мне присоединилась Амелия.

— Что это было, Крис? — спросила она.

— Не знаю.

Брилл вывалился из люка, точно пачка сигарет из торгового автомата. Да, тут необходима привычка, как, впрочем, почти во всем, чем занимаются люди на Луне.

Он поднялся и принялся отряхиваться. Смешно, право! Там, куда он упал, не было и крупинки пыли.

Зато справа, на громадном оползне, ее имелось в избытке: самая настоящая каменная пыль, отслоившаяся и осыпавшаяся со скал на протяжении многих миллионов лет.

Брилл подошел к нам.

— Что ж, мы добились своего, — раскатился в наушниках его зычный голос. — Что теперь?

Скалы под оползнем испещряли темные пятна — лишайники. У каменной стены резвилось несколько «собачек».

К Сьюзи, которая сидела на моем плече и весело искрилась, подлетела «собачка» Амелии, и они устроили игру в догонялки.

— Вам туда, — сообщил я Бриллу, указывая на скалы.

— Лишайников тут полным-полно, — в голосе Амелии слышалось нетерпение.

— У вас есть план действий?

— Где-то здесь должна быть площадка, на которой собирались построить обсерваторию. Если мы ее найдем...

— Верно, — я утвердительно кивнул. — Разметка наверняка сохранилась. Быть может, мы отыщем колеи...

— Прошу прощения, — перебил Брилл. — Вы говорите о пропавших геологах?

— Да.

— Однако мне казалось, что вы разыскиваете звездолеты.

— По-моему, колея приведет нас напрямик к кораблям.

— А по пути вы предлагаете мне изучать лишайники и «собачек»?

— Вы ведь за тем сюда и приехали.

Мы расселись по машинам и поехали вдоль стены. Вскоре нам попала колея, которая уводила на запад. Если бы не пыль, где отпечатались следы гусениц, мы бы вряд ли ее обнаружили.

Я повел свой вездеход по колее. Амелия двинулась следом.

Наконец мы добрались до площадки. Тут и там виднелись вбитые в почву кольца с безвольно обвисшими красными флажками, повсюду валялись инструменты и ящики с оборудованием и припасами. От площадки в разные стороны расходились многочисленные колеи.

Она располагалась в углублении, которое вырезали в каменной стене. Над ней вздымались громадные черные утесы. Жуткое местечко. От такого зрелища сами собой начинают стучать зубы. Вообще на Луне хватает мест, при виде которых тебя пробирает страх.

Колени в большинстве своем вели на юг, в направлении горы, что торчала посреди кратера.

Мы развернули машины и покатали к ней. Дно кратера было ровным, поэтому мы ехали на приличной скорости. Время от времени попадались воронки, которые приходилось объезжать, потом дорогу преградила расщелина; ее мы обогнули по широкой дуге.

Я твердил себе, что совершаю непростительную ошибку. Кто же отправляется в путь на ночь глядя? Следовало подождать до утра, тогда у нас в запасе было бы четырнадцать земных дней. Времени более чем достаточно. Однако все осложнялось присутствием Амелии. Она незаконно проникла на Луну, и даже если бы мне удалось спрятать ее в Енотовой Шкуре, девушка по-прежнему находилась бы в опасности. Рано или поздно служба контроля установит, что кто-то сумел проскользнуть на планету незамеченным, и организует поиски.

Мы мчались по равнине, окруженной высокими стенами и зазубренными пиками, над которыми сверкало солнце, слепившее глаза и сквозь светофильтры лобовых стекол; предостерегающе пощелкивал счетчик радиации, Сьюзи, восседавшая на передатчике, то и дело сыпала искрами. Казалось, равнине, как и времени, нет ни конца, ни края. Вокруг раскинулась вечность — ослепительный свет, густая тень, ощущение полной безжизненности и абсолютной стерильности.

Чары рассеял Брилл, который схватил меня за плечо.

— Смотрите! — воскликнул он. — Смотрите!

Увидев, на что он показывает, я резко надавил на тормоз. Амелия, которая слегка отстала, остановилась секундой позже.

В пыли распростерся человек. Он лежал, вытянув вперед руку; на шлеме играли солнечные блики.

Я заглушил двигатель, встал и направился к люку, понимая, впрочем, что торопиться некуда. Ведь с момента пропажи экспедиции минуло двадцать лет.

5

Человек лежал лицом вниз. Умирая, он нашел в себе силы вытянуть руку и нацарапать пальцем в пыли несколько фраз.

Если бы ему повезло, сообщение сохранилось бы

на века, причем прочесть его не составило бы никакого труда. Однако надпись почти стерлась: ее засыпало пылью, которую нес на своих крыльях ветер далекого светила.

Остались два слова:

«Не алмаз».

Ниже виднелись буквы — должно быть, остаток еще одного слова:

«...да».

И все.

— Должно быть, он из спасателей, — произнес я. Из тех, кого послали на выручку геологам.

Иначе кто-нибудь нашел бы его, подобрал и перенес поближе к площадке. А так он явно лежал на том самом месте, на которое упал, чтобы уже никогда не подняться. Точнее, он, вероятно, окончательно отказался от борьбы, не в силах совладать с той безжалостной тварью, которая ему противостояла. Да, нацарапал свое сообщение и замер в неподвижности, окутанный безмолвием, ничуть не тронутым его отчаянными усилиями.

Я встал и спрятался от палящего зноя в тени вездеходов. Амелия и Брилл присоединились ко мне. Мы стояли и смотрели на бездыханное тело.

— Странная надпись, — заметил Брилл. — Чтобы человек перед смертью написал такое. «Не алмаз»... Когда умирают, думают обычно не об алмазах.

— А что если это предупреждение? — предположила Амелия. — Предупреждение тем, до кого дошли слухи о здешних сокровищах? Мол, алмазов нет и не ищите, и дальше идти незачем.

— Подобных слухов на Луне не возникало, — возразил я, недоуменно покачав головой. — Во всяком случае, я ничего такого не слышал, а мне известен, думаю, каждый слух, какой когда-либо ходил среди старателей.

— А остальное? — прошептала Амелия. — Те две буквы...

— «Когда», — отозвался Брилл. — «Вода», «еда» — что угодно.

— Может, это не конец, а начало, — не согласился я. — Скажем, «дальше».

Я вышел из тени и вновь приблизился к облаченному в скафандр труп. Нагнувшись, чтобы повнимательнее рассмотреть сообщение, но ничего нового, ничего сколько-нибудь примечательного не обнаружил. Другие буквы и слова исчезли без следа. Лунный ластик поработал на славу.

Пожалуй, с горечью подумал я, было бы гораздо лучше, чтобы надпись не сохранилась вообще. То, что уцелело, только раздражало. В пыли было нацарапано сообщение — наверняка, очень важное. По крайней мере, таким его полагал умирающий.

Мне казалось, что в сообщении заключался некий символический смысл. То было проявление человеческой уверенности в завтрашнем дне, твердой убежденности в том, что жизнь продолжается; даже на пороге смерти человек пытался что-то передать своим собратьям, даже здесь, на зловещей, пустынной и враждебной планете, исполненной первобытной ненависти ко всему живому, он был уверен, что рано или поздно сюда придут другие и в конце концов победят неведомое зло.

Я повернулся и направился к вездеходам.

Амелия и Брилл смотрели на небо.

— Они снова взялись за свое, — сказал Брилл, когда я оказался рядом.

На небосводе и впрямь появилось давешнее облако, клубившееся и сверкавшее, словно маяк, или сигнальный огонь, или лампа в окне.

Меня вновь обуял страх. Облако пугало сильнее, чем безмолвие, чем ослепительная белизна в сочетании с крошечной тьмой, чем великое и безразличное Ничто.

Интересно, почему Брилл сказал «они»? С чем или с кем связывал он это облако?

Постояв и посмотрев вдаль, я отвернулся.

— Пора перекусить и подремать, а там снова в путь.

6

Каменные стены, что возносились над поверхностью на добрую тысячу футов, образовывали нечто вроде ворот, в которые вводила колея. Точнее, колеи — их было много, и они четко отпечатались в пыли и там, где гусеницы вездеходов раскрошили гадьку. Множество машин проехало через ворота, чтобы не вернуться назад.

Я остановил вездеход и подождал, пока к нам подъедет Амелия.

Все настойчиво твердило о ловушке. Глупости, какая может быть ловушка на Луне? Кому ее тут устраивать? Разве что она — творение самой планеты. Да, на Луне водятся «собачки» и растут лишайники, однако последние всего-навсего особый сорт растений, кишащих, вдобавок, особого рода микробами. Но «собачки» — кто они такие? Сгустки живой энергии? Разумные болотные огоньки? Наделенные сознанием римские свечи? Одному Богу известно, что они собой представляют и какую преследуют цель. А также с какой стати привязываются к людям и притворяются домашними животными.

Я вновь окинул взглядом стены — черные, поскольку находились в тени, и неизмеримо громадные, этикие резные монолиты, от вершин которых отражались лучи солнца.

Я посмотрел на Амелию. Она помахала рукой, давая знать, что у нее все в порядке и можно двигаться дальше.

Коридор вел прямо вперед. Интересно, какие геологические катаклизмы способствовали его появлению, какие силы рассекли скалы и проделали этот проход? На Земле подобные ущелья обычно пробивает вода, однако на Луне воды нет и никогда не было — во всяком случае, в таком количестве, чтобы прорубить в толще камня столь грандиозный каньон. Может, лунотрясение или некое фантастическое стечение обстоятельств — скажем, тот гигантский метеор, благодаря которому и возник Тихо?

Коридор слегка забрал вправо, затем круто свернул влево, и, когда мы обогнули скалистый выступ, мне в глаза ударило солнце. Светофильтры были опущены, однако после более-менее долгой дороги в темноте солнечный свет показался ослепительно ярким, и прошло некоторое время, прежде чем я сумел определить, где мы находимся.

Мы очутились в амфитеатре, похожем на кратер внутри кратера, правда, стена, что опоясывала амфитеатр, была слишком уж ровной. Никаких склонов, одна стена, перпендикулярная поверхности, гладкой, будто пол в гостиной. Пейзаж дополнили типичные для Луны детали: причудливые, зазубренные пики, смахивавшие на огарки свечей, многочисленные крохотные воронки, жутковатого вида холмы и перекрещивающиеся трещины. Стена образовывала полукруг и смыкалась со стеной, скажем так, большого кратера, которая была уже не ровной, а покатой. Разглядывая ее, я понял, что смотрю на южный склон Тихо, значит, мы пересекали кратер из конца в конец.

Но это было еще не все.

Посреди малого кратера стояли два космических корабля — красные корпуса, увенчанные серыми куполами. А вокруг, сверкая на солнце, замерли вездеходы.

Повсюду валялись ящики и какие-то бесформенные тюки.

Впрочем, звездолеты, вездеходы и все остальное я воспринял поначалу как нечто нереальное. Первое, о чем я подумал: Амелия оказалась права. Откровенно говоря, до последнего момента я не очень-то верил, что мы отыщем корабли Третьей лунной экспедиции. Наша вылазка напоминала поиски Эльдорадо: погоня за великолепным блуждающим огоньком по запретной территории.

Только теперь я сообразил — хотя, должно быть, смутно догадывался с самого начала, — что бесформенные тюки не что иное, как скафандры. Передо мной лежали все те, кто бесследно исчез в Тихо.

Почти все. Двоим удалось выбраться: тому, кто нацарапал сообщение в пыли, и тому, на кого натолкнулся на внешнем склоне кратера брат Амелии.

Здесь присутствовала опасность, ощущалась некая угроза, таилась смерть. Место, казалось, было пропитано ощущением тревоги.

С моих губ сорвался предостерегающий возглас, и я повернул руль, намереваясь развернуть вездеход, направить его в ворота и как можно скорее убраться отсюда.

В тот же миг последовала вспышка, столь мимолетная, что я ее не столько увидел, сколько почувствовал, столь яркая, что на мгновение все вокруг словно померкло, и вездеход застыл в неподвижности.

Брилл упал на пол. Он сидел в комичной позе, заслоняясь ладонью от света, который давным-давно погас. Над панелью управления вился дымок, пахло обугленной изоляцией и расплавленным металлом.

Сьюзи висела посреди кабины и возбужденно подрагивала.

— Живо наружу! — гаркнул я.

Натянув на голову Брилла шлем, я подтащил ученое к люку. Он на ощупь забрался в шлюз, я прыгнул следом.

Вездеход Амелии стоял футлах в двадцати от моего. Я побежал к нему, крикнув Брилли, чтобы он не отставал.

Наши надежды не оправдались.

Амелия выбралась из люка нам навстречу. Сквозь лобовое стекло машины можно было различить, что над панелью — совершенно новой, установленной несколько часов назад, — клубится дым.

Мы молча переглянулись.

Трое людей у дальней стены кратера Тихо, из которого они вряд ли сумеют выкарабкаться.

Разве что пойдут пешком.

— Смотрите, — сказал Брилл, показывая куда-то вверх.

Мы подняли головы. Над нами зависло облако — то самое, что сопровождало нас по пути через кратер.

Над нами плыло вовсе не облако.

В небе кружились и сверкали миллионы миллионов «собачек».

7

Участники Третьей экспедиции прилетели, чтобы основать колонию. Они намеревались задержаться здесь как можно дольше. Через месяц-другой должны были прибыть корабли с пополнением и припасами.

В тот момент, когда люди радовались своему успеху, случилось нечто ужасное. Электрические цепи звездолетов задымились и вышли из строя, и внутренности чудесных кораблей, которые достави-

ли их сюда, оказались заполнены расплавленными проводниками протяженностью в несколько миль.

Итак, корабли прикованы к поверхности планеты, радиопередатчики молчат; возможно, они попытались связаться с Землей посредством переносных раций — мы нашли эти приборы, — но ничего не добились. Горстка людей очутилась словно на необитаемом космическом острове. Вскидывая головы, они видели в небе Землю и догадывались, что никогда на нее не вернутся.

Но что же уничтожило электрические цепи звездолетов?

Происшествие представлялось совершенно бессмысленным, тогда как до сих пор все, что случалось на Луне, имело какой-никакой смысл. Луна была жестокой, бесплодной, пустынной планетой, однако в ее безразличии к человеку все же присутствовала логика. Она не играла крапленными картами, не прятала ничего в рукаве, она была суровой старой девой, но вела себя по-честному.

Я поднялся и выпрямился во весь рост в тени вездехода. День был в разгаре, солнце припекало, поэтому поневоле приходилось время от времени прятаться от его палящих лучей.

Скоро придется разрабатывать план действий. Ждать больше нельзя. Мы испробовали почти все возможности и остались, что называется, при своих. Проводка в звездолетах и вездеходах выгорела начисто, так что заменить провода в наших машинах было нечем. Но даже если бы мы их и заменили, еще не известно, привело бы это к чему-нибудь или нет. Ведь невидимый противник вполне мог сжечь цепи снова.

Короче говоря, нас окружало изобилие техники, совершенно бесполезной.

Стену малого кратера снизу доверху покрывали лишайники. О таком их количестве я в жизни не слышал. Лишайников было столько, что хватило бы на весь госпиталь дока, даже если бы он понастроил новых палат, набрал бы пациентов со всей Земли и пичкал тех своим лекарством целую тысячу лет.

Кроме того, в кораблях нашлись документы — полная история экспедиции, равно как и оборудования и прочие весьма ценные вещи.

То было настоящее сокровище, поистине невероятная удача. Требовалось только вытащить добычу из кратера. Однако нас заботило в первую очередь то, как выбраться самим.

Куда ни посмотри, всюду лежали мертвецы — древние мертвецы, которые обрели вечный покой в гробницах своих скафандров. Впрочем, мы были избавлены от необходимости засвидетельствовать насилие или агонию. О насилии не шло и речи, а признаки агонии скрывались внутри объемистых скафандров, за опущенными светочувствительными. Казалось, люди умерли с достоинством римлян.

Над малым кратером по-прежнему кружили «собачки», сверкающие, искрящиеся, от которых не было никакого проку.

Из-за корпуса звездолета показался Брилл. Он подошел ко мне и остановился, глядя прямо в глаза.

— Нужно что-то предпринять, — сказал он. — Сколько можно сидеть без дела.

Я понял, к чему он клонит. Все было ясно без слов. Брилл здорово нервничал, как и мы с Амелией, и, похоже, готов был вот-вот сорваться.

— Потерпите, — ответил я. — Мы подождем, пока солнце опустится пониже, а затем двинемся в путь. Вы же видели того человека в кратере. Он попытался жить днем.

— Но в темноте...

— Темнота — понятие относительное. Нам будет светить Земля, а она здесь светит гораздо ярче, чем

Луна на Земле. К тому же, будет прохладно, может быть, даже холодно. Наши скафандры оборудованы нагревателями, так что с холодом справиться легче, нежели с жарой.

— Джексон, скажите правду, каковы наши шансы?

— Пройти предстоит семьдесят миль. Вдобавок придется подниматься по склону. Задача не из простых. — Брилл обескураженно покачал головой. Я продолжил: — Необходимо поспать, чтобы набраться сил. Надо будет захватить с собой столько кислорода, сколько унесем. Опустевшие баллоны будем выбрасывать, чтобы избавиться от лишнего веса.

— Как насчет воды?

— Рассчитывайте только на ту, которая у вас в скафандре. Но мы пойдем по холоду, поэтому нам понадобится меньше воды, чем если бы мы шли по жаре.

— Вы не уверены, что мы дойдем, — проговорил Брилл, пристально поглядев на меня. Глаза его заблестели.

— Еще никто не проходил семьдесят миль в скафандре, — отозвался я.

— Может, нас подберут? Сейчас наверняка уже известно, что мы пропали. Служба контроля организует поиски. Им известен наш маршрут. Они заскут трейлер на гребне кратера.

— Возможно.

— Вы на это не особенно рассчитываете?

Я покачал головой.

— Сколько осталось до выхода?

— Десять или двенадцать часов. Нужно, чтобы поверхность начала остывать. Времени хватит на все: и чтобы поспать, и чтобы как следует изучить лишайники.

— Спасибо, нагледелся, — пробурчал Брилл. — На них и на «собачек» тоже. Я убежден, что Тихо — их дом. Но почему? Чем он отличается от других кратеров?

— Думаю, что особо ничем, но взгляните на эти стены.

— Что в них такого?

— Они очень гладкие, как будто отесаны.

Брилл отрешенно кивнул и придвинулся поближе. Он понизил голос и заговорил заговорщицким шепотом, словно боялся, что его подслушают:

— Мне кажется, лишайники — то, что осталось от чьего-то огорода.

— Похоже, мы думаем об одном и том же.

— Они побывали на Луне в давние времена, может статься, миллион лет тому назад.

— А «собачки»?

— Господи, ну откуда мне знать? Может, домашние животные, которых забыли взять с собой. Предоставленные самим себе, они начали размножаться...

— Или наблюдатели.

— Логично, — отозвался он. Его взгляд выражал смятение и тревогу. — Меня кое-что беспокоит, — признался Брилл.

— Кое-что? По-моему, поводов для беспокойства гораздо больше.

— Я разумею неполадки с электричеством. Тут что-то не так. Проводка перегорела в вездеходах, но осталась целой и невредимой в скафандрах. Электрические цепи звездолетов уничтожены, однако в некоторых переносных рациях они в полной сохранности. Иными словами, удары наносились выборочно, повреждались отнюдь не все цепи.

Мне почудилось, будто подул холодный ветер, однако на Луне ветра нет.

Если допустить, что в кратере присутствует разум, придется признать, что он не желает отпускать нас, хочет, чтобы мы, как и те, кто появился здесь раньше нашего, остались тут навсегда.

— Понимаете, — продолжал Брилл, — гипотеза, что те формы жизни, с какими мы имеем дело, зародились на Луне, не выдерживает критики. Жизнь если и возникает, то сразу во многих местах, а так получается, что она появилась в одном-единственном кратере.

— Как насчет молекулярной преджизни?

— Разумеется, такие молекулы были обнаружены, но не более того. Развитие вело в тупик. Луна была стерильной уже в начале времен. Условия на ее поверхности никак не способствовали возникновению жизни. Она...

Внезапно в наушниках раздался звонкий голос Амелии.

— Крис, скорее сюда! Крис! Крис!

В ее голосе слышался не испуг, а возбуждение.

Я обернулся и увидел Амелию, стоявшую у дальней стены.

Мы побежали к ней: я впереди, Брилл за мной по пятам. И вдруг я увидел то, что, должно быть, и привело девушку в такой восторг.

В углублении стены сверкал и переливался мириадами огоньков, излучая ослепительно белый свет, некий предмет величиной с весьма приличных размеров валун. Ошибиться было невозможно.

— Алмаз! — прорыдала Амелия.

Она была права. Перед нами находился, судя по всему, огромный на свете алмаз весом не в одну тонну!

Впрочем, с алмазом что-то явно было не так.

Он казался обработанным — ограненным и отшлифованным. Свет исходил буквально от каждой его грани. К тому же мы успели изучить кратер вдоль и поперек — прошлись по окружности стены, обследовали звездолеты и вездеходы в тщетной надежде отыскать хоть что-нибудь, что могло бы нам помочь.

Но никакого алмаза не видели, а ведь он просто не мог не попасться кому-либо из нас на глаза.

В кратере творилось что-то непонятное, что-то очень и очень странное. Алмаз смахивал на приманку, схватив которую, мы окажемся в дьявольской мышеловке.

Брилл шагнул вперед.

— Назад, идиот! — крикнул я, хватая его за локоть.

Мне вдруг стало ясно, что написал мертвец, которого мы обнаружили недалеко от каменных ворот, «Не алмаз, а...» Все верно. Пыль засыпала окончание фразы, однако начиналась та, вне сомнения, со слов: «Не алмаз, а...»

Неожиданно алмаз как бы раскололся.

От него один за другим стали откалываться многочисленные кристаллы, каждый размером с человеческий кулак. Они отделялись медленно и методично, едва ли не с математической упорядоченностью, и наконец громадный алмаз превратился в облако кристаллов, которые плавали перед нами, то и дело сталкиваясь между собой, испуская лучи света, слепившие глаза.

Мы попытились. Кристаллы неторопливо двинулись вдоль стены, достигли прохода, выводившего в большой кратер, и замерли, образовав нечто вроде двери или завесы, которая пульсировала будто в напряженном ожидании. Впечатление было такое, словно они смотрят на нас.

Вот почему никому из людей не удалось сбежать отсюда — никому, кроме того человека, которого нашли мы, и того, которого обнаружил брат Амелии.

— Что ж, — проговорил я, — ловушка захлопнулась.

Мне не следовало этого говорить. Не знаю, что мной руководило. Впрочем, вывод представлялся настолько логичным, что слова как бы сами собой

сорвались с языка — стоило им возникнуть в сознании, как они тут же вырвались на волю.

Услышав их, Брилл вскрикнул и побежал — без оглядки, опустив голову и сгорбившись, будто изображал из себя игрока в американский футбол, который вознамерился пересечь линию. Из-под его ног летела в разные стороны галька. Он бежал напрямик к воротам, стремился на свободу, вон из западни, подгоняемый отчаянием.

От сверкающей завесы отделились два кристалла. Продолжая мерцать, они двинулись навстречу Бриллу. Удар, рикошет... Кристаллы взвились по спирали вверх, а Брилл споткнулся, упал, прополз чуть вперед — и замер очередной бесформенной кучей.

Завеса засияла ярче прежнего. К упавшему Бриллу, словно стервятники, слетелись «собачки». Их было так много, что скафандр Брилла мгновенно исчез из виду. На том месте, где лежал ученый, теперь поблескивали мириады искр.

Я отвернулся — и столкнулся с Амелией.

В широко раскрытых глазах девушки читался страх, лицо было мертвенно-бледным.

— Спаси нас, Господи, — пробормотала она.

8

Выходит, врагов у нас трое, кем бы они ни были: алмаз, «собачки» и лишайники.

— Во всем виновата я, — проговорила Амелия.

— Вам не пришлось меня уговаривать. Я ведь согласился чуть ли не сразу.

Так оно и было. Мне не хотелось упускать, возможно, последний шанс. И потом, я рассчитывал кое-что доказать членам синдиката, которые посещают в милвиллской парикмахерской и щелкают подтяжками.

Хотя, говоря откровенно, это всего лишь отговорки. Меня привело в Тихо в первую очередь желание увидеть собственными глазами легендарный кратер, о котором ходит столько слухов.

В кабине вездехода было жарко, однако скоро машина окажется в тени стены и постепенно остынет, и тогда можно будет отдохнуть от жары и снять шлем, который мало-помалу начинал уже действовать на нервы.

— Но отсюда не выбраться, — произнесла Амелия. — Вы ведь не думаете, что у нас получится?

— Я еще не сдался. Возможно, выход есть, просто мы его не видим.

— Я выкинула старую панель, — сказала Амелия. — Наверное, следовало ее сохранить. Но в кабине так мало места...

— Ничего страшного, — отозвался я. — Дело не в панели, а в проводке, которую они способны пережить в любой момент.

Они? Кто? Или что?

Должно быть, проблема в алмазе. А он по-прежнему здесь. Я видел его сквозь лобовое стекло. Он вновь собрался воедино и горделиво возлежал в своем углублении, прекрасный и несколько вульгарный: красота плохо сочетается с громадными размерами. Лежал и наблюдал. Гарнизон, оставленный охранять заброшенный форт некоей империи, о существовании которой человек в своей провинциальности и не догадывался. Древний легион, оборонявший крепость и забытый в круговороте космических событий, забытый, но верный присяге.

Хотя, может, и не забытый: возможно, что в других местах, не более привлекательных, чем это, стоит множество подобных гарнизонов.

Продолжая размышлять, я вдруг поймал себя на том, что мыслю слишком уж по-человечески. Луна,

безусловно, не особенно благоволил к людям, однако иным существам может показаться родным домом. К примеру, кристаллам вроде тех, какие образуют алмаз. Или сгусткам энергии наподобие «собачек». Или диковинному симбиозу растения и бактерий, как лишайники.

— Мне очень жаль, Крис, — сказала Амелия.

— Чего?

— Что мы не можем вернуться. А ведь мы могли бы выпить и пообедать вместе, могли бы даже...

— Да, пожалуй, могли бы.

Мы глубококомысленно уставились друг на друга.

— Поцелуй меня, Крис.

Я охотно исполнил ее просьбу. Правда, целоваться в скафандре не очень удобно, но тем не менее, мне понравилось.

Брилл по-прежнему лежал у каменных ворот. Мы вовсе не собирались убирать его оттуда. В конце концов, он попал в неплохую компанию. Когда «собачки» улетели, я вылез из вездехода и прогулялся к воротам. Кристаллы угодили ученому точно в шлем — в стекле зияли две аккуратные дырочки. От них расходились крохотные трещины. Этих дырочек оказалось вполне достаточно, чтобы кислород вырвался наружу. Брилл умер мгновенно.

Минуточку... О чем я думал секунду назад? Какая у меня мелькнула мысль? Что-то насчет того, что Луна — родной дом для одних существ, а Земля — для других...

Я напряг память. Наверное мне надо было запрыгать от восторга, но я просто сидел и думал. Рискованно? Разумеется, риск чрезвычайно велик. Если ничего не выйдет, мы лишь приблизим свой конец. Но смерти все равно не миновать, пока алмаз сторожит ворота, так что какая разница? Вдобавок времени в обрез. Если мы хотим спастись, нужно поторопиться.

Я встал, подошел к шкафчику, порывлся в ящиках, нашел старый консервный нож и сунул его в карман.

— Пошли, Амелия. Пора двигаться домой.

Она удивленно посмотрела на меня, но спорить не стала. Судя по всему, ей не очень хотелось знать, каким образом мы спасем свою жизнь.

На крыше ее вездехода лежали кислородные баллоны и канистры с водой. Мы спустили четыре баллона и связали их веревками, а потом закинули за плечи и подтащили настолько близко к воротам, насколько осмелились, стараясь не возбудить любопытства наблюдавшего за нами алмаза. Все прошло гладко. Алмаз не пошевелился — только продолжал наблюдать за нашими действиями тысячью сверкающих глаз.

Мы вернулись и заменили баллоны в скафандрах, чтобы иметь полный запас кислорода.

Затем сняли с крыши канистры. Я достал консервный нож и взялся за дело. До чего же все-таки неуклюжая штука скафандр! Он явно не предназначен для того, чтобы в нем можно было работать консервным ножом.

Наконец мне удалось открыть две канистры. На поверхность Луны пролилось некоторое количество воды, которая мгновенно впиталась в почву. От нее осталось лишь темное пятно. Признаться, у меня чуть не случился разрыв сердца. Так бессовестно разбазаривать драгоценную жидкость!

Я выпрямился и сунул нож обратно в карман скафандра.

— Крис, что ты задумал?

— Есть такая винтовка, называется двустволка. Можно сказать, у нас два патрона.

— Кислород и вода.

— Верно. Не одно, так другое может напугать алмаз, он отвлечется, и мы попытаемся прорваться.

Мы взяли по канистре и подняли вдвоем баллон. На сей раз мы подошли к алмазу чуть ли не вплотную. Он глядел на нас, гадая, быть может, что все это значит, но, по-видимому, ни капельки не беспокоился. С какой стати ему было волноваться? Он не впервые сталкивался с людьми и усвоил, что их опасаться нечего. Слабые и глупые существа, которые не в силах причинить твердому алмазу какой-либо вред.

Я поставил канистру, развернул баллон вентилем к сверкающему камню, широко расставил ноги, положил руку на кран, стиснул пальцами и резко повернул. Баллон затрясся, ударил меня в плечо. Кислород хлынул наружу.

Некоторое время ничего не происходило, разве что струя газа подняла облачко пыли. Алмаз не шевелился. Внезапно он начал распадаться на кристаллы — судя по всему, решил, что с него достаточно. Сейчас он покажет этим вздорным людишкам, которые посмели потревожить его покой.

— Амелия! — крикнул я.

Девушка выплеснула на алмаз целых пять галлонов отличной питьевой воды.

Секунды стали вечностью. Неожиданно изнутри алмаза повалил пар. Очертания камня сделались размытыми. Он таял на глазах. Весь покрылся белыми полосками соли и постепенно утратил свою совершенную форму.

Я уронил баллон. Алмаз превратился в кучу серого порошка, над которой вился пар. Первая нуля угодила в «молоко», зато вторая попала точно в цель. Кислород оказался бесполезен, а вот вода пришла как нельзя кстати.

— Мы изгнали беса, — сообщил я сам себе.

Да, изгнали, пусть даже не святой, а обыкновенной водой.

Отправили в ничто посредством чужеродной, враждебной, смертоносной субстанции, без которой сами не можем жить.

Я оглянулся. Зазубренные пики, которые венчали стену кратера, тронули лучи солнца.

— Амелия, пора идти.

Мы выбрали кислородные баллоны, взвалили их на плечи и зашагали по проходу, выводившему в большой кратер. Впереди, далеко-далеко, белел гребень Тихо. Вокруг сгущались сумерки. Скоро станет прохладно, а затем и холодно, однако дорогу нам будет освещать старушка Земля.

Шли мы довольно быстро. Скафандр — не слишком подходящий наряд для прогулки пешком, но стоит только приноровиться и поймать шаг, как ты словно воспаряешь над поверхностью. Особенно на Луне, где сила тяжести меньше земной.

— Крис, я догадалась, что там было за слово.

— Какое слово?

— В пыли. Помнишь, оно оканчивалось на «да».

— Помню.

— Тот человек написал «вода».

— Может быть.

Я остановился и обернулся, чтобы бросить последний взгляд на заросшие лишайником стены, что ревностно оберегали тайну Тихо. И тут я увидел, что следом за нами по проходу таким переливчатым выпелом движется стая «собачек».

Лишь теперь я заметил, что куда-то подевались и Съюзи, и «собачка» Амелии. Они бросили нас и присоединились к своим собратьям, которые, похоже, устремились в погоню.

Я выкопал углубление в невысоком склоне, уложил в него Амелию и засыпал девушку пылью, оставив торчать наружу только шлем. Поверхность,

которую целый день напролет жарили лучи солнца, была еще более-менее теплой; пыль же с успехом послужит изоляцией.

Луна остывала. Солнце скрылось несколько часов назад, тепло улетучилось в космос; сохранилась лишь малая толика, накопившаяся в залежах пыли у подножий крутых склонов. Термоэлементы скафандров не справлялись с холодом. Пока человек двигался, все было в порядке — скафандр удерживал тепло, которое исходило от тела. Однако остановиться отдохнуть без дополнительной изоляции, без того, чтобы зарыться в нагретую за день лунную пыль, означало записаться в самоубийцы.

Я загладил слой пыли поверх скафандра Амелии и кое-как выпрямился. Мышцы настойчиво требовали отдыха. Так продолжалось не один час, однако мы не решались останавливаться до тех пор, пока не достигли этого места, где громоздились кучи пыли.

Медленно расправив плечи, я обернулся и посмотрел на равнину, по которой мы прошли пятьдесят миль, позволив себе лишь две короткие передышки. «Собачки» по-прежнему висели над нами огромным искрящимся облаком. Они сопровождали нас всю дорогу. Мы шли словно под конвоем.

Я встал на колени и принялся выкапывать нору, в которую намеревался забраться сам. Так я смогу отдохнуть, не боясь, что замерзну, но вот засыпать мне никак нельзя. Я должен бодрствовать, ибо задержись мы хотя бы чуточку дольше, чем следует, то, вполне вероятно, останемся тут навсегда. Пыль мало-помалу остынет, станет холодной, как поверхность планеты, и тогда мы превратимся в сосульки.

Я лег, набросал на себя пыль и устался на утесы над головой.

Двенадцать тысяч футов. На гребне стоит трейлер, укрывшись в котором, мы окажемся в безопасности. Главное — добраться до трейлера.

Я лежал, чувствуя, как слипаются глаза, и добрый десяток раз спохватывался в самый последний момент, когда уже был готов погрузиться в сон.

«Собачки» кружили надо мной, образовав нечто вроде светящегося колеса. Ни дать, ни взять, стая стервятников. Мне показалось, что они опустились ниже.

Одна «собачка» села мне на шлем, расположилась прямо перед глазами, и я догадался, что вижу Сьюзи. Не спрашивайте как — догадался, и все. Она слегка подрагивала, словно от радости, что вновь нашла меня. Затем к ней присоединились другие, я потерял Сьюзи из вида; куда ни посмотри, всюду сверкали огоньки. Они как будто проникали в мой мозг.

Обретя на миг способность рассуждать здраво, я вдруг вспомнил, что точно так же они облепили умирающего Брилла.

Но я-то жив!

Скоро надо будет подниматься. Растолкаю Амелию, и мы с ней двинемся к трейлеру, от которого нас отделяет склон протяженностью двенадцать тысяч футов. После пятидесяти миль эта цифра представлялась не слишком внушительной, но я не обманывал себя. Двенадцать тысяч футов почти наверняка окажутся столь же трудными, как и те пятьдесят миль.

По всей вероятности, у нас ничего не получится. Лучше закрыть глаза и заснуть, потому что мы в жизни не одолеем такой подъем.

Правда, где-то в стае «собачек» находится Сьюзи. Она стучит в стекло шлема — или мне чудится? Она пытается заговорить со мной, как пыталась уже не раз.

Кто-то в самом деле говорил со мной — может стать, не Сьюзи, но факт оставался фактом. Кто-

то говорил на тысяче языков, на миллионе диалектов. Казалось, ко мне обращается толпа, в которой все говорят одновременно и каждый о своем.

Я знал, что не сплю, не брежу и не схожу с ума. Бывалый старатель вроде меня не ведает, что такое безумие. Иначе все мы, обитатели Луны, давным-давно бы спятили.

— Привет, дружок, — сказал мне некто.

Тут появился еще кто-то, взял меня за руку и повел по берегу диковинной реки — по руслу текла не вода, а ярко-голубой жидкий кислород. Под ногами что-то непрерывно хрустело; посмотрев вниз, я увидел, что мы шагаем по своего рода ковру из шаров, похожих на те, какими украшают рождественские елки.

Третье существо увлекло меня в место, которое выглядело более пристойным, однако дома и деревня производили весьма странное впечатление; к тому же, между ними сновали жуки размером с лошадей.

Кто-то объяснял со мной математическими терминами, и, как ни удивительно, я все понимал. Кто-то говорил на звонком языке кристаллов; я опять же вполне сносно улавливал смысл сказанного и слышал множество других голосов. Это было не то чтобы собрание приятелей или шумное застолье, однако близко к тому. Невидимые существа рассказывали друг другу свои истории; я разбирал отдельные слова и фразы, но услышанного оказалось достаточно, чтобы сообразить, что все истории повествуют о давно — неизмеримо давно — минувших днях.

Внезапно послышался еще один голос:

— Крис, очнись! Тебе нужно вернуться в Енотову Шкуру. Ты должен предупредить товарищей.

Очнуться меня заставили не слова, а именно голос. Я узнал его! Со мной говорил Брилл, мертвец, которого мы оставили лежать в малом кратере!

Не знаю, как я сумел так быстро разгнать пыль и в мгновение ока вскочить на ноги. Поднявшись, я замахал руками, словно человек, который отбивается от пчел. «Собачки», похоже, не сразу поверили в то, что их прогоняют, однако в конце концов все же разлетелись в разные стороны, после чего взмыли в небо и зависли там сверкающим облаком. Все возвратилось на круги своя.

Я вытащил Амелию из пыли, поставил прямо и принялся трясти.

— Проснись, Амелия. Выпей воды. Надо убирать-ся отсюда.

Я развернул девушку лицом к склону, подтолкнул и двинулся следом. Последние двенадцать тысяч футов.

Мне было страшно, невыразимо страшно. Кому охота общаться с призраками? «Собачки» же, как выяснилось, были не чем иным, как шайкой призраков.

Я как будто лишился тела, превратился в пару с трудом переставляемых ног, каждая из которых при очередном шаге едва отрывала от поверхности башмак, весивший теперь добрую тысячу фунтов. Впрочем, ноги принадлежали не мне, а кому-то еще. Мое собственное «я» как бы стояло в сторонке и плевать хотело на ноги, что, кстати, и побуждало те двигаться.

Подъем продолжался. Где было можно, мы шли, а где нельзя, карабкались на четвереньках. Но не останавливались. Порой мы съезжали вниз, однако поднимались и шагали — или ползли — дальше.

Мне в голову пришла безумная мысль: если мы доберемся до гребня, «собачки» оставят нас в покое.

Амелия время от времени ударялась в слезы, однако я упорно гнал ее вперед. Она умоляла

остановиться, но я не желал ничего слушать. Когда она упала, я рывком поставил девушку на ноги и пихнул в спину.

Я догадывался, что она возненавидела меня. Позже Амелия сказала об этом вслух.

Мне было начхать. Лишь бы шла, а говорить может что угодно.

Я потерял счет времени, утратил всякую ориентировку. Казалось, склон никогда не кончится.

Поэтому я несказанно изумился — испытал не радость, не облегчение, не восторг, а изумление, — когда колея вдруг оборвалась и склон, вместо того чтобы подниматься вверх, устремился вниз.

Амелия рухнула мне под ноги, а я стоял и размышлял, хватит ли у меня сил, чтобы дотащить ее до трейлера.

Что-то было не так, чудовищно не так. Мысли путались, потому я не сразу сообразил, в чем, собственно, дело. Наконец до меня дошло.

На гребне не было никакого трейлера.

Мы оставили его вон там. Ошибка маловероятна. Значит, кто-то наткнулся на трейлер и отбуксировал нашу надежду в Енотову Шкуру.

Вот и все, подумал я. Сколько сил потрачено впустую. Какая разница, где умирать?

Быть может, мы пройдем те мили, которые отделяют нас от города, но кислорода точно не хватит. Мы обречены, сомневаться не приходится.

Я тяжело сел рядом с Амелией, протянул руку и похлопал ее по плечу.

— Извини, дорогая. Ничего не вышло. Трейлера нигде нет.

Она привстала. Я привлек ее к себе.

— Мне все равно, — проговорила она.

Я понимал Амелию. Сейчас жизнь представлялась чем-то таким, ради чего не стоило и стараться. Зачем куда-то шагать, зачем лишать себя сна, зачем тратить последние силы?

Я поднял голову. «Собачки» висели в небе, дожидаясь, когда можно будет спуститься.

— Ладно, вы, сволочи. Мы готовы. Давайте, спускайтесь.

Быть может, все не так плохо. Будет, с кем потолковать и кого послушать: среди «собачек» наверняка немало занимательных экземпляров. Возможно, в конце концов нам понравится. Вернее, не нам, а нашим «я» — естеству, душе, называйте, как хотите.

Ну и к тому же в этой компании есть земляне — тот же Брилл, участники Третьей лунной экспедиции, геологи и спасатели.

А остальные? С каких они планет? И как попали сюда?

Славные ребята Вселенной? Орды из дальнего космоса? Галактические джентльмены удачи?

Как бы то ни было, они не брезгают вербовкой, не прочь, когда предоставляется возможность, пополнить свои ряды. Ясно, что именно они захватили Третью экспедицию, заманили к себе геологов и поймали в западню спасателей. До сих пор им без труда удавалось скрывать свое логово от пролетающих мимо Луны кораблей: они просто собирались в облако, которое зависало над кратером и служило чем-то вроде экрана.

Все дело в них, подумал я. Они и есть тот самый разум, который стоит за всем, что случилось. Алмаз — просто полезное приспособление, прихваченное,

может статься, с какой-либо неведомой планеты в системе некоей недостижимой звезды. Что касается лишайников, неужели эти растения — ловушка, расставленная на людей, которые охотились за ними?

— Тсже мне робин гуды, — пробормотал я.

— Что ты сказал, Крис?

— Так, ничего особенного. Вспомнил книжку, которую читал в детстве.

Облако опускалось. Я сказал себе, что пора кончать с размышлениями. Через некоторое время мы сможем задавать какие угодно вопросы и получим все требуемые ответы.

Я покрепче обнял Амелию. Она что-то пробормотала, что именно — я не разобрал. «Собачки», похожие на золотистый дождь, продолжали снижаться.

Облако почти коснулось нас, когда ночной сумрак прорезал ослепительный луч света, вынырнувший откуда-то снизу. Я медленно поднялся и различил очертания ползущего по склону вездехода.

— За нами кто-то едет! — воскликнул я, ставя Амелию на ноги. Впрочем, мой возглас был не громче хриплого, еле слышного шепота.

Вездеход взобрался на гребень и повернулся к нам бортом. Мы подковыляли к люку. Я затолкнул Амелию внутрь и, давая ей время проползти в кабину, поглядел на «собачек». Те вновь кружили над склоном.

— До следующего раза, — я помахал призракам рукой и втиснулся в люк.

Очутившись в кабине, я упал на колени, сорвал с себя шлем и жадно вдохнул свежий воздух. Тот был настолько хорош, что у меня перехватило дыхание.

— Вы! — только и выдавил я, увидел глупо ухмылявшегося дока Уизерса, который опирался на панель управления.

— Ты нашел их? — требовательно спросил он, одарив меня усмешкой подвыпившего эльфа. — Нашел лишайники?

— Спрашиваете, — отозвался я. — Их там прямо завались.

— Народ утверждал, что в Тихо тебе делать нечего, что ты слишком умен, чтобы соваться туда. Но я знал! После нашего с тобой разговора я понял, куда ты поедешь за лишайниками!

— Послушайте, док, — ухитрился произнести я, — мы не...

— Я ждал тебя на гребне, — продолжал Уизерс, — а все остальные обшаривали склоны. Ждал, пока не стало поздно, а потом поехал домой. Но по дороге меня замучила совесть. Что если я укатил чересчур рано? Что если Крис появился через десять минут после моего отъезда? Такие вот мне приходили в голову мысли. В общем, я развернулся и рванул обратно проверить, не свалил ли дурака.

— Спасибо вам, док, — поблагодарил я.

— А кто эта дама? — справился док с игривым лукавством, которое ему совершенно не шло.

Я посмотрел на Амелию. Она тоже сняла шлем, и лишь теперь мне бросилось в глаза, как она красива.

— Быть может, самый смелый и самый очаровательный человек на Луне.

Амелия улыбнулась.

*Перевел с английского
Кирилл КОРОЛЕВ*

Норман Спинрад
Схватка

В возрасте девяти лет Гарри Уинтергрин понял, что жизнь подарит тебе все, что пожелаешь, если только подобрать к ней ключ. Именно в тот год в моду вошел бейсбол, и парень, сумевший накопить наибольшее количество бейсбольных карточек, получал звание парня что надо. И Генри решил стать им.

На сэкономленный доллар он купил сотню бейсбольных карточек, совершенно не выбирая. Но ему повезло: среди них оказалась карточка с Йоги Беррой, очень редкая. Дальше, в три приема, он обменял остальные девяносто девять на еще три с Йоги Беррой, — их больше не было во всей округе. Хотя Гарри получил преимущество всего в четыре карточки, он целиком завладел рынком в смысле этого игрока. Дальше Гарри взвинтил цену на Йоги Берру до восьмидесяти карточек, что было неслыханно. Накопленный таким образом фонд помог ему завладеть всеми имеющимися в хождении карточками с Мики Мэнтлом, Уитти Мейсом и Пи Уи Рисом, словом, он стал Рокфеллером или Морганом среди фанатов бейсбола.

Гарри успешно переходил из класса в класс, овладев лишь одной наукой: умением проходить тесты. В выпускном классе он уже мог обогорить любого преподавателя, составлявшего тесты, и получил стипендию с такой легкостью, что самому стало смешно.

В колледже Гарри стал засматриваться на девочек. Имея вполне привлекательную внешность, он, без сомнения, одержал бы свою долю побед, даже не очень утруждая себя, но дело в том, что интересы Гарри Уинтергрина лежали совсем в другой плоскости.

Уже на втором курсе колледжа учеба смертельно надоела Гарри. Он понял, что самое главное в жизни — стать отвратительно богатым — так он для себя это сформулировал. Целый месяц он пристально изучал один сексуальный роман, а в следующие два месяца написал три своих и моментально продал их по 1000 долларов за каждый.

Оказавшись владельцем 3000 долларов, он купил новенький сверкающий автомобиль. Потом подъехал на нем к мексиканской границе, пересек ее и попал в ближайший город, славящийся презрением к закону. Не теряя времени, Гарри познакомился с

мальчишкой — чистильщиком обуви и купил у него фунт марихуаны. Естественно, чистильщик донес на него пограничникам, которые не преминули раздеть Гарри догола, когда он шел по мосту пешком, назад в Соединенные Штаты. Ничего не найдя, солдаты спокойно пропустили его через границу. Он не протаскил из Мексики ничего запретного, поскольку выбросил марихуану, как только ее купил.

Однако, воспользовавшись введенным в Мексике эмбарго на ввоз американских автомобилей, он продал свой автомобиль за 15 тысяч долларов.

С 15 тысячами долларов в кармане Гарри махнул в Лас-Вегас, город игорных домов и развлечений, где провел полтора месяца. Все это время он угощал вином новых знакомых, ссужал деньги азартным игрокам и вообще вел себя как добрый Санта-Клаус. Потратив таким образом 5 тысяч долларов, он вошел в доверие к нужным людям.

К концу этого «отпуска» Гарри Уинтергрин обладал секретной информацией по поводу конъюнктуры, которая позволила ему обратить оставшиеся 10 тысяч долларов в 100 тысяч всего за два месяца. Как ему это удалось?

Гарри Уинтергрин купил у правительственной организации джипы устаревшей модели за 10 тысяч долларов и тут же с ходу перепродал все джипы одному государству в Центральной Америке (с весьма дурной репутацией) за 100 тысяч долларов.

На эти 100 тысяч он купил крошечный остров в Тихом океане, настолько бесплодный, что ни одно правительство не шевельнулось, чтобы им завладеть. Здесь Гарри Уинтергрин обосновался как глава суверенного государства, свободного от всяких налогов, после чего начал продавать участки земли по 20 акров и всучил их двадцати миллионерам, клонувшим на эту безналоговость. Каждому из них участок обошелся в 100 тысяч долларов. Самый последний кусок земли Уинтергрин сбыв с рук всего за три дня до того, как правительство Соединенных Штатов при поддержке ООН наложило лапу на остров и передало его в ведение своего налогового управления.

Из заработанных 2 миллионов Генри потратил значительную сумму на аренду суперкомпьютера сроком на двенадцать часов. Компьютер составил программу, позволяющую без риска заключать пари на разные суммы и по разным поводам. С его помощью 2 миллиона выросли до 20, причем люди, делавшие ставки на английские футбольные команды, вложили в это предприятие 18 миллионов.

Из этих денег Уинтергрин потратил пять миллионов следующим образом: у обедневшего арабского султаната он купил огромный кусок песчаной пустыни, затем не пожалел еще двух на создание некоей конторы по распространению слухов. Они сводились к тому, что под этой пустыней — разливное море нефти. Еще три ушло на организацию фиктивной корпорации (под вывеской солидной нефтяной компании), которая объявила продажу этой пустыни за жалкие 75 миллионов. После периода ожесточенной торговли одной американской компании удалось вырвать у фиктивной конторы тысячу квадратных миль бесполезного песка за сто миллионов.

В возрасте двадцати пяти лет Гарри Уинтергрин был, по собственному мнению, отвратительно богат. И тут же потерял интерес к деньгам.

Теперь у него появилось желание делать Добро. И это занятие поглотило его. С помощью денег Уинтергрин был свергнуто семь неугодных миру латиноамериканских правительств, которые заменили шестью социал-демократиями и одной мягкой диктатурой. Потом он взялся за племя жителей

Борнео, охотников за черепами, и обратил их в розенкрейцеров*. Уинтергрин основал двенадцать пансионатов для протестантов пенсионного возраста и претворил в жизнь программу планирования семьи в Индии, в результате которой двенадцать миллионов здоровых индийских женщин были стерилизованы. И ухитрился заработать на вышеуказанных проектах еще сто миллионов.

К тридцати годам Гарри Уинтергрина осточертело делать Добро. У него появилась идея, которую он сформулировал так: нужно оставить свои следы на Тропе Времени. И он действительно их оставил: сначала написал роман о короле Фаруке, получивший международное признание. Потом изобрел фильтр-мембрану, сквозь которую вода проходила свободно, но очищалась от солей. Построенный на этом принципе завод, названный именем Уинтергрин, пропускал через такие фильтры неограниченное количество влаги, причем стоимость очистки каждого галлона была минимальна.

Гарри Уинтергрин написал картину, за которую ему сразу же предложили 200 тысяч, но он бесплатно передал ее музею Современного искусства. Он вырастил вирус-мутант, уничтожающий бактерию сифилиса; вирус распространялся так же, как и болезнь, — при сексуальном контакте, и, кроме того, действовал как легкий сексуальный возбуждатель. С его помощью всего за полтора года с сифилисом было покончено раз и навсегда.

Потом он купил островок в океане, у берегов Калифорнии, который являл собой торчащую из волн скалу. Он приказал высечь из этой скалы скульптуру, и с тех пор над водой высится каменный Гарри Уинтергрин высотой в сто пятьдесят метров.

В тридцать восемь лет наш герой решил, что он достаточно наследил на Тропе Времени, и это ему тоже надоело. Со свойственной ему энергией он принялся искать новые цели. Но в сорок лет ему доложили, что организм его поражен неизлечимой болезнью. У вас рак, сказали ему, он проник вглубь и разросся вширь, другими словами — дело безнадежное. Вам осталось жить на свете всего год.

Первый месяц последнего года жизни Уинтергрин потратил на поиски способа лечения. Он объездил всевозможные медицинские факультеты, больницы, клиники, лаборатории, он побывал у всех знаменитостей, у знахарей, у чудом излечившихся пациентов, у хилеров, у старушек-целительниц. Однако никто не сообщил ему, как лечить неизлечимый рак: надежного способа не было. Все складывалось так, как он и предвидел: придется браться за дело самому.

Следующий месяц ушел на подготовку. По заказу Уинтергрин в центре пустыни штата Аризона воздвигли виллу, окруженную высоченной стеной. Вилла была оборудована по последнему слову техники. Кухню напичкали автоматами, кладовую заполнили годовым запасом продуктов. В лаборатории, которая обшлась в пять миллионов, можно было вести биологические и биохимические исследования. Библиотека стоимостью в три миллиона содержала микрофильмы книг, из которых можно было узнать абсолютно все, написанное о раке. Аптека превзошла по своим запасам все фармацевтики мира: здесь было любое лекарство, существующее в природе. Здесь хранился большой запас химических веществ, в том числе радиоактивных. Короче, в аптеке, которая обошлась в 20 миллионов, было все.

В кабинете Уинтергрин стоял суперкомпьютер. К тому времени, когда вилла была оборудована,

наличность нашего миллионера была почти на нуле.

Наконец Гарри Уинтергрин вошел в цитадель, где собирался достичь результата, не достижимого с точки зрения медицинских светил всего мира. У него оставалось на это десять месяцев.

Первые два месяца он пожирал книги, оставляя на сон всего три часа и поддерживая бодрость бензидрином. В книгах он не нашел ничего, кроме сухой информации. Пропустив ее через себя, Уинтергрин переселился в аптеку.

В следующем месяце он испробовал на себе аурамицин, бацитрацин, фторид с оловом, гексид-резорцинол, кортизон, пенициллин, гекса-хлорофен, экстракт акульей печени и еще 7312 изобретений мировой фармакологии. Ничего не помогало; он начал чувствовать боли, которые немедленно заглушил морфием.

Уинтергрин испробовал химию, радиоактивные и психотропные вещества, христианство, йогу, молитву, клизму, патентованные средства, отвары из трав, питание одним йогуртом и даже колдовство. Все это поглотило еще один месяц, а больной все худел. Ничто не помогало, а времени осталось всего полгода.

Уинтергрин был на грани отчаяния. Но вместо того чтобы признать поражение, он погрузился в созерцание своего внутреннего мира. Усевшись в кресло, он просидел сорок восемь часов, созерцая собственный пуп. Результат этой медитации был двоякий: во-первых, у него сильно заболели глаза, а во-вторых, в мозгу его всплыло понятие «спонтанная ремиссия».

В предыдущие два месяца исследований Уинтергрин столкнулся с несколькими случаями неизлечимого рака, который неожиданно исчезал, и пациент, казалось бы, безнадежный, выздоравливал. Никто не мог этого объяснить. Не в силах проанализировать это явление, ученые назвали его «спонтанной ремиссией», где «ремиссия» означала исцеление, а «спонтанная» — неизвестность причины.

Что не значило, однако, что причины не было.

Уинтергрин это заинтересовало. Можно даже сказать, что он загорелся. Он знал о нескольких безнадежных больных, которых вылечили, значит, неизлечимый рак излечим. Следовательно, проблеме можно изъять из разряда неразрешимых и перевести в разряд маловероятных.

Разгадывать же маловероятные вещи было любимым занятием нашего героя.

Теперь, когда ему осталось жить всего полгода, Уинтергрин радостно принялся за дело. Из библиотеки, в которой содержалось описание любых видов рака, он выкопал все случаи спонтанной ремиссии, потом заложил все известное о ней в компьютер: истории болезни, виды лечения, возраст больных, пол, религию, расу, политические взгляды, цвет кожи, национальность, темперамент, семейное положение, рейтинг по Дану и Бредстриту, перенесенные неврозы и психозы и даже любимые сорта пива. Таким образом он запустил в компьютер исчерпывающие данные о пациентах, когда-либо спасенных от рака.

Кроме того, Уинтергрин зарядил компьютер целыми сериями взаимосвязанностей между десятками тысячами отдельных, четких признаков, присущих пациентам, и спонтанной ремиссией. Если даже единственный признак, — ну, скажем, возраст, кредитоспособность, любимое блюдо, — можно

* Последователи учения, в котором приверженность к мистике сочеталась с требованиями нравственного совершенствования.

было бы связать со спонтанной ремиссией, тогда это хоть что-то да значило бы.

В свое время Уинтергрин заплатил за этот компьютер 100 миллионов, это был самый лучший компьютер в мире. И он себя оправдал: за 2 минуты и 7,894 секунды он проделал всю работу и выдал ответ:

— Связей не существует.

Это значило, что спонтанная ремиссия не зависит ни от одного внешнего признака.

Менее волевой человек был бы раздавлен. Более гибкий человек зашел бы в тупик. Гарри Уинтергрин на ответ компьютера не только не обескуражил — он его вдохновил.

Решительным жестом он исключил из понятия «спонтанная ремиссия» весь окружающий мир, в том числе и всю Вселенную. Таким образом из факторов, имеющих к ней отношение, остались только его собственное тело и психика, как бы парадоксально это ни звучало.

Теперь он восстал на борьбу с собственным миром, со Вселенной внутри себя. Он снова засел в аптеке, где приготовил адское зелье, которым заполнил огромный шприц. В эту смесь вошли: новоканн, морфий, кураре, влют — редкий среднеазиатский яд, вызывающий временную слепоту, ольфакторкен — чрезвычайно редкое снадобье, отбивающее запах (им пользуются на фермах, где выращивают скунсов), тимпаноллин, временно лишающий слуха (он помогает Сенаторам на некоторых заседаниях); кроме того, в смесь вошла большая доля бензедрина, плюс еще семь наркотических веществ, запрещенных законом, и Бог знает что еще. Кроме того, в зелье вошли глаз тритона и палец собачьей лапы — истинное варево ведьмы!

Приготовив снадобье, Уинтергрин улегся на самую удобную тахту, протер спиртом кожу над веной у левого локтя и всадил в себя содержимое шприца.

Сердце заработало, как поршень, кровь закипела, разнося всю эту химию по всему организму. Новоканн убил чувствительность тончайшего нерва; морфий заглушил всякую боль, влют ослепил пациента, ольфакторкен притупил обоняние, тимпаноллин сделал его глухим, как пень, яд кураре парализовал.

Уинтергрин стал заключенным внутри самого себя. В эту тюрьму не мог пробиться ни один внешний раздражитель, для него наступило состояние, при котором все органы чувств полностью отключены, осталось лишь страстное желание впасть в блаженный обморок. При всей своей железной воле Уинтергрин не смог бы остаться в сознании без посторонней помощи, — ее оказал бензедрин, не давший ему уснуть навеки.

Пациент бодрствовал, все понимал, но был совершенно один в мире собственного организма; не было никаких внешних впечатлений, которыми он мог бы себя занять.

А потом заработали медикаменты, вызывающие галлюцинации: сначала одно средство, потом в паре с другим, как удары хорошего боксера-тяжеловеса.

При всей заторможенности чувств, центры головного мозга Уинтергрин остались активными, и на них пала вся нагрузка информации, поставляемой галлюциногенами. Перед мысленным взором Уинтергрин поплыли призрачные силуэты, замелькали цветочные пятна, какие-то фигуры, не имеющие ни образа, ни имени. Он слышал странные звуки, похожие то ли на переключку духов, то ли на вопли сумасшедших. В мозгу его проносились немые понятия, тело то сжимали, то рвали на куски несуществующие силы. Сенсорные центры мозга Уинтергрин напоминали мощный радиоприемник, настроенный на безумный оркестр; его наполнили

бессмысленные ощущения — слуховые, зрительные, обонятельные и даже плотские.

Лекарства заглушили чувствительность пациента, но бензедрин держал его в сознании, а то, что он сорок лет был Гарри Уинтергрином, позволило ему сохранить рассудок. В течение длительного времени он пытался избежать самого плохого, зацепившись хоть за что-то в этой странной окружающей анти-среде. Постепенно, сначала нерешительно, а потом со все большей уверенностью Уинтергрин начал овладевать ситуацией. Его мозг начал конструировать неправдоподобные, но полезные аналоги действий, которые не были действиями; он мысленно вызывал сенсорные данные, никогда прежде не посещавшие ни один человеческий мозг. Аналоги, которые он строил в состоянии, похожем на безумие, были просчитаны его подсознанием для того, чтобы хоть как-то понять нечто непостижимое. Эти аналоги позволили ему иметь дело со своей анти-средой так, словно она была нормальной средой, и переводить превращения в мозгу на язык действий.

Уинтергрин протянул аналог руки и настроил «радиоприемник» на себя, заблокировав безумный оркестр внешней Вселенной на молчаливую пока что волну собственного организма, на Вселенную внутри себя. Потому что это был единственный выход для ума, стремящегося избежать хаоса.

Он настраивал, приспосабливал, форсировал, боролся; он чувствовал, как его мозг наталкивается на какую-то перегородку толщиной всего лишь с атом. Он бился об эту перегородку, эту призрачную мембрану, отделяющую его ум от организма, и пленка растягивалась, колебалась, выгибалась, делалась все тоньше и наконец порвалась. Как Алиса, шагнувшая в Зазеркалье, аналог его тела проник внутрь организма Гарри Уинтергрин.

Он оказался внутри самого себя.

Это был мир, где удивительное соседствовало с тошнотворным, величественное с нелепым. Сознание Уинтергрин, которое его же собственный ум рассматривал как нечто внешнее, оказалось среди широкой сети пульсирующих артерий, похожих на чудовищную систему путей-дорог. Потом это сравнение материализовалось: да, это и было разветвление дорог, по которому мчался Уинтергрин вместе со своими непонятными попутчиками. Из туго набитых сумок кто-то сыпал в стремительный транспорт всякую всячину: гормоны, шлаки, питательные вещества. Белые кровяные шарики летели мимо, как лихие таксисты, а красные проплывали не торопясь, как ландо с солидными бюргерами. Машины спешили по своим делам и застревали на перекрестках точно так же, как городской транспорт в час пик. Уинтергрин маневрировал в этом потоке, разыскивая нечто, неведомое ему самому.

Сделав левый поворот, он пересек три улицы, потом свернул вправо и подъехал к лимфатическому узлу. Тут-то он и увидел их — нагромождение белых клеток, напоминающих дикую автомобильную аварию. Навстречу ему мчался мотоцикл.

На лице одетого в черную кожаную куртку мотоциклиста выделялись только горящие, налитые кровью глаза. Куртку наискось перечеркивала красная надпись: «Раковый легион».

Выкрикнув ругательство, Уинтергрин направил свой автомобиль прямо на мотоциклиста. Он знал теперь, что перед ним раковая опухоль, карцинома.

Бах! Тр-р-рах! В-ж-ж-жик! Авто Уинтергрин разнесло мотоциклиста вдребезги, а седок взорвался, оставив после себя лишь тучу черной пыли.

Теперь Уинтергрин носился вверх и вниз по дорогам кровеносной системы, он мчался по арте-

приял, колесил по венам, с трудом пробирався по капиллярам. Он искал одетых в черное мотоциклистов — членов ракового легиона — и беспощадно давил их колесами, обращая в прах.

Вот он оказался в темных, сырых зарослях своих легких, на белоснежном коне, с копьём-молнией в руке. Из-за сучковатых ветвей и растущих на них воздушных мешков выползали шипящие черные драконы, мелькали их красные языки, а глаза полыхали пламенем. Пришпорив коня, Уинтергрин пронзил копьём одного, потом другого, третьего монстра — и так до тех пор, пока не освободил лес от этих ползучих гадов.

А вот он облетает на самолете какую-то широкую, влажную пещеру, а над ним неясными громадами высятся внутренние органы. Под ними — бесконечная равнина блестящего, скользкого кишечника.

Внезапно из-за прикрытия огромного, пульсирующего сердца появляется звено черных истребителей с огромными кроваво-красными «Р» на крыльях и фюзеляжах. С воем они пикируют на Уинтергрин.

Мотор взревел, и Гарри рванул вверх, готовый к битве. Выписывая немислимые виражи, он поливал противников огнем, пока наконец они не начали, — по одному, потом пачками, — падать и взрываться внизу, в области кишечника.

Со всех сторон Уинтергрин атаковал самый разный неприятель, принявший тысячи обличий: здесь были драконы и мотоциклисты, самолеты и морские чудища, солдаты и змеи, тигры и ракеты. Но вся эта нечисть была либо черной, либо красной. Черный цвет намекал на полное забвение после смерти, красный был цветом крови. Этой пакостью — злокачественными опухолями в разных ролях — кишели кровеносные сосуды, легкие, селезенка, грудная клетка и мочевого пузыря. Они проникли всюду, воители ракового легиона.

Но и Уинтергрин не отставал в перевоплощениях: он был шофером, рыцарем, пилотом, водолазом,

солдатом и даже погонщиком слонов. С мрачным и диким злорадством он уничтожал своих врагов, покрывая поля сражения мертвыми, обращенными в прах карциномами.

Он дрался, боролся, воевал до тех пор, пока...

Пока наконец не увидел себя стоящим по колено в желудочном соке, который омывал стены сырой, вонючей пещеры, оказавшейся его собственным желудком. И тут на него двинулась, хрустя суставами, членистоногая тварь: это был чудовищный черный краб с кроваво-красными глазами, квадратный и приземистый. Щелкая своими сочленениями, краб двинулся прямо на него, пересекая желудок. Выждав момент, Уинтергрин хищно оскабился и, высоко подпрыгнув, оказался на спине краба. Черный панцирь затрещал.

Краб лопнул под его тяжестью, как огромная, сухая тыква, колючая снаружи и поляя внутри. Чудище рассыпалось на тысячи мелких осколков.

Уинтергрин остался один, наконец-то один. Он победил их всех, до самой последней гадости. Опухолей больше не существовало.

Затерянный в собственных внутренностях, стоял Уинтергрин-победитель, ищущий новых врагов, жаждущий лекарств, мечтающий о возвращении на волю.

Он ждет этого уже очень давно...

Если вы попадете в самый лучший в мире санаторий, вы услышите там о Гарри Уинтергрине, том самом Уинтергрине, который добился всего: он стал отвратительно богатым, он делал Добро, он оставил свои следы на Тропе Времени. Он же ухитрился проникнуть внутрь собственного организма, воевать там с раковыми опухолями и победить.

С тех пор он не может оттуда выбраться.

Перевела с английского
Элла БАШИЛОВА

Норман Спинрад. Схватка.

МОСКОВСКИЕ М НОВОСТИ

ПОДПИСКА НА "МОСКОВСКИЕ НОВОСТИ" !

В газете "Московские новости" вы сможете прочитать о политике и экономике, искусстве и истории, о сенсационных событиях и повседневных проблемах, о кино, музыке, театре и спорте.

В программе телевидения на неделю отмечены телепередачи, которые "МН" рекомендует вам посмотреть.

Подписчикам "Московских новостей" предоставляется (50% скидка платежа страховки) имущества и жизни в страховой компании «АСКО».

Стоимость подписки (без учета доставки) на полгода всего 12000 рублей !

ИНДЕКС 50080 по каталогу «АИР»

ВАШИХ ИНТЕРЕСОВ

Игорь
Кветной,
доктор медицинских наук

ДИСПЕТЧЕР ЖИЗНИ

ГИПОТЕЗА

В книге выдающегося французского онколога Жоржа Матэ «Досье рака» сказано: «Нам предстоит одолеть бадствие, которое ежегодно поражает свыше 160 000 несчастных в одной только Франции, одевает в траур 100 000 семей и которое нельзя победить без колоссальных усилий...» Статьи расходов на онкологические исследования занимают лидирующее место в бюджетах здравоохранения всех развитых стран. Специалистам кажется, что накоплены огромнейшие массивы сведений, но, увы, как заметил другой известный онколог Р.Зюсс (Германия): «Мы знаем почти все о раковой клетке и понимаем, что не знаем о ней ничего». За последние годы разработаны многие методы диагностики и лечения рака, одни из них более успешны, другие — менее, но природа опухолевого роста, механизмы возникновения и развития рака остаются во многом невыясненными. Сегодня мы попробуем рассказать читателям об одной из новых теорий механизма развития опухолей.

Знаете ли вы, что в человеческом организме в каждый момент времени при размножении множества клеток в различных органах существует примерно 10^7 раковых клеток, возникших в результате каких-либо нарушений в их делении. Но эти клетки не приводят к образованию раковой опухоли. Возникает вопрос: каковы внутренние механизмы? Возможно, загадочные природные «блокираторы»

уничтожают потенциальные источники раковых опухолей, и человек, ощущая себя абсолютно здоровым, даже не подозревает, что каждую секунду подвергается теоретической опасности заболеть фатальной болезнью.

Где же заложены эти волшебные механизмы, как их отыскать и научиться управлять ими?

ЗАГАДКИ ДРЕВНЕЙ ЖЕЛЕЗЫ

Если бы можно было заглянуть в головной мозг, то в центре его вы увидели бы... маленькую еловую шишку. Да, именно так выглядит эпифиз — особый эндокринный орган, весящий у человека всего 0,1 грамма. Четыре тысячи лет назад древние индийские йоги дали ему название «шишковидная железа», считая, что он предназначен для ясновидения и размышлений о прежних воплощениях. Французский философ Р.Декарт написал в XVII веке об эпифизе трактат, в котором объявил его «вместилищем души».

Размеры эпифиза у человека невелики, всего 3—4 миллиметра в диаметре. У животных и того меньше. У крыс и мышей при экспериментах его приходится извлекать (причем с большим трудом) только при помощи сильной лупы. Казалось бы, такой маленький орган не должен играть какой-либо значительной роли в организме, однако открытие в последние годы одной из сокровенных тайн этой железы свидетельствует как раз об обратном.

Функции эпифиза долгое время оставались неясными, пока в конце пятидесятых годов нашего столетия американский дерматолог А.Лернер, занимающийся поисками эффективных косметических осветляющих средств для лечения пигментных дерматозов, не обратил внимания на вышедшую еще в 1917 (!) году статью английских ученых К.Мак Корда и Ф.Аллена, в которой сообщалось о посветлении окраски тела голластиков при кормлении их экстрактами эпифиза.

Это сообщение очень заинтересовало Лернера. Он привлёк к работе в своей лаборатории известного американского биохимика Дж. Аксельрода, и совместными усилиями группа биохимиков, дерматологов и эндокринологов, собрав и переработав десятки тысяч шишковидных желез коров, получила несколько граммов любопытного вещества. Оно обладало способностью разрушать пигмент меланин у лягушек и других зем-

новодных, и кожа их становилась светлее.

Так был открыт новый гормон — мелатонин. Мистическая роль эпифиза была разгадана, а Дж. Аксельрод за установление путей биосинтеза и метаболизма мелатонина был в 1970 году удостоен Нобелевской премии.

НЕТ НИЧЕГО ЛУЧШЕ ПЛОХОЙ ПОГОДЫ

Казалось, все стало ясно. Однако нет. Решение одной загадки повлекло за собой появление новых. За изучение мелатонина взялись ученые различных специальностей. Установили, что его непосредственным предшественником является серотонин, обладающий широким спектром действия. Выяснилось, что и сам мелатонин также является гормоном с многообразной функцией: он контролирует пигментный обмен, половые функции, суточные и сезонные ритмы, процессы старения, участвует в формировании зрительного восприятия образов и цветоощущения, сна и бодрствования и т.п.

Но главное, что привлекло к мелатонину пристальное внимание онкологов — это его антиопухолевое действие. Эксперименты показали, что введение мелатонина на 75% снижает частоту возникновения злокачественных меланом и рака молочной железы у мышей.

При этом, естественно, возник вопрос: а достаточно ли то количество мелатонина, которое «поставляет» эпифиз, для нормальной жизнедеятельности организма? Посчитали: оказалось — недостаточно. В организме должны существовать еще источники мелатонина. Где их искать?

История поисков источников мелатонина, в которой автор и его учитель, видный онкоморфолог профессор Н.Райхлин из Московского онкологического центра, принимали непосредственное участие, может служить примером того, как выяснение частного факта стало началом новых широких исследований, результаты которых создали основу принципиально новых взглядов.

...Какая погода была в Нью-Йорке в тот день, когда А.Лернер читал статью К.Мак Корда и Ф.Аллена, послужившую отправной точкой первой разгадки эпифиза, мы не знаем. А вот летом 1973 года в Закарпатье, недалеко от Черновца, где отдыхал Н.Райхлин, шли проливные дожди. Профессор вынужден был вместо прогулок дышать воздухом на веранде и при этом читал все, что попадалось под руку. Господин случай в тот день не прошел мимо (как это бывает с научными открытиями: вспомним Ньютона с падающим яблоком, Ф.Крика и Дж. Уотсона с узорами на морозном окне их лаборатории) и вложил профессору в руки номер «Известий», в котором было напечатано интервью с академиком Е.Чазовым. В нем рассказывалось о том, что в последнее время известного кардиолога волнует роль мелатонина как физиологически очень активного гормона.

Волнение — вещь заразная. В 1973 году минуло 15 лет после открытия мелатонина, и у Н.Райхлина возникло предположение: не поискать ли возможность синтеза мелатонина в тех клетках, которые ответственны в организ-

ме за выработку его предшественника — серотонина. Основным продуцентом серотонина в организме человека являются так называемые энтерохромаффинные клетки желудочно-кишечного тракта, большинство из которых расположено в червеобразном отростке.

Предположение было проверено — и уже через 2 года, в 1975 году в английском журнале «Nature» (в котором по традиции публикуются сведения о новых научных открытиях) была опубликована наша статья об открытии нового источника синтеза мелатонина.

ГДЕ ЕЩЕ ЕСТЬ МЕЛАТОНИН?

Последующие исследования, проведенные в нашей лаборатории в Медицинском радиологическом научном центре РАМН, показали, что мелатонин — продуцирующие клетки есть и в других органах: печени, почках, поджелудочной железе, надпочечниках, вилочковой железе, симпатических ганглиях, гортани, легких, пищеводе, некоторых отделах головного мозга. Так впервые была составлена своеобразная карта присутствия мелатонина, которая демонстрирует его широкое распространение в организме. Обнаруживая все новые источники его синтеза и учитывая присущие ему антиканцерогенные свойства, ученые решили детально изучить участие мелатонина в механизмах возникновения рака и формирования условий, препятствующих росту опухолей.

Оказалось, что на ранних стадиях развития опухолей в организме происходит резкое увеличение количества мелатонин-продуцирующих клеток, сопровождающееся повышением содержания мелатонина в сыворотке крови, в то время как поздние стадии, особенно при распространенных метастазах, характеризуются почти полной потерей этих клеток и падением содержания гормона у больных с запущенными формами рака. Все это прямо свидетельствовало об активном участии мелатонина и синтезирующих его клеток в патогенезе опухолевого роста и о попытках организма воспрепятствовать развитию опухоли, увеличивая продукцию этого гормона.

При продолжении исследований интересные данные были получены в нашей лаборатории В. Гуляевым и Р. Манохиной. Они установили присутствие мелатонина и некоторых других гормонов (серотонина, гистамина, инсулина, катехоламинов) в эндотелиальных клетках сосудов.

Это означало: местный механизм непосредственного изменения концентрации гормонов в кровяном русле конкретного органа существует. Такой механизм физиологически оправдан, поскольку обеспечивает необходимое биологическое действие гормона в кратчайшие сроки непосредственно на те функциональные звенья, включение которых необходимо в определенной сложившейся ситуации.

Особое значение имеет исследование физиологической роли гормонов, синтезирующихся в клетках сосудов в условиях воздействия ионизирующей радиации и развития в организме опухолей. И в том, и в другом случае сосуды играют далеко не последнюю роль и

в реализации лучевого воздействия, и в развитии опухолевого процесса. Радиобиологам и онкологам хорошо известно, что именно нарушение сосудистой проницаемости значительно отягощает течение лучевой болезни, а распространение клеток первичной опухоли по сосудам вместе с током крови (метастазирование) приводит к смертельному исходу у значительной части онкологических больных. Проведенная нашими сотрудниками оценка «поведения» эндотелиальных клеток, вырабатывающих мелатонин и другие гормоны при лучевом поражении и опухолевом росте, дает основы для разработки возможных способов повышения эффективности лучевой и химиотерапии злокачественных новообразований.

Есть еще ряд положений, интересных с позиций дальнейшего изучения их в онкологии и радиологии.

В. Южаков обнаружил мелатонин в тучных клетках. Эти клетки известны давно. Они были названы так Паулем Эрлихом по их внешнему виду, поскольку очень похожи на набухшие шары. Электронная микроскопия показала, что их форма обусловлена большим количеством секреторных гранул, изнутри распирающих клетку. Тучные клетки определяют практически в каждом органе. В содержащихся в них гранулах находят разнообразные химические вещества. Теперь известно, что в них синтезируется и мелатонин. Дальнейшие эксперименты показали: введенные извне радиоактивно меченные серотонин и мелатонин очень быстро накапливаются именно в тучных клетках, которые в дальнейшем разносят их по организму. Таким образом, роль тучных клеток заключается в захвате гормонов и других биологически активных веществ из окружающей ткани для последующей «транспортировки» к месту назначения в зависимости от сложившейся конкретной ситуации.

Параллельно с этими исследованиями Т. Кветная впервые обнаружила мелатонин в эозинофильных лейкоцитах — клетках крови, которые были известны давно как переносчики биологически активных веществ (гистамина и др.), принимающих активное участие в развитии бронхиальной астмы, различных аллергических реакций. Ранее было отмечено, что при инфильтрации ткани злокачественной опухоли эозинофильными лейкоцитами наблюдается более замедленное развитие рака и в этих случаях прогноз продления жизни у таких больных более благоприятен. Теперь это оказалось возможным связать с антиопухолевыми свойствами мелатонина.

ГЛАВНОЕ — ПОПАСТЬ В ЦЕЛЬ

Являясь универсальным регулятором биологических ритмов, мелатонин и сам синтезируется неравномерно. Активнее всего синтез идет ночью. Клинические исследования Г. Свет-Молдавского показали снижение темпа роста злокачественной меланомы у больных, содержащихся длительное время без света, которое, по-видимому, и было обусловлено повышением продукции мелатонина в организме в условиях искусственной темноты.

Мы провели специальные исследования и доказали, что на ранних стади-

ях развития опухолей концентрация мелатонина в сыворотке крови онкологических больных возрастает в 1,5 — 2 раза по сравнению с нормой, резко снижаясь при метастазировании опухолей. И. Левин установил также, что при раковых опухолях у больных изменяется уровень суточного выделения мелатонина. При изучении иной патологии подобных изменений обнаружено не было. Наряду с другими клиническими и лабораторными данными эти тесты могут служить важным дополнительным информативным признаком для своевременной диагностики опухолей.

Недавно были обнаружены еще одна неожиданная особенность злокачественных опухолей. Сотрудница Самарского медицинского университета Г. Дейнеко показала, что примерно одна треть раковых опухолей содержит клетки, синтезирующие различные биогенные амины и пептидные гормоны (в том числе и мелатонин) внутри новообразований.

Как правило, опухоли, содержащие мелатонин, растут медленнее и клинически протекают более доброкачественно. Возможно, это самозащита организма от дальнейшего прогрессирования опухолевого процесса. Появились идеи «прицепить» к антителам против мелатонина цитостатические антиопухолевые препараты с тем, чтобы при введении в организм они накапливались именно в опухолевых клетках и уничтожали их. Теоретически такие перспективы очень заманчивы. Будущее покажет, возможно ли этого добиться.

Но уже сейчас на основе изучения возможностей мелатонина ученые из Санкт-Петербурга В. Анисимов, В. Морозов и В. Хавинсон создали препарат из ткани эпифизов крупного рогатого скота — «эпифизан», который при испытании замедлял рост экспериментальных опухолей. Эти данные вызывают большой интерес у онкологов, так как благодаря им появляется возможность целенаправленной регуляции процессов клеточного деления и дифференцировки, нарушение которых лежит в основе опухолевого роста. Онкологические аспекты изучения физиологической роли мелатонина — увлекательная и многообещающая область современных исследований. Мы же, завершая наш рассказ, расскажем пока только об одном открытии, на наш взгляд, самом интересном...

КТО ПОД МАСКОЙ?

Органы кроветворения (селезенка, костный мозг) и сама кровь очень богаты различными клеточными элементами. Это и эритроциты — красные кровяные тельца, переносящие кислород, и лейкоциты, с которыми связана антимикробная функция крови, и лимфоциты — особые клетки, защищающие организм от любого чужеродного влияния.

Среди лимфоцитов в середине семидесятых годов нашего столетия были обнаружены клетки, в цитоплазме которых содержалось большое количество секреторных гранул (их так и называли — большие гранулярные лимфоциты — БГЛ).

БГЛ обладали удивительной, только им присущей функцией — они убивали опухолевые клетки. Достаточно было к культуре опухолевых клеток добавить

взвесь БГЛ, как опухолевые клетки погибали. Причем, что интересно, БГЛ не обладали видовой специфичностью и действовали на клетки любых опухолей. Например, мышины БГЛ убивали опухолевые клетки и у крыс, кроликов, собак. Ученые были буквально ошеломлены и назвали эти клетки «естественными киллерами» (от английского слова *killer* — убийца).

С тех пор интерес к киллерам растет день ото дня, количество опытов по изучению их противоопухолевых свойств, проведенных в различных вариантах, не поддается подсчету, и какие бы модификации экспериментов ни придумывали ученые, киллеры всегда убивают опухолевые клетки. Казалось бы, все — наконец-то найден путь к успешному лечению рака — вводи взвесь киллеров в опухоль, и она рассосется! Увы, нет. В жизни все посложнее, чем в сказке, и те же могучие киллеры успешно сражались с раковыми клетками только в культуре тканей, а в живом организме работали гораздо хуже.

Что же мешает им? Какие механизмы надо выключить (или включить), чтобы сделать их такими же активными, как и в условиях лабораторного эксперимента?

Для ответа на этот вопрос нужно найти разгадку другого: за счет чего киллеры поражают опухоль? В этих двух направлениях ученые и устремили свои поиски. За короткий срок уже расшифровано строение, описаны различные типы, изучены биохимические свойства киллеров. Но свою главную загадку киллеры хранят строго.

Мы уже писали, что в них есть секреторные гранулы. Если есть гранулы, значит, в них что-то хранится? А если в гранулах содержится какое-то вещество, следовательно, оно необходимо для выполнения какой-то функции? Например, чтобы действовать на опухоль разрушающе?

И группа сотрудников Медицинского радиологического научного центра РАМН решила попробовать приоткрыть лицо киллеров, спрятанное под таинственной маской. Хотя маска тщательно скрывала его, что-то неувольно знакомо угадывалось в общих очертаниях скрытого лица. Что же? Чем дольше и внимательнее смотрели мы на фотографии «убийц», тем меньше и меньше оставалось сомнений в том, что «родимые пятна» киллеров — гранулы — очень похожи на гранулы эндокринных клеток.

Вскоре впервые был установлен принципиально новый научный факт — естественные киллеры способны синтезировать гормоны.

Электронно-микроскопические исследования показали, что эти гормоны содержатся именно в секреторных гранулах. В последующих экспериментах была найдена прямая связь между действием киллеров на опухолевые клетки и синтезом гормонов в их гранулах. При слиянии клеток-киллеров с опухолевыми клетками на электронно-микроскопическом уровне было видно, как гранулы проходили через мембрану киллеров и внедрялись в опухолевые клетки и разрушали их.

Исследования продолжаются. Мы полагаем, что серотонин и мелатонин уча-

ствуют в подавлении клеток, возможно, модулируя (то есть создавая условия) осуществление киллерного действия. Но в киллерах скорее всего «прячется» еще какой-то волшебник пептидной природы. Может быть (и вполне вероятно, что это так), он нам вообще еще неизвестен. Но его обязательно надо найти. Здесь нужна кооперация квалифицированных специалистов различного профиля: патологов, онкологов, биохимиков, морфологов и т.п.

Если этот волшебник действительно существует и при проверке покажет свои уникальные способности без промаха убивать опухолевые клетки, тогда появятся все предпосылки, чтобы «приручить» его и привлечь к борьбе против рака.

В ПРИРОДЕ НЕТ НИЧЕГО ЛИШНЕГО

Итак, основной герой нашего рассказа — мелатонин, возможно, окажется ключевым фактором противоопухолевой защиты.

Недавно в швейцарском курортном городке Локарно состоялся международный симпозиум «Эпифиз, мелатонин и рак». В течение 4 дней ученые из разных стран мира обменивались своими мнениями о роли мелатонина в механизмах возникновения и развития рака. С блестящим докладом выступил доктор Дэвид Блэск из Нью-Йоркского исследовательского университетского центра, многолетние исследования которого позволили ему пару лет назад опубликовать статью под интригующим названием «Эпифиз — противораковая железа».

Проголываясь вечером после очередного заседания по набережной прекрасного озера Лаго Маджори, мы с доктором Блэском оживленно обсуждали эту проблему. В процессе беседы почти одновременно у нас обоих возникла еще одна ассоциация, косвенно свидетельствующая об антиопухолевых свойствах мелатонина.

Мы подумали, а не связана ли известная высокая смертность от онкологических заболеваний у людей, которым в детстве удалили аппендикс, с исчезновением большого «депо» мелатонина (помните, мы упоминали, что наибольшее число мелатонин-содержащих энтерохромаффинных клеток содержится именно в червеобразном отростке)?

Недаром «*appendix*» переводится с английского как «приложение, дополнение». Оказывается, это не лишний, не-

нужный орган, а очень существенное, нужное приложение, осуществляющее жизненно важные функции. Так что отношение к нему стоит пересмотреть: всегда ли необходимо решительно удалять его из организма?

И еще об одной общебиологической загадке. Связана она с гипоталамусом — центральным органом управления эндокринной системой.

Ученые установили, что на протяжении жизни активность гипоталамуса нарастает (это запрограммировано генетически). По современным представлениям, процессы старения, возрастные серьезные сердечно-сосудистые расстройства, опухолевый рост (!) и даже сама биологическая смерть — результат достижения гипоталамусом определенного порога своей активности.

В этой связи известный патолог академик И.Давыдовский в одной из своих работ даже писал: «...в принципе каждый человек когда-либо должен был бы умереть от рака, однако просто не все доживают до своего рака».

Математический анализ показал, что активность гипоталамуса могла бы достичь своих критических (губительных для организма) величин не к 70 и более годам, а гораздо раньше. Что же противодействует этому в организме? Где расположены часы, отсчитывающие, образно говоря, продолжительность человеческой жизни? Высказываются небезосновательные предположения, что... в эпифизе.

Биохимики показали, что, наряду с мелатонином, в нем синтезируется новый гормон, названный антигипоталамическим фактором. Существование этого вещества подтверждают и косвенные данные: у детей, в эпифизах которых есть опухоли, разрушающие истинные клетки этой железы, происходит преждевременное старение организма.

Так давайте же помечтаем о том, чтобы ученые смогли выделить антигипоталамический фактор в чистом виде и синтезировать его.

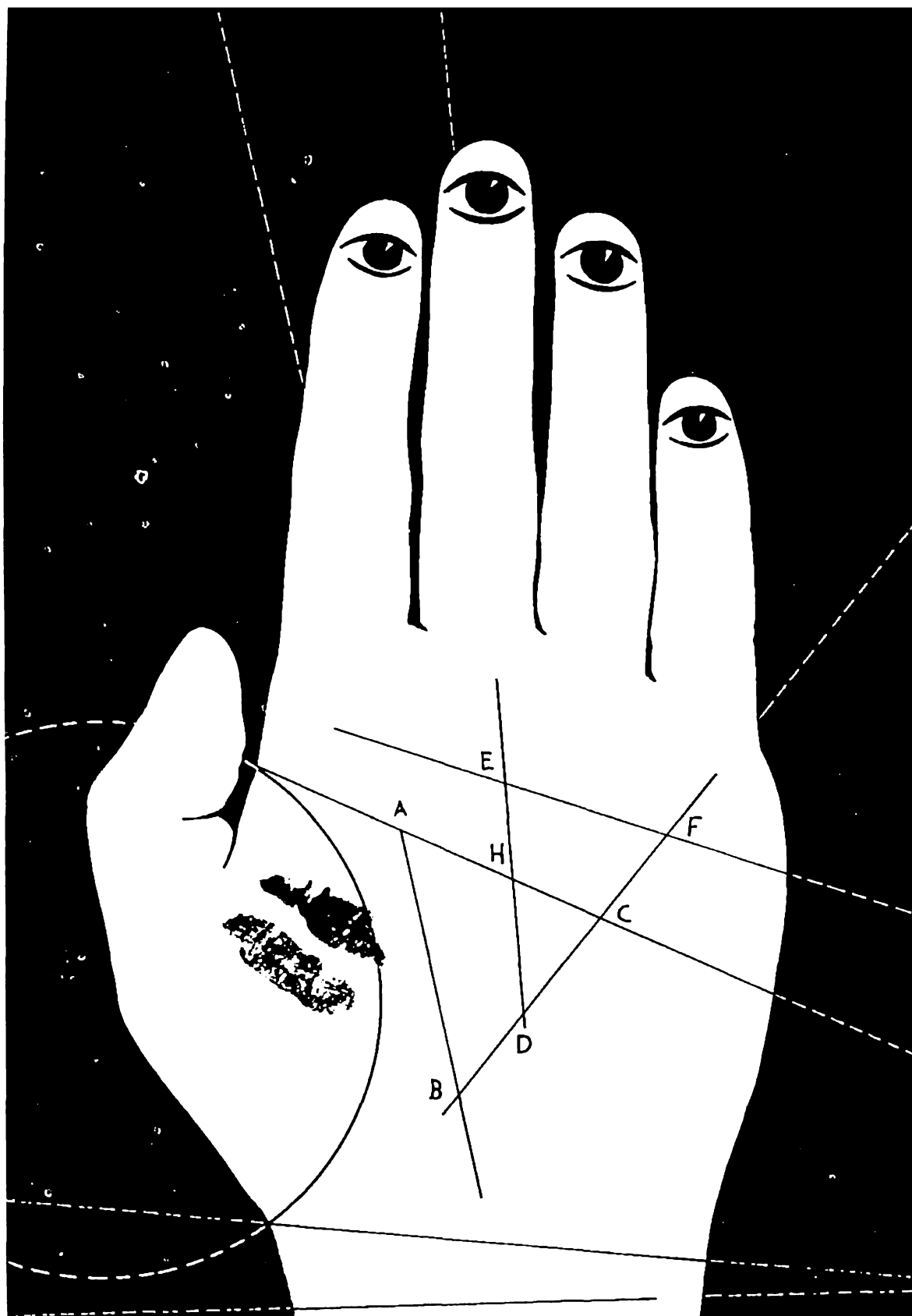
Профессор А.Халимский в связи с этим справедливо пишет, что «в умелых руках эндокринолога он может оказаться одним из самых мощных средств воздействия на грозных врагов человечества: гипертонию, старость, рак, смерть».

Будут ли разгаданы тайны? И сколько их вообще? Будем надеяться, что маленький «диспетчер жизни» с помощью познавших его людей навсегда преградит раку путь.

*& Часы, шипя, двенадцать раз пробили
В соседней зале, темной и пустой,
Мгновения, бегущие чредой
К безвестности, к забвению, к могиле.
Мир — бездна бездн. И каждый атом в нем
Проникнут богом — жизнью, красотой.
Живя и умирая, мы живем
Единою, всемирною Душою.*

Иван Бунин

Ким Стэнли Робинсон
Слепой геометр

А

Развитие того, кто рождается слепым — а я таким и родился, — отличается от развития зрячих. Причины этого понятны. Развитие ребенка, физическое и духовное, в значительной мере связано со зрением, которое координирует чувства и действия. Когда зрение отсутствует, реальность — трудно ее описывать — представляется чем-то вроде пустоты, в которой обретают существование переходящие вещи: ты слышишь, хватаешь предметы, суешь в рот, а если роняешь или если наступает тишина, вещи уходят в небытие, перестают существовать. Откровенно говоря, подобное ощущение возникает у меня едва ли не каждую секунду. Разумеется, зрячих детей тоже необходимо приучать к «постоянству» предметов: ведь стоит спрятать игрушку за ширму, как младенец вообразит, что та перестала существовать; однако зрение (скажем, он замечает, что игрушка или человек чуть-чуть выступает из-за ширмы) намного облегчает восприятие предмета как сущего. Со слепыми же детьми все гораздо сложнее, на обучение уходят месяцы, а то и годы. А при отсутствии понятия об объективной реальности невозможно приобрести представление о самом себе, без которого все явления и события словно являются «продолжениями» тела. Осязательное пространство — тактильное, пространство тела, — расширяется и заполняет пространство визуальное. Всякий слепорожденный рискует увязнуть в самом себе.

«Но мы также обладаем — и знаем, что обладаем, — полной свободой преобразовывать в мыслях и фантазиях наше человеческое, историческое существование».

Эдмунд Гуссерль. *«Происхождение геометрии»*.

С. Отметим точку А, затем точку В. Через них можно провести одну-единственную линию — АВ. Допустим, что события, происходящие адрон за адроном в невообразимо краткий миг действительности, который называется настоящим, это точки. Если соединить их между собой, появятся линии и фигуры — фигуры, которые придадут форму нашим жизням, нашему миру. Если бы мир являлся евклидовым пространством, тогда мы смогли бы постигнуть формы своих жизней. Однако он вовсе не евклидово

пространство, а потому наше понимание — не более, чем математическая редуктивная система. Иными словами, язык как разновидность геометрии.

АВ. Мои первые воспоминания — о рождественском утреннике, когда мне было около трех с половиной лет. Среди прочего я получил в подарок мешочек со стеклянными шариками и был зачарован тем ощущением, какое испытал, ощупывая тяжелые стеклянные сферы, такие гладкие, звонко постукивающие друг о друга, столь схожие между собой. Не меньшее впечатление произвел на меня кожаный мешочек — необычайно податливый, весь какой-то услужливый; вдобавок, он затягивался кожаным же шнурком. Должен заметить, что с точки зрения «тактильной эстетики» нет ничего более прекрасного, чем хорошо смазанная кожа. Моей любимой игрушкой был отцовский ботинок. Так вот, я катался на шариках по полу, улегшись на них животом (непосредственный контакт), и вдруг очутился рядом с елкой, очень и очень колючей. Я поднял руку, чтобы сорвать несколько иголок и растереть их пальцами, и неожиданно прикоснулся к чему-то такому, что принял в возбуждении от игры за еще один шарик. Я дернул — и елка рухнула на пол.

Поднялась суматоха, которую я помню не слишком отчетливо: звуки будто записаны на магнитофон, причем ленту постоянно перематывают, и слышны только невразумительные вопли. Моя память — моя жизнь — неудачная запись на магнитной ленте.

ВА. Как часто я копался в воспоминаниях, разыскивая что-либо ценное, наподобие вот этого, прошедшего из той поры, когда происходило обретение сознания? Когда впервые обнаружил мир за пределами собственного тела, вне досягаемости рук? То было одним из самых больших достижений — возможно, величайшим; однако я забыл, что к нему привело.

Я читал, узнавая заодно, как ведут себя другие слепорожденные. Осознал, сколь многое зависело тут от моей матери, начал понимать, почему относился к ней именно так, почему столь сильно скучаю.

Моя жизнь известна мне благодаря словам: мир превратился в текст — это происходило беспрерывно. Т.Д. Катсфорт определил подобное состояние как вхождение в мир «вербальной нереальности», и такова, отчасти, доля любопытного слепца.

О. Я никогда не стремился подражать Джереми Блессингейму, с которым работал на протяжении нескольких лет: его кабинет находился через шесть дверей от моего. Мне казалось, он один из тех, кому в присутствии слепого становится чрезвычайно неудобно; обычно такие люди чувствуют облегчение, только когда слепец помогает им, что, поверьте, достаточно сложно. (Впрочем, я, как правило, не предпринимал ни малейших попыток). Джереми пристально наблюдал за мной, это чувствовалось по голосу, и было ясно: он с трудом верит в то, что перед ним член редколлегии журнала «Топологическая геометрия», в который время от времени он присылал свои работы. Он был хорошим математиком, замечательным топологом, опубликовал у нас ряд статей, и между нами установились вполне дружеские отношения.

Тем не менее, он постоянно что-то вынюхивал, вечно пытался узнать у меня что-нибудь новое.

В то время я напряженно разрабатывал геометрию п-мерных систем; последние результаты, полученные на различных установках, в том числе на большом ускорителе частиц в Оаху, придали работе довольно неожиданное направление: судя по всему, отдельные субатомные частицы как будто перемещались в многомерном пространстве. Салливан, Ву и другие физики забрасывали меня письмами со множеством вопросов. Им я с удовольствием отвечал и объяснял, но вот с Джереми никак не мог догадаться, что тому нужно. В одном разговоре с ним я обронил пару-тройку фраз, которые затем появились в какой-то его статье; в общем, складывалось впечатление, что ему требуется помощь, хотя просить он о ней не желает.

Что касается облика Джереми... На солнце он представлялся мне неким зыбким, мерцающим световым пятном. Удивительно, что я таким образом способен видеть людей; в чем тут причина, сказать не могу — кто знает, зрение это или что другое? — а потому нередко ощущаю себя не в своей тарелке.

Теперь, годы спустя, я сознаю, что слегка преувеличивал свое беспокойство.

АС. Первое событие, связанное с эмоциональным переживанием (предыдущие были всего лишь невразумительными проблесками памяти, которые, учитывая, какие чувства они вызывали, могли относиться к кому угодно), произошло на восьмом году моей жизни и, что в какой-то мере символично, касалось математики. Пользуясь шрифтом Брайля, я складывал в столбик, а потом, восхищенный своими способностями, пошел похвастаться отцу. Тот немного помогал, а затем сказал: «Гмм... Старайся, чтобы цифры выстраивались строго по вертикали». Он взял меня за руку и провел моими пальцами по выпуклым значкам. «Заметил? Двадцать два оказалось левее, чем нужно. Ряды должны быть прямыми».

Я нетерпеливо отдернул руку. В груди приливной волной поднималось раздражение (наиболее знакомое ощущение, испытываемое по десять раз на дню). «Почему? — мой голос подскочил до визга. — Какая разница?...»

«Весьма существенная, — ответил отец, человек, в общем-то, не слишком аккуратный, что я усвоил на собственном опыте, раз за разом спотыкаясь о разбросанные где попало вещи: кейс, коньки, ботинки... — Смотри, — он снова завладел моей рукой, — тебе ведь известно, что означают цифры. Вот двадцать два. Иными словами, двойка в разряде единиц и двойка в разряде десятков. Первая значит «два», вторая — «двадцать», хотя мы имеем здесь всего-навсего две цифры, верно? Что ж, когда складывают в столбик, в крайний правый ряд записывают единицы. Следующий — десятки, а дальше идут сотни. У тебя тут три сотни, правильно? Значит, если ты отодвинешь двадцать два левее, чем следует, «двадцать» окажется в сотнях и вместо двадцати двух ты получишь двести двадцать. То есть ошибешься в подсчетах. Поэтому следи за тем, чтобы ряды были прямыми».

Я словно превратился в громадный церковный колокол, языком которого было понимание, впервые в жизни я ощутил радость, какую впоследствии стал считать одним из величайших наслаждений: радость понимания.

Осознание же принципов математики позволило мне обрести силу, которой раньше так не хватало, силу, действительную не только в мире абстракций, но и в реальности. Помню, я запрыгал от восторга, а потом, под веселый смех отца, кинулся к себе в

комнату и принялся составлять колонки, прямые, как грань линейки, и складывал, складывал...

А. Ах да, позвольте представиться. Карлос Олег Невский. Мать мексиканка, отец русский, военный советник. Родился в Мехико в 2018 году, на три месяца раньше срока — мать во время беременности заболела коревой краснухой. Результат: почти полная слепота (почти — потому что я отличаю темноту от очень яркого света). До пяти лет жил в Мехико, затем отца перевели в российское посольство в Вашингтоне. С тех пор лишь изредка покидал округ Колумбия. Родители развелись, когда мне было десять, а через три года мать уехала обратно в Мехико. До сего дня не могу догадаться, что их оттолкнуло друг от друга: они выясняли отношения вне пределов слышимости. Однако этот случай приучил меня к осторожности.

С 2043 года — профессор математики в университете Джорджа Вашингтона.

ОА. Холодным весенним днем, отправившись за второй чашечкой кофе, я столкнулся в факультетской столовой, где обычно никто не задерживается, с Джереми Блесингеймом.

— Привет, Карлос. Как дела?

— Замечательно, — отозвался я, шаря рукой по столу в поисках сахарницы. — А у вас?

— Тоже неплохо. Правда, мне тут задали одну задачку... Крепкий оказался орешек.

Джереми работал на Пентагон (что-то, связанное с военной разведкой), однако предпочитал не распространяться о своей деятельности, а я, разумеется, никогда не спрашивал.

— Да? — проговорил я, зачерпнув ложкой сахарного песка.

— Понимаете, речь идет о коде. Думаю, это вас заинтересует.

— Я не силен в криптографии.

В шпионских головоломках математики, как правило, раз-два и обчелся. Я принялся и уловил аромат сахара, растворяющегося в дрянном кофе.

— Знаю, но... — в голосе Джереми послышался намек на раздражение. Естественно, как определить, слушаю я или нет? (Безразличие — разновидность самоконтроля). — Возможно, что это геометрический код. Дело в том, что одна подследственная рисует чертежи.

Подследственная? Ну и ну! Несчастный шпион, который что-то там царапает в своей камере...

— Я принес один из чертежей. Знаете, я сразу вспомнил о теореме, которую вы обсуждали в своей последней статье. Может, это проекция?

— Да?

— Да. Вдобавок, чертежи, как нам кажется, имеют какое-то отношение к ее речи. Она путает порядок слов, употребляет их как попало...

— Что с ней случилось?

— Ну... Пожалуйста, вот чертеж.

— Хорошо, посмотрю, — сказал я, протягивая руку.

— В следующий раз, когда вам захочется кофе, попросите меня. В моем кабинете стоит кофеварка.

— Договорились.

АВ. Полагаю, всю свою жизнь я задумывался над тем, что такое «видеть». Моя работа, несомненно, представляла собой попытку рассмотреть вещи внутренним зрением. Я видел «через чувства». Через язык, через музыку и, прежде всего, через геометрические правила. Со временем определились наилучшие способы «видения»: по аналогии с прикоснове-

нием, со звуком, с абстракциями. Понимать — познать геометрию во всех ее подробностях, чтобы надлежащим образом воспринимать физический мир, доступ в который открывает свет; в итоге обнаруживаешь нечто вроде платоновских идеальных форм, что скрываются за видимыми явлениями. Порой звон понимания заполнял все мое естество, и мне казалось, что я должен видеть, именно должен. Я верю, что вижу.

Но когда приходится переходить улицу или искать ключи, которые лежат не на месте, от геометрии толку мало, и ты вновь вынужден пользоваться вместо глаз ушами и руками, после чего в очередной раз осознаешь, что видеть, увы, не видишь.

ВС. Попробую объяснить иначе. Проективная геометрия появилась в эпоху Ренессанса, к ней прибегали художники, заново заинтересовавшиеся перспективой, чтобы справиться с трудностями изображения на холсте трехмерного пространства. Так геометрия быстро стала изящной и могучей математической дисциплиной. Выразить ее суть не составит труда.

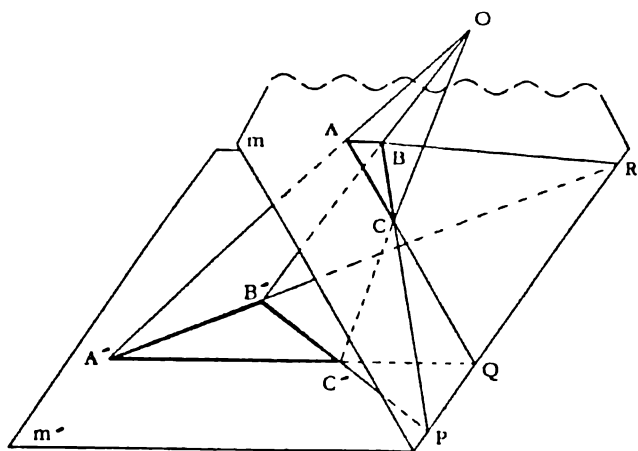

Рис. 1

Геометрическая фигура на рисунке проецируется из одной плоскости в другую (мне говорили, что свет точно так же проецирует на стену картинку слайда). Заметьте, что, хотя некоторые параметры треугольника ABC — длина сторон, величина углов — в треугольнике A'B'C' меняются, прочие остаются неизменными: точки по-прежнему точки, линии — линии; кроме того, сохраняются и отдельные пропорции.

Теперь вообразите, что видимый мир — треугольник ABC (метод редукции). Представьте, что он проецируется внутрь себя, на что-то иное, не на плоскость, а, скажем, на лист Мебиуса или на бутылку Клейна, или же, как в действительности, на более сложное пространство с весьма любопытными, уверяю вас, свойствами. Треугольник утратит ряд характеристик — к примеру, цвет, — но кое-что и сохранит. Так вот, проективная геометрия — искусство определения: какие характеристики, какие качества «пережгли» трансформацию...

Понимаете?

Способ познания мира, образ мышления, философия, выражение своей сущности. Видение. Геометрия для одного человека. Разумеется, неевклидова; точнее — чисто неевклидова, предназначенная

помогать мне проецировать зрительное пространство в слуховое, в осязательное, в мир внутри.

ОА. Когда мы снова встретились с Блесингеймом, он тут же спросил, что я думаю насчет чертежа. (Возможна как акустика, так и математика эмоций: уши слепых выполняют подобные вычисления каждый день; я сразу почувствовал, что Джереми волнуется.)

— Одного чертежа недостаточно. Вы правы, он смахивает на простую проекцию, однако там присутствуют странные поперечные линии. Кто знает, что они означают? Вообще же впечатление такое, что рисовал ребенок.

— Она не так уж молода. Принести еще?

— Что ж... — признаться, я был заинтригован. Новоявленная Мата Хари в пентагоновской темнице рисует геометрические фигуры и отказывается говорить иначе как загадками...

— Держите. Я на всякий случай захватил с собой. По-моему, тут можно проследить некую последовательность.

— Было бы куда проще, если бы я мог поговорить с этой вашей чертежницей.

— Не думаю. Хотя, — прибавил он, заметив мое раздражение, — если хотите, я, наверное, смогу ее привести.

— Чертежи можете оставить.

— Отлично, — в голосе Джереми слышалось не только облегчение: напряжение, торжество, страх и предвкушение... чего-то. Нахмурившись, я забрал у него чертежи.

Позднее я пропустил листы через специальный ксерокс, который выдавал копии с выпуклым текстом, и медленно провел пальцами по линиям и буквам.

Должен признаться: большинство геометрических чертежей не имеет для меня ни малейшей ценности. Если вдуматься, легко понять почему: это двумерные представления о том, на что похожи трехмерные конструкции. То есть такие чертежи для слепого бесполезны, только запутывают. Скажем, я чувствую трапециод; что он означает — именно трапециод или какой-то прямоугольник, не совпадающий с листом, на котором изображен?

Или общепринятое представление плоскости? Ответ содержится лишь в описании чертежа. Без описания я могу всего-навсего предполагать, что такое одна или другая фигура. Куда проще с трехмерными моделями, которые можно и ощупать руками.

Но сейчас приходилось действовать по-иному. Я провел ладонями по запутанному узору линий, несколько раз прочертил его специальной ручкой, определил наличие двух треугольников, углы которых соединялись прямыми, и линий, что продолжали в одном направлении стороны фигур. После чего попытался установить, какая из набора трехмерных моделей подходит к чертежу. Попробуйте как-нибудь сами и наверняка поймете, сколь велико бывает порой умственное напряжение. Проективное воображение...

Ну и ну! Чертеж походил на весьма приблизительное геометрическое представление теоремы Дезарга.

С. Теорема Дезарга — одна из первых, выведенных непосредственно для проективной геометрии. Ее доказал в середине семнадцатого века Жерар Дезарг, отвлекшись на время от архитектуры, механики, музыки и многого другого. Она сравнительно проста, а применительно к трехмерной геометрии даже банальна. Суть теоремы показана на рисунке 1;

если хотите, можете вернуться к нему. Она гласит, что при том положении, какое изображено на чертеже, точки Р, Q и R лежат на одной прямой. Доказательство на деле весьма простое. По определению, точки Р, Q и R находятся на той же плоскости m , что и треугольник ABC, и одновременно на плоскости m' , как и треугольник A'B'C'. Две плоскости могут пересекаться в одной-единственной линии, а поскольку Р, Q и R находятся в обеих плоскостях, они должны лежать на этой линии пересечения. То есть на одной прямой, что и требовалось доказать.

Скажите, очевидно? Совершенно верно. Однако вас наверняка удивит, сколько в геометрии очевидных доказательств (если рассматривать те шаг за шагом и сводить к отдельным элементам). Когда язык настолько недвусмыслен, все становится ясно само собой. Вот если бы и сердца людей говорили на таком языке!

Кстати, верно еще и то, что теорема Дезарга обратима. Если принять, что даны два треугольника, продолжения сторон которых сходятся в трех коллинеарных точках, можно доказать, что прямые AA', BB' и CC' встречаются в одной точке. Как пишут в учебниках, оставляю доказательство этого в качестве домашнего задания читателям.

АС. Ну и что? Теорема прекрасна, в ней присутствуют чистота и изящество математики Ренессанса, но почему именно ее изобразила на своем чертеже узица Пентагона?

Я размышлял над этим по дороге в клуб здоровья под названием «Курорт Уоррена» — так сказать, попутно, в подсознании, ибо основное внимание сосредоточил на дороге. Вашингтонские улицы слегка смахивают на те запутанные чертежи, о которых я упоминал выше: широкие проспекты рассекают решетку улиц по диагонали, образуя множество перекрестков. По счастью, весь город знает не обязательно, однако заблудиться в нем проще простого. Поэтому я мысленно отсчитывал шаги, прислушивался к звукам, которые оставались приблизительно теми же самыми, принохивался — запах грязи из парка на пересечении улицы М и Нью-Гемпширского шоссе, аромат горячих сосисок на углу Двадцать первой улицы, — познавал с помощью трости мир у себя под ногами, а очки с микролокатором свистом предупреждали о приближении или удалении человека либо предмета. Проложить путь из точки А в точку В и не потерять ориентировки довольно трудно — если заплутал, приходится, скрежеща зубами, спрашивать дорогу, — но все же можно; это задача или достижение — как когда, — которой слепому не избежать. Так вот, шагая по улицам, я продолжал размышлять.

На пересечении Двадцать первой авеню с улицей Н меня поджидала радость: я уловил запах крендельков, которые продавал с тележки мой друг и товарищ по несчастью Рамон. Он единственный умеет печь крендельки таким образом, что от них ни капелки не пахнет горячим металлом; Рамон предпочитает аромат свежеспеченных пончиков и клянется, что тот привлекает покупателей, чему я охотно верю.

— Разменяйте, пожалуйста, — сказал он кому-то. — Разменный автомат на том торце тележки. Все для удобства покупателей. Горячие крендельки! Горячие крендельки! Всего за доллар!

— Эй, удалец! — окликнул я Рамона.

— От удалца слышу, профессор, — отозвался он. (Удалцами зрячие, занятые в этой сфере, слегка презрительно именовали своих слепых коллег, раз-

драженные тем, что слепцы замечательно справляются с порученной работой, так сказать, агрессивно выпячивают собственное умение, чуть ли не шеголяют возможностями. Естественно, мы ввели это словечко в наш обиход: в обращении к третьему лицу оно означало приблизительно то же самое, но в разговоре двоих служило выражением симпатии.) — Хотите кренделек?

— Хочу.

— На тренировку?

— Да, пойду покидаю. В следующей игре тебе придется туго.

— Не говорите «гоп», профессор, пока не перепрыгнули.

— Отгадай загадку, — сказал я, положив в мозолистую ладонь Рамона четыре монетки по двадцать пять центов и получив взамен кренделек. — С какой стати человек пытается изъясняться при помощи геометрических чертежей?

— Вы спрашиваете меня? — Рамон расхохотался.

— Это же по вашей части!

— Сообщение предназначалось не мне.

— Вы уверены?

Я нахмурился.

ВС. Войдя в вестибюль клуба, я поздоровался с Уорреном и Амандой. Те сидели за столиком и потешались над заголовком в иллюстрированной газетке: это было их любимым развлечением; самые смешные заголовки в мгновение ока расходились по клубу.

— Какие перлы у нас сегодня? — поинтересовался я.

— Как насчет «Гомосексуалист-йети преследует маленьких мальчиков»? — предложил Уоррен.

— Или «Женщина признана виновной в выдвигании мужа в президенты правления банка»? — хихикнув, прибавила Аманда. — Накачала беднягу наркотиками, принялась умолять и не отставала до тех пор, пока он не превратился из кассира в президента.

— Может, и мне учудить что-нибудь этакое, а? — спросил Уоррен.

— Я мечтаю повыше, чем в президенты правления банка, — откликнулась Аманда.

— Слишком много развелось в наши дни наркотиков, — заявил Уоррен, прицокнув языком. — Проходите, Карлос. Я сейчас все налажу.

Я отправился переодеваться, а когда вошел в зал, Уоррен весело сообщил, что можно начинать, и поклатил к двери.

Я закрыл за ним дверь, встал посреди помещения, рядом с высокой, по пояс, проволоочной корзиной, заполненной бейсбольными мячами, взял один, взвесил на ладони, ощутив кожей шов. Бейсбольный мяч просто великолепен: выпуклый шов изящно сочетается с идеальной сферической поверхностью; вдобавок такие мячи полностью отвечают своему назначению — в них нет ни грамма лишнего веса.

Щелкнув переключателем, я включил систему и, зажав по мячу в каждой руке, сделал шаг назад. Тишину, которая царила в помещении, нарушал только едва различимый гул, проникавший сквозь звуконепроницаемые стены. Я постарался дышать как можно тише и избавиться от стука сердца в ушах.

Позади слева, где-то над самым полом, раздался звуковой сигнал; я резко повернулся и швырнул мяч. Глухой стук. «Правее... Ниже...», — произнес механический голос. Бип! Еще один бросок. «Правее... Выше...», — сообщила машина, на сей раз громче, разумея, что я снова промахнулся.

— Черт! — выругался я, беря следующие два мяча. Неудачное начало.

Бип! Мяч летит влево от меня... Бам! Мало что на свете сравнится с наслаждением, какое получаешь, когда мяч ударяется в мишень. Та издала нечто вроде ноты «до» с обертонами — ни дать ни взять маленький церковный колокол, по которому ударили молотком. Звук победы!

В общей сложности десять бросков, пять попаданий.

— Пять из десяти, — сообщила машина. — Среднее время одна целая тридцать пять сотых секунды. Самый быстрый бросок — ноль целых восемьдесят четыре сотых секунды.

Рамону порой удавалось поражать мишень за полсекунды, однако мне требуется полностью прослушать сигнал. Я приготовился ко второй серии, нажал кнопку и замер. «Бип» — бросок, «бип» — бросок. Ноги движутся быстрее, корпус разворачивается из стороны в сторону; корректирую по промахам направление броска; цели появляются то над полом, то под потолком, то сзади (мне не везет на низкие мишени — бросок почему-то обязательно выходит неточным). Разогревшись, я начал кидать все сильнее и сильнее. Сознать, что вкладываешь в бросок всю свою силу — само по себе удовольствие. А если еще и попадаешь... Бам! Как будто радеется каждая клеточка тела.

«Отстрелявшись», я сполоснулся под душем, прошел в раздевалку, распахнул дверцу шкафчика, протянул руку, чтобы снять с крючка рубашку, — и тут мои пальцы нащупали в том месте, которое скрывала от зрячих дверца, крохотный металлический предмет, отдаленно напоминавший формой пуговицу. Я дернул. Предмет легко оторвался от стенки шкафчика. Интересно. Мир полон весьма любопытных вещей. Холодное прикосновение неведомого — столь привычное для меня ощущение... Я настороже, я всегда настороже, я должен быть настороже.

Хотя я не сумел определить на ощупь, что это такое, у меня зародилось подозрение, и потому я отправился за консультацией к моему другу Джеймсу Голду, который занимался акустическими приборами.

— Радиомикрофон, — сказал Джеймс и пошутил: — Кому ты насолил, Карлос, что тебя подслушивают?

Он посерьезнел, когда я спросил, где мне раздобыть такую штучку для себя.

АВ. «Джон Меткаф, «Слепой Джек из Нейрсборо» (1717 — 1810). В шестилетнем возрасте переболел оспой и потерял зрение, в девять лет прекрасно обходился без посторонней помощи, в четырнадцать заявил, что намерен забыть о слепоте и вести себя как нормальный во всех отношениях человек. Правда, едва произнес эти слова, свалился в гравийный карьер, а чуть позже, убегая из чужого сада, был серьезно ранен... По счастью, его самолюбие нисколько не пострадало. К двадцати годам он приобрел репутацию опытного боксера».

Эрнест Брама. «Глаза Макса Каррадоса».

Я должен сражаться, понимаете, должен! Мир не рассчитан на таких, как я. День за днем бои по пятнадцать раундов, попытки избежать нокаута, удар в ответ на любой мало-мальски угрожающий звук.

В юности я любил читать рассказы Эрнеста Браммы о слепом детективе Максе Каррадосе. У того был исключительно острый слух, великолепно развитые обоняние и осязание, он делал потрясающие,

блистательные умозаключения, никого и ничего не боялся, вдобавок был богат, жил в собственном поместье, имел секретаря, слугу и шофера, заменявших ему глаза. Замечательное чтение для наделенного воображением юнца. Я прочитывал каждую книгу, какая только попадала мне в руки; голос машины для чтения со временем стал для меня ближе любого человеческого. В промежутках между чтением и занятиями математикой я без проблем уединялся в собственном мире — в катсфортной «вербальной нереальности» — и, точно Хелен Келлер, нес всякую чушь об облаках, красках цветов и тому подобном. Мир как последовательность текстов (смахивает на деконструктивизм, верно?). Разумеется, повзрослев, я увлекся деконструктивистами прошлого века. Мир как текст. Объем «Происхождения геометрии» Гуссерля — двадцать две страницы, объем «Введения в происхождение геометрии» Дерриды — сто пятьдесят три; надеюсь, вам понятно, что именно меня привлекло. Если, как, похоже, утверждают деконструктивисты, мир всего лишь набор текстов и если я умею читать, значит, будучи слепым, я ничего не потерял?

Молодость может быть очень упрямой и очень глупой.

АО. — Хорошо, Джереми, — сказал я. — Организуйте мне встречу с вашей загадочной дамой, которой принадлежат эти чертежи.

— Вы серьезно? — спросил он, пытаясь сдержать возбуждение.

— Разумеется. До разговора с ней я не стану ничего предпринимать, — в моем голосе тоже прозвучала некая эмоция, но я скрываю свои чувства гораздо лучше, чем Джереми.

— Вы что-нибудь выяснили? — спросил он. — Чертежи вам что-то открыли?

— Не слишком много. Вы же знаете, Джереми, с чертежами у меня вечные налады. Вот если бы она попыталась объяснить на словах или написала бы... В общем, хотите чего-то добиться — приводите ее сюда.

— Ладно, попробую. Учтите, встреча может оказаться бесполезной. Впрочем, увидите сами. — Чувствовалось, что он доволен.

ВА. Однажды, во время учебы в колледже, выходя из гимнастического зала после тренировки, я услышал через дверь, как мой тренер, один из лучших учителей, какие у меня были, сказал кому-то — должно быть, он не видел меня, потому что повернулся ко мне спиной: «Знаете, для большинства этих ребят проблемой будут не физические недостатки, а их эмоциональные последствия. Вот что самое страшное».

ОАА'. Я сидел в кабинете и слушал машину для чтения, вещавшую ровным, бесстрастным механическим голосом (некоторые мои коллеги с трудом понимали, о чем она говорит). За годы, проведенные вместе, машина превратилась в беспомощного, бестолкового друга. Я прозвал его Джорджем и постоянно изменял программу, отвечавшую за произношение, стараясь улучшить речь аппарата; но мои усилия ни к чему не приводили — Джордж раз за разом находил новые способы коверкать язык. Я положил книгу обложкой вверх на стекло. «Поиски первой строки», — прохрипел Джордж, включив сканер, а затем начал читать отрывок из работы Роберто Торретти, геометра-философа, в которой тот цитировал Эрнста Маха и спорил с его доводами. (Представьте себе, как это звучало! Фразы

получались неуклюжими, неестественными, ударения ставились не там, где надо...)

— «Мах заявляет, что наши представления о пространстве коренятся в физиологической конституции человека и что геометрические понятия суть результат идеализации физического познания пространства, — Джордж возвысил голос, чтобы выделить курсив, что существенно замедлило процесс чтения. — Однако физиологическое пространство сильно отличается от бесконечного, изотропного, метрического пространства классической геометрии и физики. Его, в лучшем случае, можно структурировать как пространство топологическое. Рассматриваемое под таким углом зрения, оно само собой разделяется на отдельные элементы: визуальное — или оптическое — пространство, тактильное — или осязательное, слуховое, и так далее. Оптическое пространство анизотропно, конечно, ограничено. Осязательное пространство, пространство нашей кожи, как говорит Мах, соответствует двумерному, конечному, неограниченному (замкнутому) пространству Римана. Это полная ерунда, поскольку R-пространства метричны, а тактильное пространство к таковым не относится. Полагаю, Мах подразумевает, что осязательное пространство вполне можно воспринимать как двумерное, компактно сочлененное топологическое. Тем не менее, он не слишком подчеркивает изолированность тактильного пространства от оптического...»

Внезапно в дверь постучали. Четыре быстрых удара. Я выключил Джорджа и крикнул:

— Входите!

— Карлос, — произнес кто-то с порога.

— Да, Джереми. Как поживаете?

— Замечательно. Я привел Мэри Унзер... Помните? Та женщина, которая рисовала.

Я встал, услышав-ощувив присутствие в кабинете постороннего. Бывает так, что ты сразу чувствуешь (вот как сейчас): этот посторонний — другой, то есть... Нет, наш язык не приспособлен к тому, чтобы выражать ощущения слепых. Такую эмоцию — дурное предчувствие — словами не выразить.

— Очень приятно.

Я уже говорил, что различаю свет и тьму, хотя, надо признать, пользу это приносит редко. Однако в тот миг меня поразило собственное «зрение» — женщина выглядела темнее других людей, казалась этаким сгустком мрака; лицо было светлее всего остального (лицо ли?... трудно сказать).

— На рубеже стоим мы n-мерного пространства, — сообщила она после продолжительной паузы. Я еще не успел отойти от манеры Джорджа, а потому изумился некоторому сходству; механический ритм, невразумительное произношение... По спине поползли мурашки.

Впрочем, голос женщины не шел ни в какое сравнение со звуковым устройством машины. Вибрирующий, со странными интонациями, очень густой по тембру — голос-фагот, голос-шарманка; складывалось впечатление, что Мэри Унзер гнусавит, а голосовые связки у нее совсем слабые; логопеды в подобных случаях рассуждают о «твердом приступе». Обычно тех, кто говорит в нос, слушать не очень приятно, но если голос достаточно тихий...

Женщина заговорила снова, более размеренно:

— Мы стоим на рубеже n-мерного пространства.

— Эй! — воскликнул Джереми. — Здорово! Порядок слов стал более... привычным.

— Мэри, что вы имеете в виду?

— Я... Ох... — Возглас смятения и боли. Я приблизился к женщине и протянул руку. Она ответила на рукопожатие: ладонь размером с мою,

узкая, дрожащая; чувствуется сильная мышца у основания большого пальца.

— Я изучаю геометрию топологически сложных пространств, — сказал я, — а потому скорее, чем другие, смогу вас понять.

— Внутри никогда видим то не что мы нас.

— Верно, — согласился я. Здесь что-то было не так, присутствовало что-то такое, что мне не нравилось, хотя что именно, определить было трудно. Она обращалась к Джереми? Говорила со мной, а смотрела на него? Холодное прикосновение... Сгусток мрака в темноте... — Мэри, почему в ваших фразах нарушен порядок слов? Ведь думаете вы иначе, правильно? Как-никак, а нас вы понимаете.

— Сложилось... Ох... — Снова тот же музыкальный возглас. Неожиданно она задрожала всем телом и зарыдала.

Мы усадили ее на кушетку. Джереми принес стакан воды. Желая успокоить Мэри, я погладил ее по волосам — коротким, спутанным, слегка вьющимся, — а заодно воспользовался возможностью провести быстрый френологический анализ: череп правильной формы и, насколько я мог судить, неповрежденный, виски широкие, как и глазницы, нос ничем не примечательный, переносица практически отсутствует, скулы узкие, мокрые от слез. Она взяла меня за правую руку и крепко сжала — три раза быстро, три раза помедленнее, одновременно прорывая, перемежая слова икотой:

— Больно, состояние, я, ох, сложить конец, яркий, свет, пространство сложить, ох, о-о-ох...

Что ж, прямой вопрос — не всегда лучший путь к цели. Мэри выпила воды и, похоже, слегка успокоилась.

— Пожалуй, на сегодня хватит, — сказал Джереми. — Попробуем в другой раз. — Судя по тону, он не слишком удивился случившемуся.

— Конечно, — отозвался я. — Мэри, мы продолжим разговор, когда вы почувствуете себя лучше.

Язык прикосновений, сведенный к простому коду. С... О... СОС?

ОА. Джереми вывел женщину из моего кабинета, должно быть, кому-то передал — кому? — а затем вернулся.

— Так что с ней произошло? — спросил я раздраженно. — Почему она стала такой?

— Мы можем только догадываться, — проговорил он. — А случилось вот что. Она работала на базе «Циолковский-5», в горах на обратной стороне Луны. Астроном и специалист по космологии. Однажды (все, что я рассказываю, разумеется, должно остаться между нами) передачи с базы прекратились. Туда направили спасателей, которые обнаружили, что все ученые и обслуживающий персонал сгинули без следа. Лишь одна женщина, Мэри, бродила вокруг в состоянии, близком к ступору. Остальные исчезли, словно испарились.

— Гм-м... Какие предположения?

— Да почти никаких. По всей видимости, никого поблизости от базы не было и не могло быть, ну и так далее... Русские, у которых там работало десять человек, считают, что произошел первый контакт: мол, инопланетяне забрали всех, кроме Мэри, а ей каким-то образом изменили процесс мышления, чтобы она выступила в роли посредника, чего у нее, сами видите, не получилось. Энцефалограммы Мэри — нечто удивительное. Понимаю, это все звучит не слишком правдоподобно...

— Да уж.

— ...однако подобная теория — единственная,

которая хоть как-то объясняет то, что стряслось на базе. Мы пытаемся добиться от Мэри каких-либо сведений, но пока безуспешно. Она успокаивается, только когда принимается чертить.

— В следующий раз начнем с чертежей.

— Хорошо. Вы не пришли ни к какому выводу?

— Нет, — солгал я. — Когда вас ждать?

АО. Пускай я слеп, отсюда вовсе не следует, что меня легко одурачить.

Оставшись в одиночестве, я с раздражением стукнул кулаком по ладони. Они допустили ошибку. Очевидно, не подозревали, как много может открыться голос. Между тем тайная выразительность голоса способна поведать столько интересного! Язык не в состоянии передать подобное, необходима математика эмоций... В колледже для слепых, который я какое-то время посещал, часто оказывалось, что ученики невзлюбили нового учителя, потому что в его голосе звучали фальшивые нотки, слышались снисхождение, жалость или самолюбование, которые он, а также начальство, полагали глубоко спрятанными, если вообще догадывались об их существовании. Но ученики прекрасно улавливали мельчайшие оттенки: ведь голос настолько богат, куда, по-моему, богаче, чем мимика, и гораздо меньше поддается контролю! Вот почему мне не нравится большинство спектаклей — голоса актеров такие стилизованные, такие далекие от реальной жизни...

Похожее представление прошло только что и в моем кабинете.

В сочинении Оливье Мессиана «Visions de l'Amen»* есть момент, когда один рояль играет мажорную прогрессию, весьма и весьма традиционную, а второй роняет высокие ноты, разрушая гармонию и словно крича: «Что-то не так! Что-то не так!»

Сидя за столом, я раскачивался из стороны в сторону, испытывая похожие чувства. Что-то было не так. Джереми и женщина, которую он привел, обманывали меня, что подтверждалось каждой их интонацией.

Придя в себя, я позвонил в приемную декана: оттуда зрячим был виден холл перед лифтом.

— Дельфина, Джереми уже ушел?

— Да, Карлос. Хотите, чтобы я его догнала?

Нет. Просто мне понадобилась книга, которую он оставил в своем кабинете. Могу я получить запасной ключ?

— Конечно.

Я забрал у Дельфины ключ, вошел в кабинет Джереми, запер за собой дверь. Одно из крошечных устройств, которые передал мне Джеймс Голд, удобно разместилось под телефонной розеткой. Микрофон очутился под крышкой стола; его надежно прикрыл ящик. Теперь наружу. (Понимаете, я должен быть смелым, если хочу выжить. Смелым и осторожным. Но люди об этом не догадываются.)

Вернувшись к себе, я запер дверь на замок и принялся за поиски. Кабинет у меня большой: две кушетки, несколько высоких книжных шкафов, стол, картотечный шкафчик, кофейный столик... Когда на седьмом этаже Библиотеки Гельмана убирали перегородки (факультет расширялся), ко мне зашли Дельфина и Джордж Хемптон, который был в тот год деканом. Судя по их голосам, они изрядно нервничали.

— Карлос, вы не будете возражать против кабинета без окон?

Я засмеялся. Кабинеты всех профессоров располагались по внешнему периметру здания, и везде были окна.

— Понимаете, — прибавил Джордж, — поскольку окна все равно не открываются, свежим воздухом вам так или иначе дышать не придется. А если вы согласитесь на то, что мы предлагаем, у нас появится возможность сделать просторную столовую.

— Договорились. — Я не стал упоминать, что вижу солнечный свет и различаю тьму. Меня рассердило, что они не вспомнили об этом, не потрудились даже спросить. Вот почему я назвал свой кабинет «склепом» — большой, но без окон. В холлах окон тоже не было, так что приходилось работать без солнца, но я не жаловался.

Я опустил на четвереньки и продолжил казавшиеся безнадежными поиски. Однако мне повезло: один «жучок» обнаружился под кушеткой, второй — на телефоне. Значит, подслушивают. Я оставил микрофоны на месте и отправился домой.

Жил я под самой крышей здания на углу Двадцать первой улицы и улицы Н, в крохотной квартирке, которая, вероятно, также прослушивалась. Включил проигрыватель, поставил диск с «Телемузыкой» Штокхаузена и повернул рукоятку громкости почти до упора, надеясь, что те, кто меня подслушивает, либо ошалеют настолько, что совершат самоубийство, либо по крайней мере у них заболят головы. После чего по-прежнему злой, как черт, приготовил и съел сэндвич.

Я вообразил себя капитаном военного корабля, кем-то вроде Горацио Хорнблоуэра, и благодаря своей исключительной восприимчивости к ветру стал лучшим из нынешних мореходов. Требуется эвакуировать город, и все мои знакомые на борту полагаются на меня. Однако с подветренного борта подошли две вражеские посудины, началась перестрелка: грохот орудий, запах пороха и крови, вопли раненых, напоминающие крики чаек, — и все, кого я знал, погибли, разорванные на куски ядрами, проколотые гигантскими щепками, лишившиеся голов... Затем, когда вокруг на палубе остались только трупы, мой корабль получил последний бортовой залп; каждое ядро, казалось, искало только меня, словно я был точкой О на рисунке 1. Мгновенная смерть...

Я очнулся от грез, слегка досадуя на собственное поведение. Впрочем, Катсфорт говорит, что, поскольку фантазии такого типа активно защищают «я» слепого, истребляя тех, кто покушается на самоуважение слепца, их не следует опасаться (во всяком случае, четырнадцатилетним подросткам). Так тому и быть. Здоровье прежде всего, и пошли вы к черту!

С. Геометрия — язык, лексика и синтаксис которого ясны и точны настолько, насколько подобные ясность и точность вообще под силу человеческому сознанию. Во многих случаях, чтобы достичь такой ясности, определения терминов и процедур дополняются специальными символами. К примеру, можно сказать: «Пусть круглые скобки обозначают дополнительную информацию, квадратные — тайные мысли, а фигурные...»

Но годится ли это для языка сердца?

АВ. На следующий день я играл в клубе в бипбол со своими приятелями. Солнце светило мне в лицо и на руки, пахло весной, цветочной пылью и мокрой травой. Рамон сделал шесть пробежек. Бипбол — нечто среднее между крикетом и софтбо-лом, в него играют в софтбо-льной экипировке. «Он доказывает, что слепые могут играть в крикет», —

* «Видения Благодати» (фр.)

заметила однажды некая англофобка, ирландка по национальности.

Я сделал всего две пробежки и выбыл из игры. Слишком широкий замах. Я решил, что играть на дальней части поля мне нравится больше. Мяч взмывает в воздух по короткой дуге, удар битой, погоня за мячом, который приближается ко мне, движение навстречу, приступ страха, перчатка перед лицом, рывок, мимо, тянешься следом, хватаешь... Звонкий голос Рамона: «Здесь! Здесь!», бросок, в который вложено буквально все, столь долгожданное — и редкое «чмок», когда мяч оказывается в ловушке Рамона. Восхитительно! Просто восхитительно!

Очередную подачу я отбил очень сильно, что тоже было замечательно. Ответный удар. Ощущение поднимается по руке, распространяется по всему телу...

По дороге домой я вспоминал слепого детектива Макса Каррадоса и зрячего капитана Горацио Хорнблэуэра, а еще — Томаса Гора, слепого сенатора из Оклахомы. В детстве он мечтал стать сенатором, читал «Бюллетень Конгресса», вступил в дискуссионный клуб, организовал жизнь так, чтобы добиться поставленной цели. И добился. Такие мечты мне знакомы, равно как и мстительные подростковые сны наяву. Всю свою юность я хотел стать математиком. И вот, пожалуй, результат. Значит, мечты сбываются, значит, то, о чем мечтаешь, когда-нибудь становится явью.

Впрочем, отсюда следует, что мечтать нужно о чем-то возможном. Однако предугадать, возможно то, о чем ты гредишь, или нет, нельзя. И даже если человек знает, что мечтает о возможном, это еще не гарантирует успешного осуществления задуманного.

Команда, в которой мы играли, называлась «Шутки Хелен Келлер». Шутки и впрямь хватало, некоторые были очень даже ничего, они, естественно, принадлежали австралийцам, но в такие подробности я вдаваться не собираюсь. Жаль, что столь толковая женщина имела весьма нелепые представления о мире благодаря не столько неправильному образованию, сколько эпохе вообще: она насквозь пропиталась елейной викторианской сентиментальностью. («Рыбачки деревушки Корнуолла очень живописны, ими можно любоваться как с моря, так и с холмов; лодки или стоят на приколе у берега, или снуют в бухтах... Когда в небо поднимается луна, большая и безмятежная, и на воде появляется светящийся след, словно борозда, оставленная плугом на серебряной глади, я лишь вздыхаю от восторга...»). Кончай, Хелен. Сколько можно? Вот что означает жить в мире текстов.

Хотя разве я сам не живу большую часть времени (или постоянно?) в текстах, которые для меня реальны ничуть не больше, чем лунный свет на воде для Хелен Келлер? Эти n -мерные системы, которые я так долго изучал... Наверное, основа моих геометрических способностей — пережитая реальность осязательного пространства; тем не менее мои изыскания достаточно далеки от повседневного опыта. Так же, как и ситуация, в которой я сейчас очутился. Джереми и Мэри разыграли передо мной спектакль, смысла которого я не понимал. И план, что я придумывал, тоже не очень соприкасается с реальностью. Вербализм, слова против действительности...

Я погладил перчатку, вновь ощутил дрожание биты, о которую ударился мяч. Мой замысел вызывал у меня тревогу. Я чувствовал себя атакованным, дезориентированным, испуганным. Месяцы спустя после отъезда матери я стал разрабатывать планы по ее возвращению: изобретал различные болезни, наносил себе раны, попытался удрать из дома и

улететь в Мехико. Почему она уехала? Непостижимо! Отец не желал разговаривать об этом, лишь обронил однажды, что они, мол, разлюбили друг друга. Она не знала английского, поэтому власти не позволили бы ей остаться в Штатах после развода. Я же остался здесь, потому что в Мехико хватало других забот, дела там шли из рук вон плохо; вдобавок отец не хотел расставаться со мной, он стал моим наставником и опекуном. Я ничего толком не понял, едва расслышал, что он говорил. Язык прикосновений начал забываться. Я стискивал руки и повторял слова: указательные пальцы — есть, пожатие — гулять, взмах — желание, более крепкое пожатие — «я люблю тебя». Но меня никто не слышал.

ОАА'. Когда Джереми снова привел Мэри Унзер, я не стал тратить время на разговоры — достал бумагу и карандаши и усадил женщину за кофейный столик, а еще расставил перед ней свои модели: субатомные частицы на проволочных стержнях, похожие на струю воды из рассекаателя; тейлоровы палочки, смахивающие на соломинки и предназначенные для конструирования моделей; полиэдрические фигуры самых разных форм. Потом сел рядом, разложив на столике листы с выпуклыми чертежами и поставив модели, которые попытался по ним изготовить, и начал задавать весьма конкретные вопросы:

— Что означает эта линия? Она проходит спереди или сзади? Я правильно понял?

Мэри отвечала то смешком, то «нет-нет» (тут проблем с порядком слов не возникало) и принималась чертить. Я брал готовые листы, пропускал через ксерокс, вынимал и позволял ей водить по чертежам моей ладонью. Но дело продвигалось туго; издав раздраженный возглас, Мэри вернулась к моделям, начала соединять между собой треугольники, составлять прямые. Впрочем, здесь мы тоже далеко не ушли.

— Нужно чертить, — сказала она.

— Понятно. Тогда пишите и читайте.

Мы продолжали работать: она писала и либо читала, либо передавала страницы мне, а я пропускал их через ксерокс в режиме «перевод в шрифт Брайля». Джереми, судя по всему, внимательно наблюдал за происходящим.

Постепенно мы подошли очень близко к сути моих исследований. (Холодное прикосновение.) Предпожив, что субатомные частицы совершают свои «прыжки» в микроизмерениях, я разработал n -мерную топологическую систему, где n больше единицы и меньше бесконечности, поэтому изучаемый континуум находится в промежутке между единицей и некоторым конечным числом измерений, переходя из кривой в нечет, если хотите, вроде швейцарского сыра, в зависимости от количества энергии, проявляемой в пространстве в любой из четырех форм — электромагнетизме, гравитации, а также в форме сильных и слабых взаимодействий. Геометрия этой системы, столь схожей с опытным, тактильным пространством, привлекла, как я уже сказал, внимание физиков, однако исследования еще не были доведены до конца, и я не публиковал даже промежуточных результатов.

И вот я сижу в своем кабинете и «общаюсь» с молодой женщиной, которая в обычном разговоре не может правильно построить фразу, однако на математическом языке изъясняется вполне понятно и рассуждает, интересуется моей мало кому известной работой.

Той, о которой меня столь часто и с большим любопытством расспрашивал Джереми Блесингейм.

Я вздохнул и откинулся на подушки. Наша беседа растянулась на два или три часа. Мэри пожалала мою руку. Я не знал, что думать.

— Я устал.

— А мне лучше, — откликнулась она. — Так разговаривать проще.

— Да? — Я взял в руки модель позитрона, врезающегося в «стационарный» мюон: проволочное дерево, ствол которого неожиданно превращается в густую крону... Ряд событий, невообразимое количество объяснений... Впрочем, большинство частиц летело в одном направлении (словно истины осязательного пространства).

Мэри отпустила свою ладонь и взялась рисовать последний чертеж, с которого потом сделала ксерокс, после чего приставила мои пальцы к выпуклым линиям.

Снова теорема Дезарга: треугольники ABC и $A'B'C'$, проецируемые из точки O . Правда, на сей раз оба треугольника находились в одной плоскости, прямые AB и $A'B'$ были параллельны, как BC и $B'C'$, AC и $A'C'$. Точки P , Q и R превратились в идеальные. Мэри вновь и вновь ставила мои пальцы в те места, где располагались эти точки.

С. Пожалуй, следует объяснить поподробнее, ибо теперь мы оставляем позади мир евклидовой геометрии.

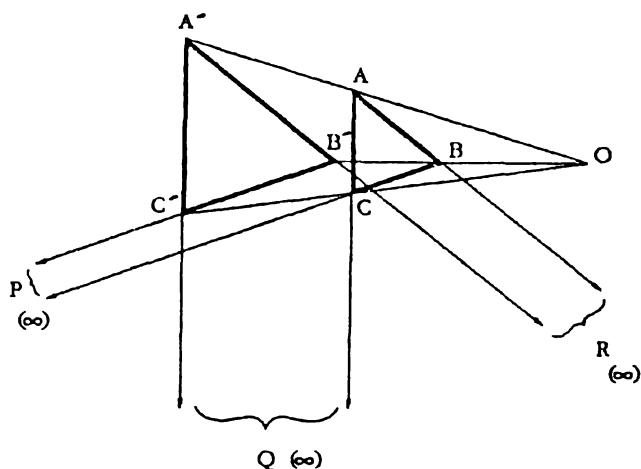

Рис. 2

Геометрия обычных точек и прямых (евклидова) значительно осложняется тем фактом, что две параллельные прямые не встречаются ни в одной точке. Почему? Изменение пятой теоремы Евклида относительно параллельных прямых привело к появлению первых неевклидовых геометрий Лобачевского, Больяи и Римана. Чтобы войти в изменившийся мир, необходимо всего лишь прибавить к обычным точкам каждой прямой по одной «идеальной». Эта точка принадлежит всем прямым, параллельным данной. Отныне каждая пара прямых на плоскости будет пересекаться в одной точке: непараллельные в обычной, а параллельные — в идеальной, общей для двух прямых. Кто-то догадался назвать такую точку «точкой в бесконечности».

Понятие идеальности можно распространить и на другие геометрические фигуры: все точки в бесконечности на одной плоскости лежат на прямой в бесконечности; все прямые в бесконечности находятся на плоскости в бесконечности; идеальная

плоскость располагается в пространстве, за пределами остальных, а все идеальные плоскости — в пространстве в бесконечности, в следующем измерении. И так далее, до n -го измерения. В осязательном пространстве неевклидовой геометрии я ощущаю присутствие этих идеальных миров, ибо за отдельными идеальными плоскостями-мембранами, что вне моей досягаемости, существуют идеальные действия, которые я могу только воображать, только желать...

Заметьте, кстати, что, прибегая к понятию идеальной точки, мы можем доказать теорему Дезарга для одной плоскости. Помните: чтобы доказать любую теорему, достаточно доказать частный случай, как здесь, где AB параллельно $A'B'$, BC параллельно $B'C'$, а AC — $A'C'$. Поскольку пары прямых параллельны, они пересекаются в своих идеальных точках, которые, чтобы было удобнее, назовем P , Q и R . А поскольку все идеальные точки плоскости лежат на прямой в бесконечности, значит, P , Q и R коллинеарны. Все просто. Таким образом доказывается не только частный случай, когда стороны треугольников параллельны, но и все прочие, когда параллельности не наблюдается.

Если бы мир соответствовал этой неоспоримой логике!

А'АО. Тут Мэри сказала:

— Мистер Блесингейм, принесите, пожалуйста, воды.

Джереми послушно вышел из кабинета. Мэри быстро зажала мой указательный палец между своими средним и большим (настолько сильно, что подушечки словно расплющились, а мне стало больно), дважды нажала, затем ткнула сначала в собственную ногу, а затем в чертеж и провела пальцем по одной из сторон треугольника. Повторив все еще раз, она приставила мой палец к моей же ноге, после чего приложила его к стороне другого треугольника. Понятно, мы с ней параллельны, нас проецируют из точки O , которая...

Правда, у точки O Мэри раз за разом останавливалась. Что она хочет сказать?

Вернулся Джереми. Мэри отпустила мою руку. Какое-то время спустя мы распрощались — крепкое рукопожатие, дрожащая ладонь, — и они ушли.

— Джереми, — спросил я, когда он возвратился, — могу ли я поговорить с ней наедине? Мне кажется, в вашем присутствии она нервничает. Должно быть, малоприятные ассоциации. Я столкнулся с действительно любопытным подходом к проблеме n -мерной системы, однако вы отвлекаете Мэри, и она теряет нить мыслей. Я хотел бы пригласить ее на прогулку — вдоль канала, или к Тайдл-Бейсн, — и там мы обо всем поговорили бы. Возможно, вы в итоге добьетесь желаемого результата.

— Я доложу руководству, — ответил Джереми равнодушным тоном.

Вечером я надел наушники и прослушал магнитофонную запись телефонных разговоров Блесингейма. Во время одного, едва на том конце провода сняли трубку, Джереми сказал:

— Он хочет поговорить с ней наедине.

— Великолепно, — отозвался высокий голос, — она готова.

— Тогда в эти выходные?

— Если он согласится.

Щелк.

ВА. Я слушаю музыку. Сочинения композиторов двадцатого столетия привлекают меня сильнее все-

го, потому что многие из них брали звуки того мира, в котором мы живем, мира реактивных лайнеров, полицейских сирен и промышленного производства, равно как и птичьих трелей, деревянных мостовых и человеческих голосов. Мессиян, Парч, Райх, Гласс, Шапиро, Суботник, Лигети, Пендерецкий — вот первые, кто рискнул уйти от оркестра и классической традиции; в моем представлении они являлись голосами и нашего века. Они говорят со мной, точнее — для меня; в их диссонансах, смятении и гневе я слышу собственные мысли, сознаю утрату, ощущаю, как она преобразуется в нечто иное, менее болезненное. Я слушаю эту трудную для понимания, сложную музыку, потому что понимаю ее и получаю от того удовольствие, а еще потому, что как бы сливаюсь с ней и поднимаюсь над миром. Никто не может войти в нее глубже моего. Я управляю миром. Я слушаю музыку.

О. Знаете, эти n-мерные системы... если мы разбираемся в них достаточно хорошо для того, чтобы манипулировать ими, пользоваться их энергией... Да, в них заключается громадное количество энергии. Такая энергия означает могущество, а оно... привлекает могучих. Или тех, кто ищет могущества, сражается за него. Я начинаю ощущать опасность.

ВВ'. Пока мы пересекли бульвар, направляясь к монументу Линкольна, она хранила молчание. Если бы я попробовал заговорить о чем-нибудь важном, полагаю, она остановила бы меня. Однако я молчал; по-моему, Мэри догадалась: я знаю, что мой кабинет прослушивается. Лево́й рукой я держал ее под локоть, позволяя самой выбирать путь. День выдался солнечным, но ветреным; время от времени солнце на минуту-другую закрывали облака. У озера витал, заглушая все прочие запахи — травы, пыли, горючей жидкости и жареного мяса, — слегка гниловатый аромат влажных водорослей... Вокруг мемориала погибшим во Вьетнаме бурлила темнота. Загадочно ворковавшие голуби при нашем приближении взмывали в воздух, шумно хлопая крыльями. Мы опустились на недавно подстриженную лужайку, я провел ладонью по колким травинкам.

Станный у нас получается разговор. Лица собеседника не видишь, зрительной памяти, естественно, никакой; вдобавок за нами, может быть, следят. (Боязнь слежки присутствует у всех слепых, а тут она вполне оправданна.) Кроме того, мы не можем говорить свободно, хотя должны произносить какие-то фразы, чтобы убедить Блесингейма и его дружка, что я ни о чем не подозреваю. «Чудесный денек» — «Да. Я бы не отказался искупаться» — «Правда?» — «Честное слово»...

Однако два пальчика Мэри продолжали сжимать мой указательный. Мои руки превратились в глаза, впрочем, так оно было с детства; теперь они обрели выразительность голоса, восприимчивость кожи, и мы вели безмолвный, исполненный тревоги разговор в тишине осязательного пространства. «Вы в порядке?» — «Да». — «Знаете, что происходит?» — «Не совсем, объяснить не могу».

— Сегодня вы строите фразы гораздо лучше.

Мэри трижды крепко сжала мою ладонь. Ошибка?

— Меня... лечат... электрошоком... — ее голос задрожал, словно отказываясь повиноваться.

— Похоже, помогает.

— Да. Но не всегда.

— А что с математикой?

Звонкий смехок, голос-шарманка:

— Не знаю... Мысли как будто разбегаются... Дополнительная процедура? Вы должны мне объяснить.

— Разве предмет космологии настолько широк?

— Топология микроизмерений явно определяет как гравитацию, так и слабые взаимодействия. Правильно?

— Трудно сказать. Физик из меня не очень.

Снова три пожатия.

— Однако у вас наверняка есть какие-то идеи по этому поводу.

— Не то чтобы... А у вас?

— Были... когда-то... Но мне кажется, что ваши исследования напрямую связаны с подобными проблемами.

— Не знаю, не знаю.

Пат? Судя по всему, да. Эта женщина, сигналы которой были настолько противоречивыми, все сильнее возбуждала мое любопытство... Она вновь показалась мне сгустком мрака, водоворотом, в котором исчезал всякий свет за исключением того, что обрамлял ее голову (полагаю, мои «видения» — игра воображения, картинка из тактильного пространства).

— На вас одежда темных тонов?

— Вообще-то нет. Красный, бежевый...

Я чуть сильнее сжал руку Мэри и почувствовал, что у нее крепкие мышцы.

— Наверное, вы занимаетесь плаванием?

— Нет, атлетикой. На Луне это было обязательно.

— На Луне, — повторил я.

— Да, — ответила она и замолчала.

Честное слово, просто невероятно. Я не мог назвать Мэри союзницей, поскольку полагал, что она меня обманывает, однако от нее исходило нечто вроде сочувствия; вдобавок, чем дольше мы были вместе, тем сильнее ощущалась некая тайная близость. Вопрос в том, что отсюда следует? Не имея возможности говорить открыто, я чувствовал себя совершенно беспомощным; лавируя между ее изменчивыми настроениями, мог только гадать, о чем она думает. И какую пользу извлекут из сегодняшнего нашего разговора те, кто следит за нами?

Мы сели на водный велосипед и поплыли, время от времени принимаясь обсуждать красоты природы. Я люблю находиться на воде — легкое покачивание на волнах, поднятых лодками, своеобразный, «с душком» запах...

— Вишни еще цветут?

— О да! Правда, пик цветения уже миновал, но все же... Вот, — Мэри нагнулась. — Цветок, который собирался утонуть. — Она вложила нечто в мою ладонь. Я принял. — Пахнет?

— Не очень. Говорят, чем изящнее цветы, тем слабее они пахнут. Вы такого не замечали?

— Пожалуй, да. Мне нравится аромат роз.

— Который едва уловим. А цветки вишен, должно быть, замечательны — аромат еле чувствуется.

— Жаль, что вы не видели вишни в цвету.

— А мне жаль, что вы не можете прикоснуться к лепесткам так, как я, или ощутить покачивание лодки, как его ощущает человек, подобный мне, — отозвался я, пожимая плечами. — Моих ощущений вполне достаточно, чтобы радоваться жизни.

— Понимаю. — Она накрыла мою ладонь своей.

— Кажется, мы уплыли довольно далеко, — сказал я, разумея, что теперь нас не очень хорошо видно с берега.

— Вы правы. Мы почти пересекли озеро.

Я высвободил руку и положил ее Мэри на плечо. Глубокая впадина над ключицей... Это прикосновение, этот безмолвный язык. Наши пальцы снова переплелись и заговорили между собой. Слева от нас кричали и смеялись дети, голоса которых переполняли восторг. Как общаться на языке прикосновений?

Впрочем, тут нет ничего сложного. Кончики пальцев чертят линии на ладонях, ерошат волосы на тыльной стороне запястья, пальцы нажимают друг на друга: то наверняка предложения. Говоря на таком языке, не так-то легко обманывать. Узкая изящная ладонь под моими настойчивыми пальцами...

— Впереди все чисто, — сообщила Мэри какое-то время спустя. В ее голосе словно смешались различные чувства.

— Полный вперед! — воскликнул я. — Плевать на торпеды!

И под шлепанье лопастей мы закружились по озеру — свежий ветерок, солнце в лицо, — избавляясь смехом от напряжения, крича: «А ну наддай!» и «Прочь с дороги!»; баритон вторил голосу-фаготу, руки крепче прежнего стискивали одна другую, ноги все усерднее нажимали на педали... «На Потомак!», «Через море!»... Холодные брызги на лице...

Внезапно Мэри бросила крутить педали, и суденышко кинуло влево.

— Мы рядом с берегом, — произнесла она тихо. Причалили мы в молчании.

ОА. С помощью «жучков» мне удалось установить, что в мой кабинет наведались двое или трое, один из которых — мужчина — произнес вполголоса: «Посмотрите в картотеке». Послышались знакомые звуки — то выкатывали картотечные ящики, затем, судя по всему, они заглянули в ящики стола, после чего принялись шелестеть бумагами и как будто опрокидывать все подряд.

Кроме того, я подслушал любопытный телефонный разговор Джереми. Раздался звонок. Блэсингейм снял трубку: «Да?» Мужской голос, тот самый, который отвечал ему раньше, сказал: «Мэри говорит, он не желает вдаваться в подробности».

«Меня это не удивляет, — откликнулся Джереми. — Однако я уверен...»

«Знаю, знаю. Попробуйте применить тот способ, о котором шла речь».

Очевидно, имелся в виду взлом.

«Хорошо».

Клик.

АО. Им наверняка не приходило в голову, что я могу нанести ответный удар, воспользоваться их же оружием, они даже не позволили себе предположить, что вокруг может твориться нечто странное. Подобное высокомерие привело меня в ярость.

ОА. В то же время я изрядно перепугался. Живя в Вашингтоне, человек начинает ощущать «силовые линии»: чувствует, что в тенистых конструкциях, окружающих официальное, правительственное пространство, ведется борьба за власть; слышит о нераскрытых убийствах, о загадочных людях, которые занимаются неизвестно чем... Слепец считает, что находится вдалеке от призрачного мира интриг и скрытых сил, что защищен своим физическим недостатком. Однако я оказался замешан в эту борьбу, ввязавшись в нее по собственной инициативе. Было отчего испугаться.

Впрочем, они не знали, что я о чем-то догадываюсь. Противник приближается, шаркая ногами; бьет — и ты бьешь в ответ. Моя смелость от безысходности: перейдите-ка улицу с закрытыми глазами!

АА'. Как-то вечером я слушал «Музыку облачной камерь» Гарри Парча, купаясь в гулких стеклянных

нотах, и тут в дверь позвонили. Я снял трубку домофона.

— Кто там?

— Мэри Унзер. Я могу подняться?

— Разумеется. — Я нажал кнопку и вышел на площадку.

— Извините, что потревожила вас, — произнесла Мэри, запыхавшаяся от подъема по лестнице. Какой голос! Она была одна. — Я нашла ваш адрес в телефонной книге. Конечно, мне не следовало...

Она остановилась передо мной, прикоснулась к моей правой руке. Я взял ее за локоть.

— Что?

— Мне не следовало приходиться сюда, — закончила она с отрывистым смешком.

Значит, тебе не миновать беды, подумал я. Хотя ей наверняка известно, что моя квартира прослушивается. Выходит, она обязательно должна была прийти. Мэри дрожала всем телом, и мне не осталось ничего другого, как обнять ее за плечи.

— С вами все в порядке?

— Да. Нет. — Голос-гобой, понижающаяся интонация, смех, который не похож на смех... Она казалась напуганной до полусмерти. Если это была маска, то Мэри великолепная актриса.

— Входите, — я провел женщину внутрь, затем подошел к проигрывателю и выключил Парча, но потом передумал и включил снова. — Садитесь, кушетка очень мягкая. — Я тоже нервничал. — Хотите чего-нибудь выпить? — Внезапно у меня возникло впечатление, будто все происходит не наяву, а во сне, в одной из моих фантазий. Фантасмагорическая музыка звенела в облачной камере, и откуда мне было знать, что реально, а что — нет? Эти мембраны... Что там, за плоскостью в бесконечности?

— Нет, спасибо. Хотя да, — смех, который не был смехом, повторился вновь.

— Сейчас принесу пиво. — Я подошел к холодильнику, достал несколько бутылок. Открыв, вернулся к кушетке и, присев рядом с Мэри, спросил: — Так что же происходит?

Она заговорила. Я пил пиво маленькими глотками, а Мэри прерывалась время от времени, чтобы тоже выпить пива.

— Я чувствую, что, чем глубже вникаю в ваши рассуждения о передаче энергии из одного n-мерного пространства в другое, тем лучше понимаю, что случилось со мной. — В ее голосе зазвучали новые нотки: обертоны исчезли, голос сделался менее низким и не таким гнусавым.

— Не знаю, что и сказать, — ответил я. — О подобных вещах я предпочитаю не говорить и даже не писать. То, что мог, я изложил в статьях. — Последнюю фразу я произнес погромче: пускай порадуется аудитория (впрочем, существует ли она?).

— Что ж... — ладонь Мэри, накрытая моей, снова задрожала.

Мы очень долго сидели бок о бок на кушетке и переговаривались с помощью рук, обсуждая то, что сейчас едва приходит мне на память, поскольку человеческий язык не в состоянии передать смысл нашей беседы. Однако разговор велся серьезный.

— Послушайте, — сказал я наконец, — пойдете со мной. Я живу на верхнем этаже, поэтому устроил себе нечто вроде террасы. Допивайте пиво и пошли. Ночь просто замечательная, на свежем воздухе вам станет лучше. — Я провел Мэри через кухню в кладовую, где находилась дверь черного хода. — Поднимайтесь. — А сам вернулся в комнату, поставил «Кельнский концерт» Жарра и прибавил громкость, чтобы мы могли слушать музыку снаружи, после чего взобрался по лестнице на крышу.

Под ногами закрипел просмоленный гравий.

Это одно из моих любимых мест. По периметру крыша обнесена бордюром высотой по грудь взрослому человеку, с двух сторон над ней возвышаются громадные ивы, ветви которых скрывают камень и превращают крышу в подобие спасительной гавани. Я обычно садился на широкую сломанную кушетку, а порой, когда дул ветерок и в воздухе разливалась прохлада, ложился на нее с брайлевой планисферой в руках, слушая «Звездные пути» Шольца, и мне казалось, будто через проекции я постигаю звездное небо.

— Восхитительно, — проговорила Мэри.

— Правда? — Я снял с кушетки целлофановую пленку, и мы сели.

— Карлос...

— Да?

— Я... Я... — Все тот же пронзительный вскрик.

— Пожалуйста, — сказал я, обнимая ее за плечи, — не теперь. Не теперь. Расслабьтесь, прошу вас. — Она повернулась ко мне, положила голову на мое плечо. Я провел пальцами по волосам Мэри — коротким, не длиннее, чем до плеч, — расцепил узелки, прикоснулся к ушам, погладил шею. Она перестала дрожать и успокоилась.

Время шло, а я по-прежнему ласкал Мэри. Никаких других мыслей, никаких желаний. Как долго это продолжалось? Не знаю, быть может, с полчасца или дольше. Она тихонько замурлыкала. Я нагнулся и поцеловал ее. Мелодия, которую играли на рояле, изредка прерывалась голосом Жарра. Мэри привлекла меня к себе; у нее перехватило дыхание, потом она шумно вздохнула. Поцелуй приобрел страстность, языки завели свой собственный разговор, смысл которого я улавливал, что называется, всеми «чакрами» — шеей, позвоночником, животом, чреслами. Ничего кроме поцелуя, которому я отдался, не сделав ни малейшей попытки воспротивиться.

Помню, приятель-студент спросил однажды, не возникает ли у меня проблем с половой жизнью. «Трудно, наверное, определить, когда девушке... хочется?» Я засмеялся; мне захотелось объяснить, что на самом деле все поразительно просто. Слепец вынужден полагаться на прикосновения, что дает ему известную фору: пользуясь руками, чтобы «видеть» лица, полностью завися от рук, он без труда переходит то, что Расс именует границей между мирами секса и отсутствия секса.

Мои руки исследовали тело Мэри, впервые узнавая его за время нашего знакомства, что возбуждало уже само по себе. Кажется, я полагал, что люди, у которых узкие скулы, должны быть узкобедрыми (уверяю вас, так оно в большинстве случаев и есть), однако она обманула мои ожидания — у нее были крутые бедра из разряда тех, к каким ни за что не привыкнуть (ни за что — чужеродность другого — до конца не поверить в их существование). Мои пальцы по собственной воле забрались ей под одежду, в промежуток между пуговицами, растегнули блузку, справились с застежкой лифчика. Мэри одним движением плеч сбросила одежду. Я ощутил податливость ее груди, прижался ухом к коже у грудной клетки, услышал биение сердца... Плоть к плоти, кожа к коже, в пределах единого, переполненного энергией осязательного пространства.

Кожа — голос бесконечности.

Когда все кончилось, из квартиры по-прежнему доносились звуки рояля, которым словно аккомпанировал приглушенный расстоянием шум уличного движения. В вентиляционном колодце ворковали голуби: казалось, то пытаются объясниться между

собой обезьяны, пасти которых замотаны проволокой. Кожа Мэри была влажной от пота; я лизнул ее и восхитился чудесным привкусом. Сгусток мрака перед глазами, в которых и без того темно... Мэри перекатилась на бок, мои руки вновь легли на тело женщины, нащупали развитые бицепсы, несколько родинок на спине, похожих на крохотные изюминки. Пальцы опустились ниже, прошлись по позвоночнику, который будто покоился в некоем углублении, образованном крепкими мышцами. Моя голова лежала у нее на руке, возле груди.

— Кто же ты? — спросил я ее.

— Потом. — Когда же я снова раскрыл рот, она приложила к моим губам свой пальчик и сказала: — Друг. — Жужжащий шепот, похожий на звук камертона, на голос, который я (мне стало страшно, ибо я не знал ее) уже полюбил. — Друг...

С. В какой-то момент зрение с позиций геометрического мышления начинает восприниматься как досадная помеха. Те, кто привык зрительно представлять доказательства теорем, как в евклидовой геометрии, со временем приходят к пониманию того, что, к примеру, в n -мерных системах визуализация невозможна: она ведет к путанице и недоразумениям. В таких случаях наилучшей чувственно воспринимаемой аналогией, какую мы имеем, является внутренняя геометрия, осязательная, направляемая кинетической эстетикой. Так что я обладаю определенными преимуществами.

Однако сохраняются ли они в реальном мире, в геометрии человеческих привязанностей? Существует ли то, что и впрямь нельзя увидеть, а можно только ощутить?

ОА. Главным для тех, кто занимается взаимоотношениями геометрии и реального мира, является вопрос о том, как перейти от невыразимых впечатлений чувственного опыта (слабо ощущаемые поля силы и опасности) к общепринятым математическим абстракциям (объяснениям). Или, как говорит Эдмунд Гуссерль в «Происхождении геометрии» (сегодня утром Джордж невразумительной обычного процитировал мне именно этот отрывок): «Каким образом геометрический идеал — равно как и идеалы прочих наук — вырывается из рамок своего первичного, глубоко личного происхождения, где он остается структурой в пространстве сознания души первооткрывателя, и поднимается к идеальной объективности?»

Тут в дверь постучали — четыре удара подряд.

— Входите, Джереми, — сказал я, чувствуя, как убыстряется пульс.

— Кофе вот-вот сварится, — сообщил он, заглянув в кабинет. — Я угощаю.

Мы прошли в его кабинет, в котором витал чудесный аромат французского кофе. Я опустился в одно из плюшевых кресел, что стояли вокруг стола, взял в руки крохотную глазурованную чашечку и пригубил горячий напиток. Джереми расхаживал по комнате, рассуждая о всяких пустяках и явно избегая заговаривать о Мэри и о том, что с ней связано. Кофе согрел меня, даже ногам стало жарко; правда, благодаря потоку воздуха из кондиционера я не вспотел. Поначалу все шло хорошо и приятно: горьковатый, крепкий кофе смочил небо, проник в горло, поднялся к носоглотке, забрался в глаза и мозг и одновременно проскользнул в легкие. Я дышал кофе, моя кровь становилась все жарче.

...Я сообразил, что о чем-то говорю. Голос Джереми раздавался откуда-то сверху, — должно быть, Блесингейм стоял прямо передо мной, — и

в нем слышалась легкая хрипотца, словно фразы проходили через старый угольный микрофон.

— А что произойдет, если энергию из этой системы направить сквозь векторные измерения в макросистему?

— Что ж... — радостно отозвался я. — Допустим, что каждая точка P n -мерной дифференцируемой системы M имеет аналог на касательной плоскости, n -мерном пространстве $Tr(M)$, называемом касательное пространство в P . Теперь мы можем определить путь в системе M как дифференцируемое отображение открытого интервала R в систему M . Вдоль этого пути можно расположить все силы, определяющие в системе M подсистему K , громадное количество энергии... — Ну разумеется! Я начал излагать свою теорию на бумаге, и тут соматический эффект наркотика объединился с ментальным, и мне мгновенно стало ясно, что происходит.

Джереми заметил, что я остановился, задышал прерывисто и с натугой, а я тем временем боролся с подступившей тошнотой, вызванной не столько самими химикатами, сколько осознанием того, что меня пытались накачать наркотиком. Что я успел рассказать? И, ради всего святого, почему это для него настолько важно?

— Прошу прощения, — пробормотал я. Мои слова заглушало гудение вентилятора. — Что-то голова разболелась.

— Право, жаль, — произнес Джереми голосом, словно позаимствованным у Джорджа. — Вы и впрямь побледили.

— Да уж, — отозвался я, стараясь скрыть ярость. (Позднее, прослушивая запись разговора, я пришел к выводу, что держался всего лишь более скованно, чем обычно.) — Еще раз извините, но мне действительно не по себе.

Я встал и на какой-то миг ударился в панику, ибо утратил всякое представление о том, где расположена дверь: ведь на этом в значительной мере основывалась моя способность ориентироваться в пространстве, и обычно я отыскивал выход без малейших затруднений. Но разрази меня гром, если я обращаюсь за помощью к Джереми Блесингейму или плюхнусь на пол у него на глазах! Нужно вспомнить: гак, стол обращен к двери, кресла — к столу, значит, дверь за мной...

— Позвольте, я провожу, — проговорил Джереми, беря меня за руку. — Послушайте, может, отвезти вас домой?

— Все в порядке. — Я высвободился. Дверь обнаружилась, похоже, по чистой случайности. Я вышел в коридор и направился к себе, гадая, смогу ли найти свой кабинет. Моя кровь будто превратилась в горячий турецкий кофе, голова кружилась. Ключ подошел: выходит, я не ошибся дверью. Я вошел в кабинет и рухнул на кушетку. Голова по-прежнему кружилась; вдобавок выяснилось, что я не в состоянии даже пошевелиться. Помнится, в одной книге утверждалось, что подобные наркотики почти не оказывают соматического действия, однако, быть может, это верно применительно к тем, кто меньше моего чувствителен к кинетической реальности. Иначе почему я повел себя таким образом? От страха? Или Джереми подмешал в кофе не только «наркотик истины»? Предостережение? От чего? Внезапно я осознал, насколько узок мир моего понимания, за которым находится грандиозное пространство действий, в чьей сути я совершенно не разбираюсь; осознал, что последнее угрожает полностью затопить первый, в результате чего мне суждено будет утратить хотя бы проблески понимания. Утонувший в неведомом! О Господи! Неужели такое возможно?

Некоторое время спустя — где-то через час — я почувствовал, что могу встать и отправиться домой. Организм, казалось, более или менее пришел в норму, но лишь выйдя на улицу, я сообразил, что психологический эффект наркотика никуда не делся. Редкие и тяжелые волны дизельных выхлопов, пропитанная застарелым потом одежда — эти запахи исключали мало-мальский шанс отыскать, полагаясь на обоняние, тележку Рамона. Трость казалась неестественно длинной, свист микролокатора в очках отдаленно напоминал мелодию из «Catalogue d'Oiseaux»* Мессиана. Я замер, потрясенный впечатлением. Мимо с гудением проносились легковые электромобили, ветер швырял в уши множество звуков, которые сливались в какофонию. Да, Рамона не найти, не стоит и пытаться; к тому же незачем вмешивать его в это дело. Рамон — мой лучший друг. Сколько раз мы встречались с ним в клубе Уоррена, сколько раз играли в звуковой пинг-понг; порой нас разбирал такой смех, что мы никак не могли успокоиться — а разве не в том заключается дружба?

Отвлечшись на подобные мысли, сбитый с толку музыкой ветра и уличного движения, я окончательно перестал ориентироваться. Вдоль тротуара, чуть не задев меня, промчалась машина. Заблудился! «Извините, это Пенсильвания-авеню или Кей-стрит?» Медленное продвижение вперед, разбитые бутылки, гвозди, торчащие из брошенных кем-то досок, провода, свисающие с дерева или дорожного знака, собачье дерьмо на тротуаре, поджидающее, когда я на него наступлю, чтобы кинуть меня под автобус, автомобили с бесшумными электродвигателями, подонки, которым все равно, кто перед ними — слепой, увечный или какой еще, канализационные люки без крышек, бешеные собаки, осклаившиеся из-под заборов, готовые в любой момент тлпнуть за ногу... Однако я преодолел все опасности. Должно быть, я смахивал на безумца, крадись на цыпочках по тротуару и размахивая тростью, как человек, который сражается с бесами.

АО. К тому времени, когда я добрался до квартиры, меня переполняла ярость. Включив «Выходи» Стива Райха (там несчетное количество раз повторялась фраза «Выходи, покажись») настолько громко, насколько мог вынести, я принялся курсировать по комнатам, то бранясь, то плача (резь в глазах) под звуки музыки. Составил целую сотню никуда не годных планов мщения Джереми Блесингейму и его таинственным начальникам, добрых пятнадцать минут чистил зубы, чтобы избавиться от привкуса кофе во рту.

К утру выработался сравнительно приемлемый план. Настало время действовать. Была суббота, значит, на работе меня никто не потревожит. Я вошел в кабинет, открыл шкафчик с картотекой и зашелестел бумагами, притворяясь, будто перекладываю их из кейса в картотечные ящики. После чего, гораздо тише, извлек большую мышеловку, которую купил по дороге, и написал на ней: «Попался. В следующий раз убью» — и поставил ящик сразу за пачкой документов. Походило на то, что осуществляется одна из моих свирепых юношеских фантазий. А впрочем, какая разница? Это лучший способ наказать мерзавцев и научить их держаться подальше. Когда кто-нибудь попытается достать из ящика документы, мышеловка сработает, а заодно порвет ленту, которую я разложил определенным образом, чтобы сразу узнать, заглядывали гости на огонек или нет.

Первый шаг сделан.

* «Каталог птиц» (фр.)

получила их по рецепту — у меня был незаполненный, но с подписью врача. В тот день, когда мы катались по озеру, я настолько одурела, что едва держалась на ногах. Однако лекарства помогали мне говорить и сопротивляться программе.

— Ты нарочно принимала наркотики? — изумился я. (Макс Каррадос давно бы обо всем догадался, но на то он и сыщик.) Бум!

— Да. После нашей прогулки — почти постоянно. И мне с каждым разом становилось все лучше. Но надо было делать вид, чтобы защитить нас обоих, что я продолжаю обрабатывать тебя. В тот вечер здесь, — бум! — Карлос, когда я была с тобой, неужели ты думаешь, что я тебя обманывала?

Голос-фагот, хриплый от душевной муки. Отдаленные раскаты грома. Всполохи во мраке, уже не такие отчетливые, как раньше: миг прозрения близился к концу.

— Но что им нужно? — воскликнул я.

— Блесингейм считает, что твои исследования могут разрешить затруднения, которые возникли у них при попытке снабдить достаточным количеством энергии боевую установку, стреляющую пучком частиц. Они надеются, что смогут извлечь энергию из тех микроизмерений, которые ты изучаешь. — Бум! — По крайней мере, так мне показалось из того, что я слышала.

— Идиоты! — Впрочем, в чем-то они, возможно, правы. Я и сам пришел почти к такому же выводу. Столько энергии... — Блесингейм — дурак набитый! Он и его тупицы-начальники из Пентагона...

— Пентагон! — крикнула Мэри. — Карлос, эти люди вовсе не из Пентагона. Я не знаю, откуда они: может быть, из Западной Германии. Они похитили меня прямо из квартиры. Я работала в статистическом отделе министерства обороны. Пентагон тут ни при чем!

— Но Джереми... — Бум! Меня начало выворачивать наизнанку.

— Понятия не имею, как он с ними связался. Но кто бы ни были, они очень опасны. Я боюсь, что они убьют нас обоих. Тебя уже собирались, потому что думают, что ты их дурачишь. С самой нашей прогулки по озеру я принимаю ТНПП и МДМА в лошадиных дозах и твержу им, что тебе ничего не известно, что ты еще не вывел формулу. Но если они узнают, что ты понял...

— Господи, как я ненавижу эти шпионские страсти! — в моем голосе прозвучала горечь. А эта хитроумная ловушка в кабинете, расставленная, чтобы предостеречь Джереми...

Дождь припустил сильнее. Я позволил Мэри отвести меня вниз. Времени в обрез. Нужно попасть в кабинет и убрать мышеловку. Но Мэри впутывать не стоит; я вдруг испугался за новообретенную союзницу больше, чем за свою собственную жизнь.

— Мэри, скажи, — проговорил я, когда мы очутились в комнате, но кое-что вспомнил и понизил голос до шепота: — Моя квартира прослушивается?

— Нет.

— Господи Боже! — А я-то столь усердно играл в молчанку? Должно быть, она сочла меня душевнобольным. — Все в порядке. Мне необходимо сделать несколько звонков, а домашний телефон наверняка прослушивается. Придется выйти на улицу. Но ты оставайся здесь. Поняла? — Она принялась было возражать, но я остановил ее. — Пожалуйста! Я скоро вернусь. Оставайся здесь и жди меня, договорились?

— Хорошо.

— Обещаешь?

— Да.

ОА. Выйдя на улицу, я повернул налево и направился к зданию факультета. Дождь хлестал мне в лицо; я машинально собрался было вернуться в квартиру за зонтиком, но потом раздраженно отогнал эту мысль. Гром еще время от времени погромыхивал где-то в отдалении, но ослепительные — ослепительные, говорю я, разумея, что различал какой-никакой свет в крошечной тьме, — ослепительные вспышки, которые на миг словно наделили меня зрением, больше не повторялись.

Я бранил себя за тупость и самонадеянность. Мол, выводил из теорем аксиомы (наиболее распространенный среди людей логическо-синтаксический порок?), вступив в противоборство с силой, природы которой не понимал, оказался в серьезной опасности, да и вдобавок поставил под угрозу жизнь Мэри. Чем дольше я размышлял, тем страшнее мне становилось, пока наконец я не перетрусил так, как должен был с самого начала.

Ливень сменился моросью. Было прохладно, ветер задувал редкими порывами. По мокрой Двадцать первой улице проносились машины, гудевшие, точно голос Мэри, повсюду журчала, плескалась и капала вода. Я миновал угол улиц Двадцать первой и Кей, где обычно стоял со своей тележкой Рамон, порадовавшись тому, что сейчас его здесь нет, что не нужно проходить мимо друга в молчании, не нужно, быть может, притворяться, что не слышишь веселого приглашения купить горячие крендельки или просто приветствия. Мне жутко не хотелось обманывать Рамона. Однако если бы пришлось, насколько это было бы легко! Пройти мимо — и все: он ничего и не заметит.

Я изнывал от тошнотворного ощущения собственного бессилия, в котором слились воедино все мелкие раздражения, все познанные на опыте пределы моей жизни. Они поднялись и захлестнули меня волной страха и дурных предчувствий, словно вспышки молний, раскаты грома и проливной дождь. Где я, куда иду и как могу еще куда-то идти?

Требовалось разьединить страх на составляющие, ибо, если так пойдет и дальше, неминуем полный паралич. Страх уже парализовал меня: мне казалось, я никогда не оправлюсь от наркотиков, помешанных в кофе Блесингеймом; они как бы настойчиво не выпускали Карлоса Невского из своей галлюциногенной реальности. Я вынужден был остановиться и опереться на трость.

И тут услышал шаги. «Бэнши» Генри Кауэлла начинается с царапанья ногтей по тротуару внутри рояля. Точно такая же музыка зазвучала в моей нервной системе. Я различил шаги трех человек, которые замерли в некотором отдалении через секунду после того, как я встал посреди тротуара.

Какое-то время сердце стучало так громко, что заглушало все прочие звуки. Я постарался овладеть собой, глубоко вдохнул. Вполне естественно, что за мной следят. Вполне естественно. А в кабинете...

Я двинулся дальше. Подхлестываемый ветром, вновь пошел дождь. Я мысленно выбрался: попробуйте-ка что-нибудь услышать, когда дождевые капли барабанят по асфальту и бетону, и кажется, будто тебя со всех сторон окружает вселенское «кап-кап-кап». Тем не менее, зная о преследователях, я все же улавливал их шаги — трое или четверо (скорее всего, трое) шагали за мной по пятам, не быстрее и не медленнее моего.

Пора отрываться. Вместо того чтобы продолжать идти по Двадцать первой улице, я решил свернуть на Пенсильвания-авеню. Посмотрим, что они предпримут. Машин вроде бы не слышно. Я быстро пересек улицу, чуть не выронив трость, которой задел бор-

дюр, а затем, попытавшись притвориться, словно все вышло совершенно случайно, повернулся лицом к проезжей части: локатор очков тихонько засвистел, и я понял, что приближаются люди, хотя шагов за дождем было не различить. Горячее, чем когда-либо прежде, я благословил свои очки и поспешил прочь, стремясь, впрочем, показать, что тороплюсь только из-за непогоды.

Дождь и ветер, гул электродвигателя, шелест шин проезжающего автомобиля... В этот грозовой весенний вечер Вашингтон представлялся необыкновенно тихим, как бы вымершим. Шаги за спиной послышались снова. Я заставил себя идти спокойно, чтобы преследователи ничего не заподозрили. Так, всего лишь вечерняя прогулка к зданию факультета...

На углу Двадцать второй улицы я повернул на юг. «Хвост» не отставал: это действительно был «хвост», иначе с какой стати им понадобилось вслед за мной делать такой крик? Мы приближались к университетской больнице, у подъезда которой царил оживление — сновали туда-сюда люди, с противоположной стороны улицы доносились голоса, обсуждавшие некий фильм, кто-то складывал зонтик, проезжали машины... Шаги преследователей несколько отделились, я едва их различал.

Чем меньше расстояние отделяло меня от Гельмановской библиотеки, тем быстрее становился пульс, тем стремительнее мелькали в голове разные планы, которые я один за другим отвергал. Ясно, что на улице мне от «хвоста» не оторваться. А вот в здании...

Локатор тихонько свистнул, я понял, что добрался до цели, и торопливо поднялся по ступенькам. Входная дверь нашлась не сразу, и я изрядно перетрухнул. Нет, все в порядке. Шаги преследователей зазвучали отчетливее. Я юркнул в дверь, забился в кабину единственного лифта и нажал кнопку седьмого этажа. Лифт какое-то время помедлил, словно кого-то ожидая, потом створки, слава Богу, закрылись, и я в одиночестве поехал вверх.

Библиотека Гельмана отличается любопытной особенностью: в здании нет лестниц, которые вели бы на шестой и седьмой этажи — на тех расположены кабинеты, а собственно библиотека ниже, — если не считать находящихся снаружи пожарных выходов. Чтобы попасть в какой-либо кабинет, нужно воспользоваться лифтом, на что я неоднократно жаловался, поскольку любил ходить по лестницам. Теперь же я благословлял проектировщиков, ибо получил некоторый запас времени. Лифт остановился. Я вышел, повернулся, протянул руку и нажал на кнопки всех семи этажей. Только когда двери закрылись, мне пришлось в голову, что стоило попытаться найти кнопку «стоп»: тогда отключилось бы питание. Я выругался, закусил губу и побежал к своему кабинету, а очутившись у двери, принялся шарить в карманах, разыскивая ключ и досаду на совершенную ошибку.

Ключ упорно не желал находиться.

Я постарался успокоиться, ощупал поочередно всю связку, нашел нужный ключ, открыл дверь, оставил ее распахнутой настежь, бросился к картотечному шкафчику, выдвинул средний ящик и очень осторожно просунул руку за документы.

Мышеловки не было. Они узнали, что я все понял.

АО. Понятия не имею, сколько простоял у шкафчика, погруженный в размышления; должно быть, не слишком долго, хотя успел составить и отвергнуть множество бредовых планов. Очнувшись, я подошел к столу и вынул из верхнего ящика ножницы, после

чего взялся рукой за шнур питания компьютера, дошел до стены, нащупал розетку, выдернул вилку, раздвинул ножницы, вставил одно острие в отверстие розетки, надавил и резко повернул.

Меня ударило током. Тело пронизала боль, я на мгновение лишился чувств, а когда пришел в себя, обнаружил, что стою на коленях, прижавшись спиной к картотечному шкафчику.

(В молодости я считал, что у меня аллергия на новокаин, а потому дантист сверлил мне зубы без наркоза. Это было чертовски неудобно, однако боль разительно отличалась от обычной: была, так сказать, запредельной. То же самое случилось и при замыкании. Впоследствии я расспросил своего брата электрика, и он подтвердил, что человеческая нервная система и впрямь способна воспринять до шестидесяти герц переменного тока. «Когда бьет, всегда кажется, будто накатывается волна». Еще он добавил, что я мог погибнуть, ибо насквозь промок. «Ток сводит мышцы, и человек словно прирастает к проводнику. Тебе повезло. На ногах волдырей нет?» Разумеется, волдыри были.)

Я кое-как поднялся, в левой руке пульсировала боль, в ушах громко гудело. Я подковылял к кушетке, возле которой стоял маленький столик, включил настольную лампу и приблизил к ней лицо. Светло. Значит, в здании по-прежнему есть свет, и авантюра с ножницами привела лишь к тому, что я стал хуже слышать. Охваченный паникой, я выбежал в коридор и кинулся в приемную декана, вспомнив тот давний день, когда неожиданно выключили электричество и я получил возможность покрасоваться перед зрячими, выступил, что называется, в роли слепого поводыря. За столом Дельфины находилась панель — заподлицо со стеной... Как ее открыть?.. А, вот ручка. Прерыватели выстроились в строго вертикальный ряд. Я перевел их, все до единого, в правое положение, после чего вернулся к себе и вновь подсел к лампе. Ощущения света не возникло. Похоже, лампа остывала. Выходит, теперь на седьмом этаже темным-темно.

Я глубоко вздохнул и напряг слух. Очки пищали неестественно громко, поэтому я снял их и положил на книжную полку, что смотрела на дверь, а потом проверил радио, все еще сомневаясь, полностью ли отключил питание. Радио молчало. Я выглянул в коридор, запрокинул голову к потолку. Как будто света нет; впрочем, разве я смог бы различить лампу, даже если бы она и горела?

Ладно, предположим, что свет погас везде. Я возвратился в кабинет, взял со стола скобкошпатель и стакан, поставил их на пол рядом с картотечным шкафчиком, затем подошел к книжному шкафу, собрал все пластмассовые многогранники — сфера казалась на ощупь большим бильярдным шаром — и тоже положил на пол, а потом, пошарив вокруг, отыскал упавшие ножницы.

В коридоре послышался шум: открылись двери лифта.

— Темно...

— Тсс!

Осторожные шаги.

Я на цыпочках подкрался к двери. Сейчас можно было сказать наверняка, что «гостей» трое. Внезапно я сообразил, что из кабины лифта должен падать свет, и отошел в глубь кабинета.

(Макс Каррадос однажды очутился точно в такой же ситуации. Он просто заявил, что держит в руках пистолет и пристрелит первого, кто шевельнется. В его случае это сработало. Однако я понимал, что в моем положении подобные действия ни к чему не приведут. Вербальная нереальность...)

— Вон туда, — прошипел кто-то. — По одному, и тихо! Приглушенное шарканье ног, три негромких щелчка (предохранители?). Я притаился у картотечного шкафчика, затаил дыхание, словно слился с тишиной, чего им никогда не добиться. Если они что и услышат, то разве только мои очки.

— Здесь, — прошептал тот же голос. — Дверь открыта. Осторожнее!

Они дышали быстро и шумно. Троица собралась у двери. Кто-то произнес: «У меня есть зажигалка». Я примерился и швырнул на голос ножницы.

— А-а-а! — Металлический лязг, глухой удар о стену, встревоженные голоса: — Что такое? Бросил нож... А-а-а...

Я швырнул скобкошпатель. Бам! Должно быть, мимо, в стену. Теперь додекаэдр. Не знаю, попал или нет. Я подбежал к двери, и тут меня окликнули: «Эй!» Я метнул в ту сторону похожую на бильярдный шар сферу. Понк! Звук был такой, какого я в жизни не слышал (хотя среди игроков в бипбол немало тех, кому попадали мячом в голову, и звук при ударе получается вроде этого — словно гудит пустая деревянная бочка). Бандит рухнул на пол: как будто захлопнулась автомобильная дверца. Судя по шуму, он выронил пистолет. Бах! Бах! Бах! Стреляли в дверной проем. Я лег и быстро пополз назад, к картотечному шкафчику; в ушах звенело, почти ничего не было слышно, страх будто забивался в ноздри вместе с запахом пороха, что проникал в кабинет из коридора. Что они предпримут? Неизвестно. Пол кабинета устилал ковер, глушивший всякие звуки. Я раскрыл рот, напряг слух, пытаюсь различить свист очков. Те подадут сигнал, если бандиты ворвутся внутрь. Пока же очки тихонько попискивали; я их еле слышал, ибо уши у меня заложило от грохота выстрелов.

Я взвесил на ладони стакан — стеклянный цилиндр с толстыми стенками и тяжелым дном. Свист внезапно усилился, в коридоре раздался новый звук: кто-то чиркнул зажигалкой...

Я швырнул стакан. Звон разбитого стекла. В кабинет вошел человек; я схватил и метнул пентаэдрон, который врезался в дальнюю стену. Остальные многогранники куда-то подевались, хотя я помнил, что положил их возле шкафчика. Я съезился и снял с ноги ботинок...

Человек смахнул с полки мои очки. Я кинул ботинок и, по-моему, попал, но ничего не произошло, разве что я оказался безоружен. Сейчас он подойдет, щелкнет своей чертовой зажигалкой, увидит и убьет меня...

Когда прозвучали выстрелы, я решил, что либо стрелявший промахнулся, либо я не почувствовал, как в меня угодила пуля. Но потом сообразил, что одни выстрелы доносились из коридора, а другие, ответные, — от книжного шкафа. Шум упавших тел, прерывистое дыхание, судорожные движения... я дрожал с головы до ног, съезжившись за шкафчиком.

И вдруг в коридоре послышался гнусавый стон, будто кто-то запыливал на альте.

— Мэри? — воскликнул я, выбежал в коридор и споткнулся о ее ноги. Она сидела, прислонившись к стене. — Мэри! — Кровь под рукой...

— Карлос! — выдавила она, похоже, чему-то удивляясь.

АА'. Бесконечные мгновения запредельного страха. Я никогда еще не испытывал ничего подобного. Звон в ушах, руки ощупывают тело Мэри, губы снова и снова произносят ее имя. Из раны в плече сочится кровь. Дыхание тяжелое, с присвистом. Я согнулся, схватился за живот: меня затошнило от

страха. У стены лежит единственный человек, которого мне хватило смелости полюбить; она ранена, истекает кровью и вот-вот потеряет сознание. Если она умрет, если я утрачу ее...

Знаю, знаю. Как можно быть таким эгоистом? Первая аксиома. Однако мы ведь едва знакомы. Мне известны только «мы», только то, что я чувствовал. Всем нам известно лишь то, что мы чувствуем.

В каждом адроне заключены целые зоны — так кажется сильно напуганному человеку. Я познал это на собственном опыте.

Наконец я набрался мужества и на минутку покинул Мэри, чтобы позвонить. Телефон, по счастью, работал. Номер истошных воплей и отчаянных призывов о помощи.

Я принялся ждать в темноте, столь отличной от той, к которой привык, что даже поразился. Поразились тому, что иду по жизни, не видя солнечного света.

А затем прибыла помощь.

АА'. Нам повезло: рана Мэри оказалась не слишком серьезной. Пуля прошла навылет. Плечо заживало долго, но в остальном мои страхи были беспочвенны. Я узнал об этом в больнице. Врач вышел ко мне где-то через час после того, как мы приехали туда; напряжение отпустило, нахлынуло облегчение — немислимое облегчение; голова закружилась, и меня вновь начало подташнивать. Время потекло с прежней скоростью.

Потом меня допрашивала полиция, Мэри долго объяснялась со своим начальством, после чего мы вдвоем отвечали на вопросы агентов ФБР (на все эти разговоры ушло несколько дней). Двое бандитов погибли — один от удара сферой в висок, второй от пули, — а третьего ранило ножницами. В ночь, когда все случилось, я излагал свои соображения, прокручивал пленки, однако до того, как рассвело, полицейские и не подумали отправиться на квартиру Джереми; естественно, когда они туда наконец явились, его там уже не было.

На следующее утро, около десяти часов, я улучил момент, чтобы побыть наедине с Мэри.

— Ты нарушила обещание.

— Да. Я решила, что ты пошел к Блесингейму, и поехала туда, но в квартире никого не было. Тогда я поспешила к тебе на работу, поднялась на лифте на седьмой этаж, сразу услышала выстрелы, плюхнулась на пол, подползла к тому типу, которого ты прикончил, подобрала пистолет, а промедлила потому, что никак не могла разобраться, кто где. Ты молодец!

— А...

— Ты прав, я нарушила обещание.

— Я рад.

— Я тоже.

Наши руки соприкоснулись, пальцы переплелись, я наклонился и опустил голову на ее здоровое плечо.

СС'. Пару дней спустя я спросил у Мэри:

— Но что означали твои чертежи и при чем тут теорема Дезарга?

Она засмеялась, и меня словно вновь ударило током.

— Понимаешь, в мою программу нарочно включили множество геометрических вопросов, которые я послушно тебе задавала и одновременно старалась понять, что им нужно. А позже: как мне предупредить тебя. Если уж на то пошло, теорема Дезарга — единственное, что я запомнила из курса геометрии. Ты ведь знаешь, я занимаюсь статистикой, которой

геометрические понятия ни к чему... Я чертила, чтобы привлечь твое внимание. В чертежах было зашифровано сообщение. Ты изображался как треугольник на первой плоскости, я — как треугольник на второй, нами обоими управляла точка проектирования...

— Я так и думал!

— Правда? А рядом с этой точкой я нацарапала ногтем крохотное «j»,* чтобы ты догадался, что Джереми — враг. Ты почувствовал букву?

— Нет. Я пропускал чертежи через ксерокс, а он такие пометки не берет. — Выходит, на моих чертежах отсутствовал ключевой элемент.

— Я все же надеялась, что ты ее обнаружишь. Глупо, конечно, во всяком случае, мы трое представляли собой три коллинеарные точки в плоскости, которая означала твои исследования.

— Ну и ну! — воскликнул я со смехом. — Ничего подобного мне в голову просто не приходило. Однако идея замечательная.

С. Впрочем, мне кажется, что чертежам присущ явно выраженный смысл. Точки (события) определяют, кто мы такие. Наши естества, недостатки и компенсации — характеристики равнобедренных треугольников, проектируемых друг на друга: одни параметры искажаются, другие подчеркиваются. Да. Фантастически сложная топология, сведенная к заурядным евклидовым треугольникам. Восхитительно.

СВА. Когда я рассказал обо всем Рамону, он засмеялся.

— Выходит, математик ничего не понял! Видно, было слишком просто.

— Не знаю, не знаю...

— Погодите. Вы велели своей подружке никуда не выходить, хотя предполагали, что в кабинете вас ждут эти мордовороты?

— Я не думал, что они меня ждут именно там. Однако...

— Погеройствовали, значит.

— Да уж.

Надо признать, я вел себя как последний идиот. Зашел чересчур далеко. Мне подумалось, что я потерпел поражение в царстве мысли, анализа и планирования — то есть там, где, как считал, был

вполне компетентен, — да, потерпел сокрушительное поражение. А в физическом континууме, в области действий оказался достаточно удачлив — до известного предела, о котором не хочется и вспоминать (глухой удар сферы о череп, тусклое пламя зажигалки). Тем не менее, несмотря на пережитый страх, я радовался случившемуся, ибо, пускай на время, почти вырвался из мира текстов.

PQR. Возьмем две параллельные прямые и проследим до точки пересечения, точки в бесконечности. В новом осязательном пространстве.

Естественно, Мэри поправились далеко не сразу. Похищение, зомбирование, перестрелка, наркотики, которыми ее пичкали похитители и которые она принимала сама — все это не могло не сказаться на ее здоровье. Она провела в больнице не одну неделю. Я приходил к ней каждый день, и мы разговаривали часами.

И опять-таки, естественно, нам потребовался какой-то срок, чтобы разобраться не только в отношениях с властями, но и в наших собственных отношениях. Что реально и постоянно, а что — результат случайного стечения обстоятельств? Попробуй-ка определить.

Возможно, мы так до конца и не разобрались, что к чему. Начало взаимоотношений сохраняется в памяти навечно. В нашем же случае мы узнали друг о друге то, что при иных обстоятельствах (и это, вероятно, было бы наилучшим исходом) никогда бы не произошло. Я догадывался, что и годы спустя, когда рука Мэри прикоснется к моей, буду ощущать те же первобытные страх и восторг, какие испытал при первом подобном прикосновении, и вздрогну, почувствовав таинственную близость неведомого... Порой, когда мы сидели рука в руке, вдруг чудилось, что вокруг бушует гроза, которая, может статься, оборвет наши жизни. Теперь мне ясно, что любовь, выкованная среди превратностей и опасностей, сильнее всякой другой любви.

Доказательство этого я оставляю читателю.

Перевел с английского
Кирилл КОРОЛЕВ

* Заглавная буква имени Джереми.

Ким Стэнли Робинсон. Слепой геометр.

О ВАС УСЛЫШИТ ВСЯ МОСКВА,

**если вы разместите рекламу своей фирмы
в программах радиокompании «Москва».**

Миллионы жителей столицы и Подмосkовья слушают наши передачи утром и вечером по первому каналу московской городской сети (1 программа), на СВ-355 м и УКВ 66,44 мГц, а также на волне 4,52 м

Звоните: 233-71-38, 233-79-83, 233-60-42, 233-79-74

Владимир
Рогачев

АРСЕНАЛЫ XXI ВЕКА

ЭКСПЕРИМЕНТ

*После публикации статьи В. Рогачева «До Луны мы дотянемся. Марсу придется подождать» в «Если» №5-6 в редакцию поступило немало раздраженных откликов читателей, упрекающих автора в «отсутствии фантазии», «превратном толковании достижений в области освоения космоса». Мы разделяем желание читателей уже лет через тридцать ступить на почву «красной планеты», однако предлагаем вспомнить нашу давнишнюю договоренность: специалисты, выступающие на страницах журнала, в своих прогнозах обязаны опираться на факты и тенденции современной науки. И, кстати, если в момент подготовки статьи В. Рогачева в прессе возник внезапный ажиотаж по поводу ближайшей — буквально в течение десятилетия — совместной русско-американской экспедиции на Марс, то сейчас эта тема напрочь исчезла со страниц периодической печати. Как это ни грустно, наш автор оказался прав: никаких реальных возможностей для освоения Марса в ближайшие 50-60 лет нет...
Нынешняя тема его выступления куда более опасна. Вооружение будущего — принципы и применение. В повести С. Робинсона именно это послужило причиной охоты на главного героя.*

Человечество стоит на пороге нового тысячелетия. Хотелось бы верить, что за последнее столетие люди, исходя из горького опыта весьма успешного уничтожения себе подобных, осознали необходимость отказа от войн, как средства разрешения споров. Однако приходится констатировать, что поводов для большого оптимизма, увы, нет. А потому, наверное, стоит попытаться дать прогноз того, какие новинки появятся в армейских арсеналах в не столь уж отдаленной перспективе.

Если посмотреть, как на протяжении последних примерно 40 лет шло развитие наиболее мощных и опасных систем вооружений — ядерного оружия и средств его доставки, — то вполне отчетливо прослеживается тенденция перехода от сверхмощных систем, способных причинить колоссальные разрушения и вызвать огромные человеческие жертвы, к значительно менее мощным, но более точным. Эта тенденция косвенно подтверждается и в выступлении в 1993 году отца американской водородной бомбы, одного из авторов программы «звездных войн» физика Эдварда Теллера. Он, в частности, предложил использовать для нанесения ударов по территории противника небольшие ядерные заряды мощностью в 100 тонн ТНТ (для сравнения, мощность атомной бомбы, сброшенной на Хиросиму, составляла 13 000 тонн). Атомная бомбардировка такими зарядами разрушит инфраструктуру страны, а гражданское население, по мнению ученого, необходимо заранее предупредить, и оно покинет опасные зоны. По словам Теллера, это исключит человеческие жертвы. Так что можно с достаточной уверенностью прогнозировать дальнейшую миниатюризацию ядерных вооружений при одновременном повышении точности попадания.

Вообще в последние годы в наиболее экономически развитых странах наметилась некая тенденция отхода от ядерного оружия. В этом плане весьма примечательна мысль опять же Эдварда Теллера, прозвучавшая применительно к программе СОИ. Еще в 1988 году в газете «Обсервер» он, в частности, писал: «Успехи в области уменьшения размеров различных устройств и использование последних достижений электроники и вычислительной техники привели к разработке небольших оборонительных систем, которые, обладая большой скоростью, поражают наступательную систему оружия. Легкий и дешевый «бульжник», выпущенный из сделанной по последнему слову техники «рогатки», способен уничтожать относительно небольшие объекты, такие, как танк или ракета, но его нельзя использовать для широкомасштабного уничтожения.

Достижения в плане повышения точности, основанные на использовании датчиков и компьютеров, вмонтированных в такие «бульжники», как представляется, сделали ненужным взрывчатое вещество».

Вместе с тем не стоит обнадёживать себя мыслью, что все оружие, способное взрываться, в скором времени окажется на свалке. Не стоит забывать о все-таки возможной ситуации, когда астрономы обнаружат, что в направлении Земли летит крупный астероид или даже комета. На поверхности нашей планеты сохранились чудовищные отметины от подобных катаклизмов, способных уничтожить целые страны если не вообще всю жизнь на Земле. Вот тогда термоядерный заряд мощностью в десятки мегатонн выступит в роли спасителя человечества. Ракета с такой боеголовкой способна, взорвавшись, изменить траекторию полета космического «агрессора» или даже уничтожить его. Автором идеи столь необычного применения ядерного оружия снова был Эдвард Теллер.

В последние годы ведется интенсивная разработка «несмертельного» оружия или, как часто его называют, «несмертельных средств поражения». По словам специалистов, их можно разделить на две категории: для использования против живой силы и для выведения из строя техники. Основные усилия по разработке таких боевых систем для 21-го столетия сконцентрированы на следующих направлениях: создание мощных генераторов низкочастотных акустических колебаний (инфразвук), вызывающих у человека чувство страха, судороги, рвоту. Предполагается, что колебания будут такой частоты и мощности, что смогут на сравнительно небольшом расстоянии выбивать окна, лишать человека дееспособности и даже повреждать его внутренние органы; разработка крылатых ракет, оснащенных мощными генераторами электромагнитного импульса (ЭМИ); получение химических веществ, способных, в частности, делать дороги и переправы столь скользкими, что они становятся непроходимыми для техники; синтез соединений, мгновенно разрушающих резиновые части боевых машин. Фактически это означает создание сверхклейких, сверхскользких, быстротвердеющих, затемняющих оптические элементы, засоряющих фильтры веществ. Кроме того, существуют планы получения бактерий, которые, попадая в резервуары с топливом, очень быстро превращают его в непригодное для использования желе.

Ведутся работы и по другим направлениям. В частности, предпринимаются попытки создания оптического оружия — артиллерийского снаряда, заполненного пластиковыми лазерными стержнями. При взрыве он дает столь яркую вспышку, что вызывает временное ослепление живой силы и оптических датчиков. Сейчас в США ведутся работы по использованию лазерного локатора (лидара) спутникового базирования для обнаружения мобильных пусковых ракетных установок.

Безусловно, изменится и военная авиация, где предполагается более широкое использование беспилотных летательных аппаратов (БЛА). Уже в настоящее время руководство Пентагона собирается применять БЛА для доставки нейтрализующего оружия и сбора необходимой для его применения развединформации. Ведутся работы по созданию БЛА, использующих для питания двигателя энергию солнечного излучения и способных оста-

ваться в воздухе недели и даже месяцы.

Видимо, продолжится разработка бомбардировщиков и истребителей-бомбардировщиков по технологии «стелс», позволяющей им оставаться практически невидимыми для РЛС систем ПВО противника. Кроме того, было бы совершенно неоправданным исключать возможность появления качественно новых самолетов. В частности, уже давно ведется дискуссия относительно загадочного американского гиперзвукового самолета-разведчика «Аврора», якобы способного летать на высоте более 40 км со скоростью, примерно в 6 раз превышающей скорость звука. Появлялись в печати сообщения и о странных, напоминающих летающие тарелки, летательных аппаратах, которые вроде бы видели в районе американской пустыни Мохаве.

Судя по различным специальным публикациям, крылатые ракеты также найдут весьма широкое применение. Предполагается, что боеголовки с генераторами ЭМИ, которыми будут оснащены ракеты дальностью действия около 2,5 тысяч км, смогут выводить из строя электронное оборудование противника, делая, по словам специалистов, «слепыми и глухими» командные пункты, выводя из строя системы зажигания автомобилей, детонаторы и РЛС. Помимо этого перспективного плана можно привести и куда более свежий пример использования крылатой ракеты «Томагавк». Во время войны в районе Персидского залива по некоторым электростанциям Ирака нанесли удары «Томагавками», боеголовки которых были начинены вместо взрывчатки графитовыми стержнями. Попадая на провода, они вызвали короткое замыкание и временно выводили всю станцию из строя.

Что касается сухопутных сил, то, согласно существующим прогнозам, армии большой численности уступят место сравнительно небольшим подразделениям специалистов, которые будут вести борьбу с противником, не вступая в непосредственный контакт с ним.

Новым войскам понадобится куда меньше частей обеспечения и поддержки, но гораздо больше — информации. Значительно упростится управление боем. Здесь главную роль предстоит сыграть различным искусственным спутникам Земли: через них и непосредственно с них будет поступать вся текущая информация, они также обеспечат передачу приказов из главного штаба командирам оперативно-тактических подразделений.

Все это, конечно, предполагает широкое использование компьютеров, а также боевых систем с элементами искусственного интеллекта, который расширит возможности операторов: рассчитает исход применения определенной огневой тактики, решив проблему расщепления огня или предупредит о представляющей наибольшую опасность цели.

Более широкое применение компьютеров вызывает и ответную активную разработку средств борьбы с ними. Помимо использования разрушающих электрические цепи ЭМИ, планируется внедрять в системы ЭВМ различного рода дезинформацию и компьютерные вирусы, которые способны выводить из строя локаторы ПВО и пусковых ракет-

ных установок, разрушать базы данных, системы управления связи и разведки.

Завершая попытку дать прогноз развития систем вооружений в следующем веке, хотелось бы остановиться еще на одном направлении. Как не трудно заметить, все перечисленные разработки ориентированы в первую очередь на уничтожение техники, укреплений, инфраструктуры, но не людей. Однако существуют вполне конкретные свидетельства того, что в различных странах разрабатываются способы использования скрытых возможностей человека. Еще в 1982 году американский генерал Маршалл Тэрман задавался вопросом, а не могут ли некоторые области только вырисовывающейся нетрадиционной психологии дать американскому солдату преимущество над противником? По его словам, он имел в виду «ускоренное обучение, инференциальный фокус, предварительное зрительное восприятие, психокинез и биоккинез, дальновидение, биофизические методы предотвращения стресса и т.д.». В итоге в 1984 году вооруженные силы США провели 5-месячный эксперимент, получивший название проект «Джедай» (в честь рыцарей из фильма «Звездные войны», которые использовали так называемую «силу» для совершения различных подвигов, включая владение оружием с завязанными глазами). Армия испытала нейрорлингвистическое программирование (НЛП) для обучения новобранцев стрельбе из пистолета калибра 0,45. НЛП было названо «специфической дисциплиной, разработанной в стремлении человека к совершенству». Однако результаты эксперимента были признаны неубедительными со статистической точки зрения. Как отмечала газета «Вашингтон пост», интерес американских военных к «медитации, паранормальным явлениям и другим необычным средствам улучшения результатов не нов». «В течение последней четверти века различные части вооруженных сил и разведывательных организаций исследуют эти области», — сообщила газета. — Например, в 1952 году доктор Дж.Б. Райн, считающийся старейшиной американской парапсихологии, провел в армии эксперименты по экстрасенсорному восприятию. Десять лет спустя ученые из ВВС устроили аналогичный эксперимент для студентов колледжей.

& Некоторые военные исследовательские бюро стран — членов НАТО разрабатывают сейчас лазерное «ружье». Его луч способен ослепить войска противника значительной численности, к тому же он гораздо дешевле обычных боеприпасов. Это оружие также может выводить из строя оптические и телеметрические системы. По неуточненным данным, Королевские морские силы уже опробовали подобный лазер во время военных событий на Мальвинских островах, когда при его помощи были сбиты три аргентинских самолета.

Недавно состоялась демонстрация последней модели этого оружия. По требованию Международного Комитета Красного Креста был подготовлен отчет. Его составитель — офтальмолог из университета Дюка в США профессор Майрон Вольбарст считает, что это изобретение не должно существовать, поскольку оно окончательно лишает людей зрения.

В действительности, американская армия уже располагает пучковым оружием («Кобра» и «Дейзер»), специально предназначенным для этих целей.

По материалам журнала «Science & vie»

В 70-х годах сотрудники ЦРУ и Агентства национальной безопасности приняли участие в экспериментах по выявлению экстрасенсорных способностей Инго Суонна и Пэта Прайса описывать удаленные места, лишь зная, на какие географические координаты «смотреть». Если бы эксперимент удался, то разведслужбы получили бы идеального шпиона — человека, который мог бы «бродить» по миру незамеченным. Вопрос о реальности такого «умственного шпионажа» остается спорным.

А вообще-то перспектива получить в свои руки возможность, сидя в Вашингтоне, узнавать, какие мысли вертятся в головах политических лидеров или высших офицеров вероятного противника, является весьма заманчивой. Не менее привлекательна и идея влиять на состояние на поведение человека, осуществляя фактически скрытый контроль за ним.

И не стоит думать, что только в США ведутся такие работы. Россия добилась на этом поприще весьма впечатляющих результатов. Так, Игорь Смирнов, заведующий сектором психокоррекции Московской медицинской академии, разработал набор технологических процессов, преимущественно компьютеризованных, которые позволяют получать информацию, минуя сознание человека, или корректировать его сознание в случае болезни. Причем, по словам самого разработчика, последствия воздействия такой психотехнологии могут оказаться негативными, поскольку практически любое лечебное средство можно использовать и во вред, а потому необходимо, «чтобы подобные вещи находились в чистых руках, а не в руках мафии». Надо сказать, что работа Смирнова произвела весьма сильное впечатление на американцев, которые даже хотели использовать эту методику в борьбе с лидером одной из религиозных сект. Правда, тогда пустить открытие в дело не удалось.

С грустью приходится констатировать, что человек пока не собирается перековывать мечи на орала и не только продолжает создавать все новые, более изощренные методы ведения войн, но даже мечтает научиться контролировать поведение себе подобных отнюдь не во благо человечеству.

Таинственная сущность числа

Герой повести С.Робинсона конструирует свой мир иных смыслов, в котором героями выступают числа и геометрические фигуры. В них, этих реальных персонажах, он открывает неведомые драмы и неизвестную нам магию. Мы ведь не задумываемся над тем, откуда пришли, к примеру, графические изображения цифр и почему один человек предпочитает цифру 7, другой — 13? Почему, читая Библию, мы все время наталкиваемся на цифру 40 (40 лет странствовали иудеи в пустыне, 40 дней постился в пустыне Христос, 40 дней Он пребывал с учениками после Воскресения)? Интересно, что человеком, прославившим число, был грек, родившийся в 580 году до нашей эры на острове Самос, неподалеку от Ионийского побережья Малой Азии. Предание слишком мало сохранило подлинных фактов жизни Пифагора. Известно, что он был сыном ювелира, а эта профессия в те времена требовала многосторонних знаний. Также известно, что предки его были или сирийцами или финикийцами. Юношью он провел в путешествиях, и предание намекает, что несколько лет он пробыл в Вавилоне. Он первым назвал себя «любителем мудрости», т.е. ввел термин, известный ныне нам как «философ». Причем основой его философской системы стало число. Его жизнь расцвечена множеством легенд. Рассказывают, что когда он путешествовал по Египту, то был захвачен в плен и отвезен в Вавилон. Затем посетил Персию, где встречался с легендарным мыслителем Заратустрой. Жизнь Пифагора была окружена тайной и почитанием учеников. Те, кого он принимал в свою немногочисленную общину, давали обет молчания, т.е. обязывались не разглашать тайны, которые им раскрывал учитель. Несмотря на то, что учение Пифагора было тайным, все же основные черты дошли до наших дней. Он считал, что Божественное начало растворено в природе и что изучение природы приводит к познанию Божественного. Он признавал бессмертие души, но полагал, что после смерти она переходит в тела других живых существ. Но центром его учения было понятие гармонии, навеванное культом греческого бога Аполлона, пришедшего в Грецию с малоазийского побережья. Именно Пифагору принадлежит честь введения в философский обиход понятия «Космос». Этим словом,

включаящим понятие гармонии, он впервые назвал Вселенную. Он считал, что начало аполлоническое, т.е. светлое, полное соразмерности и гармонии, сочетается с дионисийским, т.е. хаотическим, иррациональным, образуя Космос. Верховным Божеством философ почитал некое огненное Единство, которое пребывает в средоточии Космоса. Два начала Пифагор почитал организующими в жизни мира и человека. Это — музыка, которую он считал лучшей бессловесной проповедью, и математика. Протоиерей Александр Мень отмечал: «Один пифагореец говорил, что есть «божественное знание», приобщающее человека к всеобщей гармонии, которая имманентно, внутренне «присуща вещам». Это знание может быть выражено только на абстрактном языке математики. Математика, по мнению Пифагора, нечто неизмеримо большее, чем подспорье для архитекторов и мореходов. Погружение ума в чистый мир чисел открывает ему то измерение бытия, которое доступно не чувствам, а только интеллекту. Геометрические формы и числа как таковые принадлежат умопостигаемой сущности природы, они больше всех человеческих иероглифов отрешены от чувственных образов. Открытие этого особого мира, сделанное Пифагором, легло впоследствии в основание платонизма. Единица казалась Пифагору наилучшим знаком для «Божественного Единства». Но Пифагор не был лишь отвлеченным философом — он считал, что человек, погружающий свой ум в глубины бытия, призван создавать особый настрой жизни, включающий в себя целомудрие, сдержанность, миролюбие, уважение к древним учениям. Его учение, несмотря на то, что его община напоминала замкнутый религиозный орден, не исчезло. Оно продолжало жить и сыграло решающую роль в жизни другого великого греческого философа — Платона. Когда почти столетие спустя демократические Афины приговорили к казни философа Сократа, его ученик Платон, потрясенный смертью учителя, покидает город. Начинаются годы странствований, во время которых он посещает сначала город Мегары, где встречается с еще одним учеником Сократа — Евклидом. Евклид посвящает его в таинственный мир чисел. Затем он направляется в Египет, где в городе Кирены встречается с другим учеником Сократа — математиком Феодором. Общение со старым ученым было необычайно плодотворно для Платона. Геометрия, которую он

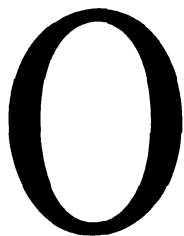
тщательно изучил под руководством Феодора, не только дисциплинировала его ум, но подвела к мысли о реальности мира отвлеченных понятий. Впоследствии философ будет называть геометрию божественной матерью всех наук. В 391 году он отправляется в спартанскую колонию Тарент (нынешний город Торенто), в котором правил пифагореец Архит. Это был редкий человек, сочетавший в себе математика, философа, писателя и государственного мужа. Именно Архит посвятил Платона в глубины пифагорейского учения. Он оказал на него, быть может, не меньшее влияние, чем Сократ. Платон воочию убедился, что мудрость правителя приносит реальные плоды — богатые тарентцы делились с бедными, так что нищета была упразднена в городе. Наблюдения, сделанные Платоном в Таренте, привели его к мысли, что государством должны управлять философы. Впоследствии это утопическое предположение будоражило умы лучших представителей человечества во все времена. Многие тираны притязали на то, чтобы подданные признавали их как великих учителей, любителей мудрости. Средневековые, Возрождение, да и Новое время полны подобных примеров. Встает вопрос: неужели все представления о значимости и таинственности числа только в прошлом? Как относятся к пифагорейству современные ученые? Священник Павел Флоренский в 1920 году напоминал: «...следовало бы пересмотреть вопросы молекулярной, атомной и, вероятно, электронной диссимметрии, т.е. в плоскости числа, а не пространства; биология, в частности наука о наследственности, где существенным признается число хромосом, теория мутаций и т.д. в будущем признают необходимостью воспользоваться обсуждаемым кругом понятий». Достижения современной науки используют числовую информацию в самых неожиданных областях: кто бы мог предположить, что возможно заключить изображение на иконе в числовую информацию? И, тем не менее — это уже реальность. В компьютер закладываются при помощи числовой информации изображения не только полотен выдающихся мастеров, но и такого уникального искусства, каковой является икона. А закончить наш краткий исторический экскурс можно опять-таки словами П.Флоренского: «Число есть, следовательно, некоторый прототип, идеальная схема, первичная категория мышления и бытия».

Подготовил Сергей БЫЧКОВ

РЕЗУЛЬТАТ

Питер Филлипс
Сон – дело святое

Однажды — мне было тогда семь лет — я прочитал рассказ о какой-то нечисти. Той же ночью мне приснился кошмар, а утром я, само собой, побежал к папе.

— Они гнали за мной, па, — я хлюпал и утирал слезы. — А я не мог ни убежать, ни остановить их... — Они большущие, зубастые, с когтями — как на картинке... И я никак не просыпался! Я хотел, но не мог, па!

Отец пробурчал себе под нос что-то про болванов, бросающих где попало дурацкие книги, и про детей, читающих что ни попадя, а потом взял меня за руку своей ручищей и повел на выгон. Он был мудрым человеком — мудрым от своего понимания земли, дающей всем нам и жизнь, и пропитание. И людей он понимал не хуже, чем землю.

Он присел на пенек и протянул мне громадный револьвер.

Это был (как я узнал гораздо позже) тяжелый старый армейский кольт сорок пятого калибра. Но тогда это был для меня просто громадный револьвер. До того я видел и винтовки, и охотничьи ружья — но это! Какой он был тяжеленный! Он так и тянул мою руку к земле, пока отец объяснял мне, как можно целиться.

— Это смертоносная штука, Пит, — говорил па. — Ни в этом мире, ни за его пределами нет твари, которая сможет устоять против его пули. Из него можно убить льва, тигра, а если хорошенько прицелиться, то даже разъяренного слона. Билли может остановить кого угодно, — хоть во сне, хоть наяву. И во сне он теперь всегда будет с тобой, понял? Так что ничего не бойся.

Эти слова я запомнил надолго. Мое запястье опухло и отвратительно ныло от толчка отдачи даже через полчас, но я видел свинцовые капли пуль в барабане, я ощущал в руке твердую стальную рукоять с накладками из тикового дерева! Я целился, глядя вдоль длинного матового ствола, я жал на спусковой крючок, я чувствовал, как мою руку рывком подбрасывает вверх и своими глазами видел отверстие — здоровенную дыру! — пробитую пулей в мешке с зерном.

Вечером, когда я ложился спать, Билли устроился у меня под подушкой, и, прежде чем окончательно погрузиться в сон, я снова и снова трогал его холодную, надежную рукоять.

Когда они появились, я чуть ли не обрадовался. Я был готов к встрече. Со мной был Билли. Он оказался гораздо легче, чем наяву — а может, во сне моя рука была сильнее, — но это был по-прежнему надежный друг. Я выстрелил раз, другой: два чудища упали, расплывшись бесформенными пятнами, а остальные в ужасе бежали.

Мой па не был психиатром, но он придумал отличное лекарство против страха.

Двадцать лет спустя его рецепт был применен уже на строго научной основе — для спасения здоровья, а может быть, и жизни Маршема Красвелла.

— Что ты слышал о нем? — спросил Стив Блэкистон, в прошлом мой однокашник по колледжу, а ныне известный психоаналитик.

— Да так, кое-что, — ответил я. — Научная фантастика, фэнтези. Словом, чтиво для сдвинутых фэнов.

— Ну, не скажи. Пишет он прилично, — Стив кивнул на книжные полки, украшавшие его кабинет в новом Институте психиатрии при Пентагоне. — Мне, например, нравится. Ты ведь не будешь утверждать, что я «сдвинутый фэн»?

Попробовал бы я! Я — жалкий спортивный обозреватель, цена которому — колонка в газете.

— Понятно, что нередко он гонит строчки просто для заработка, — продолжал Стив, — но есть и редкость изобретательные идеи. Последние десять лет он признанный мэтр жанра. Но два года назад он серьезно заболел и, не успев окончательно поправиться, решил снова засесть за работу. Занялся героической фэнтези. Иногда получалось великолепно, иногда — полная ерунда. Он все нахлестывал и нахлестывал свое подсознание, заставлял воображение работать на полную мощность. И не выдержал. Слишком большое напряжение. Теперь он у нас.

Стив поднялся, и мы вышли из кабинета.

— Пошли, я тебе его покажу. Понимаешь, теперь, вместо того чтобы сочинять фантастические миры, он в них живет. Далекие планеты, кошмарные чудовища, невероятные приключения — вся эта фантазмагория стала его средой обитания. Блистательный ум, посадивший себя в клетку собственного вымысла. В конце концов, вымысел может стать для него единственной реальностью, и тогда его уже ничто не спасет. Знаешь, что такое симпатическая магия? Человек воображает, что его заколдовали — и умирает. Если рожденное сном чудище убьет Красвелла, он уже не проснется... Препараты не помогают. Послушай сам... — Стив остановился у койки, на которой лежал, что-то бормоча, Маршем Красвелл.

Я нагнулся и прислушался к тому, что шептали бескровные губы.

— ...по равнинам Истака, чтобы добыть волшебный Алмаз. Я, Мултан, поведу вас, ибо я обрел свой Меч. — Змей должен быть повержен, но только сила Алмаза может превзойти его силу. Вперед же, верные мои соратники!...

Правая рука Красвелла, безжизненно лежащая на одеяле, чуть дрогнула. Он призывал друзей.

— Значит, все еще Змей и Алмаз, — пробормотал Стив. — В этом сюжете он живет уже двое суток. Изредка сознание начинает бороться, он пытается трезво оценить происходящее, вырваться в реальность... Жуткое зрелище. Он пытается побороть кошмар — и не может.

Я вспомнил про Билли, старый добрый кольт сорок пятого калибра, и рассказал эту историю Стиву, пока мы возвращались в его кабинет.

— Превосходно! — воскликнул Стив. — Твоему

отцу надо было стать врачом! Кстати, для спасения Красвелла я собираюсь применить тот же принцип. Но для этого нужен человек, у которого хорошо развитое воображение сочетается со скепсисом. Трезвый ум и чувство юмора. То есть, мне нужен ты!

— Я?! Как же я его буду спасать? Я его даже не знаю! — Узнаешь, — сказал Стив, и от того, как он это сказал, по спине у меня пробежал холодок. — Ты узнаешь его так близко, как не знают друг друга родные братья. Я отправлю тебя — твою личность, твое сознание — в больное сознание Красвелла.

Я оторопел.

А Стив как ни в чем не бывало раскуривал трубку, закинув ногу на подлокотник кресла.

— Никаких чудес. В общем-то, это почти тот же прием, какой применил твой отец. Технически, правда, это будет сложнее. Мы создавали прибор, позволяющий «считывать» образы, возникающие в мозгу пациента — что-то вроде энцефаллографа, только гораздо совершенней. И совершенно случайно обнаружили, что полярность можно менять — то есть можно войти в сознание больного. Сложность в том, что, если воображаемый мир реален для пациента, он будет столь же реален и для врача.

— Стоп! — перебил я его. — Но ведь врач ты, а не я. Почему бы тебе самому не залезть в его мозги? — Стив улыбнулся и дал по мне высоковольтный залп своих серых глаз.

— На то есть три причины. Во-первых, мне нравится его проза. Есть опасность, что я ему поддамся. Ему должен противостоять человек с избытком здравого смысла. И ты, старый циник и выпивоха, для этого отлично подходишь. Во-вторых, если мое сознание будет подавлено, мне никто не сумеет помочь. Тебе же помогу я. И, в-третьих, когда — и если — он придет в себя, он непременно захочет убить того, кто разрушил его сны. Ты никогда больше не встретишься с ним, а я должен закончить лечение.

— Я так понял, у меня есть шанс проснуться кандидатом на койку в соседней палате.

— Если увязнешь в его воображении. Но ведь ты непробиваемый скептик! Так что просто валяй дурака, издевайся над его выдумками — ты отлично это умеешь. Воображение у тебя достаточно богатое, насколько можно судить по твоим репортажам.

Я поднялся, отвесил ему поклон и с наивозможнейшей вежливостью сказал:

— Спасибо, дружище. Ты очень кстати вспомнил про репортажи — завтра вечером мне надо быть на матче в Мэдисон-Сквер Гарден.

— Послушай, Пит! — Стив оказался у двери раньше, чем я, и принялся меня убеждать. Убеждать он умеет. Я не мог отказаться — Стив смотрел на меня умоляюще. А я не привык отказывать друзьям.

Словом, через десять минут я лежал на кушетке. Напротив — на другой кушетке — лежал Красвелл. Стив возился с ним, прилаживая к его голове никелированную кастрюлю, похожую на сушилку для волос. Ассистент надевал такую же штуку на мою несчастную голову. От обеих кастрюль к кронштейнам у изголовья тянулись жгуты проводов. От кронштейнов эти же жгуты уходили в аппарат на колесиках. Аппарат выглядел точь-в-точь, как гвоздь сезона на Всемирной Распродаже Научного Барахла Двухтысячного Года.

В голове у меня крутились тысячи вопросов, но те, что я все-таки успел задать, звучали на редкость глупо.

— Что я должен ему сказать? «Доброе утро,

мистер Красвелл, как поживает ваш обожаемый психоз?» Или мне следует просто представиться по всей форме?

— Скажи ему, что ты Пит Парнелл, а потом действуй по обстановке. Импровизируй. Я в тебя верю!

— Благодарю. А как я узнаю, что пора домой?

— Если ты не вытянешь Красвелла в течение часа, я просто отключу ток, — и он направился к установке. — Счастливых снов!

Я глубоко вздохнул.

Было невыносимо жарко. Два знойных летних полдня одновременно. Два кроваво-красных солнца застыли в раскаленном небе. Я стоял на мягком зеленом газоне, до горизонта покрывающем плоскую, как стол, равнину. Удивительно, но ноги не чувствовали прохлады травы. Я посмотрел вниз. Это была не трава, а пыль. Раскаленная зеленая пыль.

Метрах в трех, изумленно выпучив на меня глаза, стоял гладиатор. Ростом он был не меньше двух метров, бронзовая кожа, бугры мускулов, в руке — длинный сверкающий меч.

Я улыбнулся.

— А ты быстро загораешь, старина, — сказал я. — Пару минут назад ты был бледным, как овечка.

Гладиатор заслонил глаза от двойного солнца.

— Ужель Гарор опять тшится ввергнуть меня в безумие? Обитатель Земли, здесь, на равнинах Истака?! Или я и впрямь лишился рассудка?

Голос у него был глубоким, красиво модулированным.

— Там, откуда я прибыл, эта идея все больше овладевает массами, — сказал я. — В смысле, что ты малость того.

Мой голос звучал совершенно обычно. Вообще же, если не считать исключительно удушающей жары, я чувствовал себя неплохо.

Помните сновидения на границе сна и бодрствования, когда еще можно управлять своими ощущениями? Сейчас я испытывал нечто подобное. Теперь я понимал, что имел в виду Стив, говоря, что я смогу импровизировать. Я оглядел себя. Твидовый костюм, туфли на толстой подошве — ну да, так я и был одет, когда прибыл в больницу. Но в этом пекле, придуманном Красвеллом, не помешало бы что-нибудь полегче.

Сандалии? Отлично! На моих ногах оказались сандалии.

Я расхохотался. Я ведь чуть было не принял его правил игры!

— Слушай, ты не будешь возражать, если я выключу одно солнце? — спросил я. — Жарковато что-то.

Я сурово взглянул на солнце, и оно исчезло.

Гладиатор поднял свой меч.

— Ты — Гарор! — воскликнул он. — Но все твоё волшебство не в силах спасти тебя! — Он ринулся вперед. Сверкающий меч взвился в воздух над моей головой. Пришлось соображать быстро.

Меч лязгнул и круто отскочил от моей стандартной армейской каски. Последний раз я надевал это симпатичное изделие из легированной стали довольно давно, но был уверен, что меч-то она остановит.

Я снял каску.

— А теперь послушай, Маршем Красвелл, — сказал я. — Меня зовут Питер Парнелл, я из воскресной «Стар», и я...

Красвелл взглянул на меня поверх лезвия, мускулы его расслабились, и в глазах появилось такое выражение, будто он меня вспомнил.

— Постой! Я понял, кто ты! Ты Неллпар Ретип, — Человек Семи Лун! Ты явился сюда, чтобы вместе со мною биться против тирании Змея и его нечестивой союзницы — чародейки Гарор. Рад приветствовать тебя, друг!

Он протянул мне огромную бронзовую руку. Я пожал ее.

Я не верил своим глазам — он ухитрился вставить меня в свою историю! Ладно, это было даже забавно. Я постарался собраться. До сих пор мало кому удавалось меня переиграть. А его все несло:

— Мои соратники, Докмены Синих Холмов, — только что пали в кровавой битве. С ними вместе мы преодолели многие препятствия в поисках Алмаза среди равнин Истака... но все это тебе, я думаю, ведомо.

— Допустим, — кивнул я. — И что у нас намечается дальше? — Он повернулся и указал рукой куда-то вдаль.

— Вот картина, способная вселить ужас даже в мое сердце! Гарор вновь жаждет боя, она выслала против нас полчища Ларков — тварей из Верхнего Мира, которые силою ее чар ввергнуты в злоеший симбиоз с инопланетным разумом. Они неуязвимы для обычного человека, но их можно поразить моим Мечом или же твоими чарами, могучий маг Неллпар Семи Лун! Так сразимся же с ними! Сразимся — и победим! — В нашу сторону по пыльной равнине действительно двигалась шеренга... э-э... каких-то тварей. Мой словарный запас явно беднее фантазии Красвелла. Огромные, светящиеся, они то ли летели, то ли двигались длинными прыжками, а выглядели... Одним словом, мне захотелось поискать умывальник, чтобы отплеваться и прополоскать рот. Умывальник возник прямо из воздуха — с мылом, полотенцем и прочими причиндалами. Полный комплект. Я его тут же развеял и уставился в зеленую пыль, пытаясь что-нибудь придумать.

Пару секунд телефонная будка как бы колыхалась в воздухе, потом я ее зафиксировал и заорал в трубку:

— Алло, полиция? Пришлите спецнаряд! Да! Срочно!

Когда я вышел из будки, Красвелл крутил мечом над головой и издавал воинственные вопли. Он готовился достойно встретить чудовищ.

С противоположной стороны донесся нарастающий вой полицейских сирен. С полдюжины фургонов, ревущих так, что зеленая пыль закручивалась смерчками, затормозили у моей телефонной будки. Первый нью-йоркский полицейский, выскочивший из машины, выглядел точь-в-точь как настоящий.

Это оказался Майк О'Фаолин — самый большой, сильный и добродушный полисмен из всех, кого я знаю.

— Майк, — сказал я ему и ткнул пальцем в сторону тварей, — не мог бы ты с ними разобраться?

— С этими-то?.. Моим ребятам здесь работы минут на пять, — ответил Майк, поправил фуражку, подтянул пояс и принялся командовать. Красвелл оторопело наблюдал, как полицейские выскакивают из машин и растягиваются цепью. — Он пошатнулся и прикрыл глаза руками.

— Это безумие! — прошептал он. — Безумие! Что ты делаешь? — Окружавшая нас пустыня словно подернулась рябью. Солнце померкло, и сквозь зеленую полутьму я различил контуры двух кроватей и двух человек, лежащих на них. Затем Красвелл открыл глаза.

Шагов за двадцать от полицейских чудовища начали уменьшаться. Когда они приблизились к патрульным, то стали уже ростом с человека и в два

счета были приведены в чувство ударами дубинок по шипастым мордам. Их пошвыряли в фургоны, после чего колонна машин уехала куда-то вдаль по равнине.

Майк остался. Я сказал:

— Спасибо, старик. Если хочешь, я достану тебе пару билетов на завтрашний матч.

— То что надо, Пит! Завтра у меня как раз выходной.

Черт, а как теперь домой-то попасть? — Я распахнул дверь телефонной будки.

— Сюда.

Он вошел внутрь и исчез. Я повернулся к Красвеллу.

— Ты воистину великий маг, Неллпар! Измысленным Гарор чудовищам ты противопоставил творения собственной фантазии!

Так он опять ухитрился вплести все случившееся в сюжет.

— А теперь — в путь! К замку Змея — это тысяча локспанов по раскаленным равнинам Истака!

— А Алмаз?

— Какой алмаз?

Он, наверное, так старался удержаться в рамках сюжета, что начисто забыл об Алмазе, который только и мог покончить со Змеем. Я не стал ему напоминать.

Но тысяча локспанов по раскаленным равнинам для пешей прогулки, пожалуй, чересчур. Независимо от величины этого самого локспана.

— Красвелл, — сказал я, — зачем ты все так усложняешь?

— Мое имя, — отвечивал он с величайшим достоинством, — Мултан.

— Называя себя как хочешь — Султан, Мултан, Шашлык, Труляля! Я спросил: зачем все так усложнять? Кругом всегда полно такси. Только свистни.

Я свистнул. Появилось такси. Обычное нью-йоркское такси, убедительное до последней детали, включая сутулого небритого водителя, как две капли воды похожего на того грубияна, который подвозил меня к госпиталю.

Нет ничего прозаичнее, чем нью-йоркское такси, да еще с подобным шофером. Его вид просто потряс Красвелла, и зеленые пески вновь заколебались, но он втиснул-таки все это в свой мир!

— Вновь могучие чары! Ты величайший маг, Неллпар! — Ему снова это удалось. Но он буквально дрожал от напряжения, удерживая «на плаву» свой мир, сопротивляясь моим попыткам вернуть его в бесцветную, но истинную реальность.

Я почувствовал внезапную жалость к нему и вдруг осознал, что мне придется заставить Красвелла подняться до самых вершин его фантазии, прежде чем удастся устроить полноценный отрезвляющий душ, который вернет его из страны иллюзий.

Это была опасная мысль. Опасная прежде всего для меня самого.

Тысяча локспанов, как оказалось, равнялись приблизительно десяти кварталам. А может, Красвелл просто хотел поскорее проскочить этот момент, слишком уж напоминающий реальность. Он указал вперед, поверх плеча водителя, и воскликнул:

— Вот он, замок Змея!

Свадебный пирог, вылепленный Сальвадором Дали из красной пластмассы, выглядел бы приблизительно так же: десять ярусов, каждый вроде тарелки в полмили толщиной, причем следующая тарелка поменьше предыдущей, так что все сооружение спирально ввинчивается в раскаленное небо.

Автомобиль въехал в тень и остановился у отвесного края нижней «тарелки». Диаметр этой штуки

был, наверное, мили две. Или три. Или четыре. Что нам мила-другая, если мы спим? — Красвелл выбрался из машины. Я вышел со стороны водителя.

— Полтора доллара, — проворчал шофер.

Небритая квадратная челюсть, низкий лоб, — грязные рыжие волосы, выбивающиеся из-под фуражки.

— Что-то многовато за такую поездку, — сказал я.

— Посмотри на счетчик! — огрызнулся он. — Или мне выйти, чтобы ты раскошелился?

— Да провались ты! — ласково сказал я.

Такси вместе с водителем ушло в песок с быстрой скоростью лифта. Эх, если бы и наяву можно было так...

Красвелл наблюдал за всем этим, разинув рот.

— Извини, старина, — сказал я. — Я, оказываясь, тоже иногда не прочь сбежать от действительности. Ты уж свяжи это как-нибудь с сюжетом, ладно?

Он пробурчал что-то себе под нос и направился к красной стене, в которой виднелись контуры исполнинских запертых ворот.

— Открывай, Гарор! Пришла твоя погибель! Мултан и Неллпар явились сюда, дабы преодолеть все опасности Замка и освободить мир от тирании Змея!

И он забарабанил в дверь рукояткой меча.

— Да тише ты, соседей разбудишь, — проворчал я. — Позвонить нельзя, что ли?

И нажал на кнопку звонка.

Ворота дрогнули и открылись.

— Ты... был здесь раньше?!

— Было как-то раз — после слишком плотного ужина с омарами... Нет, только после вас!

Я пропустил его вперед, а потом и сам вошел в огромный туннель с фосфоресцирующими стенами, возвращавшими гулкое эхо наших шагов. Ворота захлопнулись за спиной. Красвелл вдруг остановился, тут же взглянув на меня. Выражение его лица было странным, но в глазах явно появилась некоторая доля здравомыслия. Он был разгневан, и гнев его относился не к Змею и не к Гарору, а к моей скромной персоне.

А вам было бы приятно, если бы кто-то принялся подминать под себя ваше «я»? Самолюбие — это тигр, которого не стоит будить — ни наяву, ни во сне. Я ведь смеялся не над миром, порожденным бредовым состоянием Красвелла, я высмеивал его самого — его фантазии, его логику.

Он, наверное, и сам не понимал, что с ним происходит.

— Ты ограничен, Неллпар, — сказал Красвелл. — Твои глаза смотрят лишь вовне. Ты слеп для мук творчества. Для тебя все едино: что хрусталь звездного света, что блески на вечернем платье. Ты смеешься над святым безрассудством, но лишь оно одно делает нашу жизнь достойной. Ты срываешь покров с тайны, но разрушаешь при этом не тайну — ибо в мире множество тайн, миллионы покровов наяву и во сне, — ты разрушаешь красоту. И, разрушая красоту, ты разрушаешь свою душу...

Эхо подхватило его последние слова, и они зазвучали, отражаясь от изогнутых стен туннеля, то усиливаясь, то затихая: «Разрушаешь свою Душу... свою ДУШУ... разрушаешь... ДУШУ...»

Красвелл указал мечом куда-то мне за спину и с грозной радостью провозгласил:

— Вот еще один покров, Неллпар. Сорви его! Сорви, иначе он станет твоим саваном! Смотри — это Поглощающий Туман!

Честно говоря, своим монологом он едва не

выбил меня из седла. В первый раз я по-настоящему ощутил его силу — мощь создателя миров.

Я понял, что теперь придется сражаться всерьез, и обернулся.

Заполняя весь проем туннеля, на нас катился густой серый туман. Он надвигался, выпуская вперед плотные отростки, будто жадные щупальца.

— Он живет, но не своей жизнью, — выкрикнул Красвелл. — Он поглощает не плоть, а жизненную силу. Мне он не опасен, Неллпар, ибо у меня есть Меч. Но ты! Сможет ли твоя магия защитить тебя?

— Магия, магия, — проворчал я. — Противогаз М-8 защищает от всех известных отравляющих веществ!

Выдохнуть — надеть маску — расправить ремешки за ушами — открыть глаза — вдохнуть. Все-таки старая выучка немало значит.

Я поправил маску.

— Ну а если это не газ, мы его все равно остановим... — нащупав за плечом распылитель, я отстегнул его и привел в боевую готовность.

Только раз мне приходилось пользоваться ранцевым огнеметом, да и то на учениях, но впечатление осталось сильное. К тому же я организовал себе модель экстра-класса. После первого же залпа (десятиметровая тугая струя гудящего пламени) туман скукожился и убрался туда, откуда пришел. Только гораздо быстрее.

Свечение стен внезапно потускнело, и я различил сквозь него нерезкое, словно снятое не в фокусе, напряженное лицо Стива Блэкистона.

Затем все вернулось, и Красвелл, все тот же бронзовый гигант, озабоченно хмурясь, взглянул на меня.

— Сдается мне, — магия твоя превосходит все доселе известное...

Я сделал такое же лицо, с каким отдаю редактору отчет о расходах — максимум сочувствия и толика осознания собственной вины.

— Твоя беда, Красвелл, что ты просто не хочешь ничего вспоминать. Не хочешь, и все. Больше здесь тебя ничто не держит. А настоящая жизнь, скажу я тебе, не такая уж плохая штука... Слушай, давай плюнем на эту историю и завалимся в кабак, возьмем по стаканчику...

— Не понимаю тебя, — отрезал он. — Мы должны свершить то, что суждено Роком! — И он двинулся по туннелю.

Разговор о выпивке навел меня на забавную идею. В туннеле было так же жарко, как и в зеленой пустыне. А я вспомнил симпатичную шотландскую забегаловку в самом конце Сейшел-стрит в Глазго, сразу за трамвайным парком. И рыжеусого старикана, который услышал, как я нахваливаю какую-то марку местного виски. «Так ты считаешь, что это виски, приятель? — сказал он. — Ну, это только потому, что ты не пробовал настоящего, моей перегонки. На-ка вот, попробуй, только язык не проглоти...» Он вытащил старинную серебряную флягу и налил в мой стакан изрядную порцию золотистого виски. Ничего подобного мне с тех пор пробовать не доводилось — до того момента, пока я не попал в сон Красвелла.

Я повертел в руке стакан и превратил его в старинную серебряную флягу. Нет, что ни говори, а воображение — это, скажу я вам, сила!

Красвелл (я о нем чуть не забыл) что-то бубнил:

— ...у самого Зала Безумия, где колдовская музыка овладевает разумом смертных, где ужасные созвучия сначала лишают воли, а затем убивают, разрушая клетки мозга сочетанием инфразвуковых колебаний. Слушай же!

Туннель кончился, и мы стояли у широкого и длинного спуска, полого уходящего вниз, к центру громадного круглого зала, заполненного голубоватой дымкой, которую способны нагнать пять — десять миллионов дешевых сигарет. Дымка колыбалась в ленивых потоках воздуха, открывая взгляду сумасшедшую конструкцию из труб и клавиатур.

Десяток самых больших органов, поставленных друг на друга, по сравнению с этой машиной выглядели бы не больше игрушечного пианино. За множеством клавиатур (каждая — не меньше дюжины рядов клавиш) сидели восьмируки, а может, паукоиды — не знаю уж, как их там называл Красвелл. А спрашивать я не хотел. Я хотел слушать.

Вступительные аккорды были довольно странными, но вреда они мне не причинили. Затем с нарастающей громкостью стали вступать все новые регистры. Я различил притягательную загадочную партию басов и гобоев, дикое визжание сотен скрипок, пронзительные адские вопли тысячи флейт, плач неисчислимых виолончелей... Хватит, пожалуй. Музыку я люблю и не хотел бы сейчас погружаться в описание этой безумной симфонии, как я погрузился тогда в ее звучание.

Если Красвелл когда-нибудь будет читать все это, — пусть узнает: он выбрал не ту профессию. Ему следовало бы стать музыкантом. Придуманная им музыка показывала недюжинное интуитивное понимание композиции и оркестровки. Если бы он смог повторить нечто столь же грандиозное наяву, то стал бы великим композитором.

Может, даже более, чем великим. Музыка действительно заворачивала. Пронзительный ритм и необузданная мелодия, казалось, пульсировали в моей голове, заставляли мозг гореть, вибрировать...

Представьте себе «Recondita Armonia» Пуччини, оркестрованную Стравинским и аранжированную Хонэггером, которую исполняют одновременно пятьдесят полных симфонических оркестров на главной эстраде Голливуда. Представили? Вот именно это я и почувствовал.

Это было слишком. Да, музыка — мое увлечение. Правда, единственный инструмент, на котором я играю, — губная гармошка. Ничего, с хорошим усилителем и с ней можно устроить неплохой тарарам.

Так, микрофон — и побольше динамиков. Я достал из кармана губную гармошку, набрал в легкие воздуха и врезал «Тайгер Рэг» — мой коронный номер.

Взрывная волна заводного джаза — со всеми синкопами, хрипами и диссонирующими трелями моего карманного органа обрушилась из колонок в круглый зал и безжалостно расправилась с безумной музыкой Красвелла.

Красвелл издав такой вопль, что я подумал, будто ему конец. Разбирался он в музыке или нет, его вкусы в корне отличались от моих. Он ненавидел джаз.

Музыкальный монстр запатался, многорукие органысты, чувствуя неминуемую гибель, усохли и съезжились, превратившись в шустрых черных жучков, неземная игра цвета, пылавшая над клавиатурами, быстро перешла в бледное голубоватое свечение.

Затем вся машина дрогнула, столкнувшись с бурей смявших ее музыку звуков, развалилась на куски и мертвой грудой рухнула на пол зала.

Я услышал, как снова закричал Красвелл — и декорации резко переменились. Как я понял, стремясь изгнать из памяти победную песнь джаза (а может быть, стремясь лишить меня заслуженного триумфа), он проскочил солидный кусок придуман-

ной им истории. Если кинорежиссеры обожают бесконечно повторять сцены из прошлого, то он, наоборот, проскочил на целую часть вперед.

Мы оказались в совершенно другом месте.

То ли начинала сказываться усталость, то ли за хлопотами Красвелл забыл, какой он могучий и сильный, только сейчас он был гораздо ниже роста. Примерно с меня.

Он так захрипел, что мне показалось, будто его хватит удар.

— Я... я оставил тебя в Зале Безумия... Твои заклипания обрушили своды, я думал, ты погиб...

Значит, скачок вперед по сюжету не был простой попыткой сбить меня с толку. Он хотел вывести меня из игры.

Я укоризненно покачал головой.

— Так вот чего ты добиваешься, старина! Ну уж нет, тебе не удастся выкинуть меня в щель между главами. Видишь ли, я вовсе не твой персонаж. Неужели ты до сих пор этого не понял? Нет, ты, конечно, можешь от меня избавиться, но для этого тебе придется проснуться!

— Ты снова говоришь загадками, — пробормотал он, но в голосе уже не было прежней уверенности.

Мы находились в огромном зале с высокими сводчатыми потолками. Освещение было совершенно необыкновенным: множество разноцветных лучей, исходящих из невидимых движущихся источников, сливались в белый ореол, сияющий над стоящей в дальнем конце зала конструкцией, отдаленно напоминающей трон.

Масштабы воображения Красвелла просто изумляли. Трон находился приблизительно в полумиле от нас и постепенно приближался, хотя мы оставались стоять. Я взглянул на стены и понял, что это пол, как огромный конвейер, чуть пружиня под ногами, несет нас вперед.

Медленное и плавное движение производило сильное впечатление. Красвелл, видимо, наблюдал за мной исподтишка — ему хотелось проверить действие очередной выдумки. Я нанес ответный удар, увеличив скорость раза в три. Он сделал вид, что ничего не заметил, и объявил:

— Это Тронный Зал. У Трона нас ждет защитница и приспешница Змея — Гарор. В борьбе с ней тебе понадобится все твоё искусство, Неллпар. Она защищена непроницаемым силовым полем. Разрушь эту преграду, чтобы я мог поразить колдунью Мечом. Без нее Змей, ее повелитель, этот самозванный владыка Вселенной, бессилён. Он будет в нашей власти...

Конвейер подошел к конечной остановке. Мы находились у подножия лестницы, ведущей к самому Трону — массивной металлической платформе, на которой лежал Змей, окруженный сверкающим куполом света.

Змей был... ну, Змей — и все. Свернувшийся кольцами питон, переросток с противной мордой, которой он плавно покачивал туда-сюда.

Глядел я на него недолго. Что я, змей никогда не видел, что ли? Тем более, перед Троном находился кое-кто, гораздо более достойный моего внимания.

Что касается женщин, вкус у Красвелла был выше всяких похвал. Я был убежден, что Гарор — какая-нибудь древняя, сморщенная старушенция.

Но это оказалась стройная брюнетка с зелеными глазами, изысканным овалом лица, с прекрасной фигурой. Одета она была без особых излишеств: металлический панцирь на груди, наколенники и не очень длинная, до колен, узкая зеленая юбка. На щеке у нее была маленькая очаровательная родинка.

Красвелл решил, что молчание затянулось и с

бесцеремонностью гиппопотама самодовольно заявил:

— Мы пришли, Гарор!

— Самонадеянные глупцы! — ответила девушка.

— Вы пришли, чтобы умереть!

О-о-о! Ее голос был глубок и звучал, как виолончель Пятигорского. Если бы я был уверен, что Красвелл сам придумал такую красотку, я встал бы перед ним на колени. Но я догадывался, что он использует в своих произведениях то, что отложилось некогда в копилке памяти — точно так же, как я использовал Майка и грубияна-таксиста. С кое-какими из его впечатлений я был бы не прочь познакомиться...

— Эффектная барышня, — заметил я. — Телефончик оригинала не одолжишь, а, Красвелл?

И тут я повел себя так скверно, что до сих пор вспоминаю об этом со стыдом. Совсем не поджентльменски я громко заявил:

— В этом сезоне, знаете ли, носят все гораздо более длинное... — и посмотрел на ее юбку. Подол рванулся вниз и закрыл щиколотки, сравнившись по длине с вечерним платьем.

Красвелл был оскорблен. Он впился глазами в свое самое прекрасное творение и укоротил юбку до колен. Я вновь привел ее в соответствие с модой.

Потом подол юбки стал прыгать вверх и вниз, от колен до щиколоток, словно взбесившаяся оконная штора. Это был настоящий поединок. Воля против воли, воображение против воображения. А полем битвы были две прехорошенькие ножки. Глаза Гарор метали молнии, и это делало зрелище еще более восхитительным. Мне даже начало казаться, что она была совсем не против, чтобы из-за нее устраивали поединки.

Вдруг Красвелл испустил яростный вопль, в котором явственно слышалась обида младенца, лишившегося любимой погремушки. Место действия заволкло клубами черного дыма.

Дым, впрочем, скоро рассеялся. Красвелл стоял передо мной, примерно на том же расстоянии, но меча у него уже не было, гладиаторский костюм был изодран и в нескольких местах прожжен, а по рукам струйками стекала кровь.

Его взгляд мне очень не понравился. Должно быть, я перестарался и слишком сильно задел его самолюбие.

— Ну, дружище, — сказал я, — это не по правилам. Ты опять перепрыгнул главу. Так не пойдет. Отмотай назад, туда, где мы остановились.

Почему-то это прозвучало совсем не так убедительно, как я хотел.

— Мы пленены и осуждены на смерть, Неллпар, — ответил он. — Мы в логове Зверя, и спасения нет. Я лишен Меча, а ты — магической силы. Голыми руками Зверя не остановить, Неллпар. Это конец!

Его глаза сверкали, взгляд был устремлен на меня. Я попытался отвести глаза, но не смог.

Его подсознание, уязвленное моими бесконечными издевательствами, собрало все силы мозга, чтобы подавить меня.

Он, наверное, и сам не понимал, как отчаянно ненавидит меня.

Впервые за все время я усомнился — а имею ли я право вторгаться в его воображение? Конечно, я хотел ему помочь... Но ведь сны — это святое...

Сомнения размывают уверенность. Неуверенность открывает двери страху.

Шепот... Стив?

«...если позволишь подчинить свое сознание...»

Мой голос:

«...кандидатом на койку в соседней палате...»

«...если ты ему поддашься...»

Черт, а ведь Стив не захотел сам залезать сюда! Надо бы сказать ему пару ласковых, когда я выберусь отсюда... если выберусь... Вся эта забава казалась мне все менее и менее занимательной.

Стив:

«...симпатическая магия... воображение... если во сне Красвелла какое-нибудь чудовище убьет главного героя — то есть его самого, — он уже не проснет-ся...»

И вот — это случилось. Герой должен погибнуть. Погибнуть для того, чтобы я погиб вместе с ним. Но он же не может убить меня! Или может? Откуда Блэкистону знать, какие силы разбудит видение Смерти во время слияния двух сознаний?

Психиатры утверждают, что глубоко в подсознании каждого человека таится стремление к смерти. А здесь оно вовсе не считало нужным таиться. Оно смотрело на меня горящими глазами Красвелла.

Он пытался уйти от реальности в мир иллюзий, но не сумел. Только смерть могла бы стать для него спасением...

Паника открыла сознание Красвелла для бунтующего, надорвавшегося, жаждущего смерти воображения. Он поднял руку в величественном жесте, полном шекспировского трагизма, — и явилось чудовище.

Реальность этой сцены далеко превосходила все, что он создавал до сих пор. Это была его последняя песня, и он поработал на совесть.

Мы находились в центре гигантского амфитеатра, окруженного бесчисленными уступами трибун. Зрителей не было. У Красвелла вообще не было массовых сцен. Он предпочитал странную вневременную пустоту, которая начинает дышать при минимуме действующих лиц.

Мы были одни под лучами красных солнц, впившихся в раскаленное небо. Не знаю, сколько их было. Не считал. Я мог смотреть только на Зверя.

Муравей, сидящий на дне миски, которую обнюхивает собака, наверное, чувствует себя так же. Но Зверь не был похож на собаку. Он вообще не был похож ни на что.

Это была туша размером с бронтозавра. Бесформенный ком полупрозрачной багровой плоти с разверзшейся воронкой пасти, утыканной клыками.

Будь он неподвижен, он и так внушал бы ужас и омерзение. Но он двигался, и это было еще отвратительней.

Он был лишен конечностей и передвигался, волнообразно колыхаясь. При каждом рывке из его пасти выплескивалась струя густой, вязкой жидкости.

Он приближался к нам, рывок за рывком. Тридцать метров... двадцать...

Мои руки и ноги онемели от страха. Это был самый настоящий кошмар. Я безуспешно пытался что-нибудь придумать... огнем? Что это?.. Я не мог сообразить... Сознание ускользало от меня, притягиваемое этим трясущимся Бармаглотом, придвигавшимся все ближе... ближе... Сначала будет слизь, потом — клыки... потом пасть захлопнется... Мои мысли метались в вопящем хаосе...

...Голос — глубокий, спокойный, добрый голос из незабываемого дня детства:

«Ни в этом мире, ни за его пределами нет твари, которая сможет устоять против его пули... Билли может остановить кого угодно, хоть во сне, хоть наяву...»

... и жесткая прохладная рукоятка в ладони, отдача, визг раскаленного металла глубоко в моей памяти...

— Па! — выдохнул я. — Спасибо, па!

Зверь навис надо мной... но Билли у меня в руке уже был нацелен ему в пасть.

Я выстрелил.

Зверь содрогнулся и рванулся назад, по своему склизкому следу. Он начал опадать и съеживаться.

Я стрелял снова и снова.

Потом я вспомнил, что Красвелл стоит у меня за спиной, и на всякий случай оглянулся. Красвелл смотрел на издыхающего Зверя (тот был все еще огромен, но стремительно уменьшался), на тусклый металл старого кольца в моей руке, на струйку голубого дыма, вытекающую из поднятого ствола.

А потом он захохотал. Раскатистым, сочным хохотом — слегка, правда, отдающим истерикой.

И так, хохоча, он стал таять.

И исчез.

Красные солнца унеслись в глубину неба, затухая, как искры, а само небо стало белым, пустым и плоским, как потолок.

И, черт побери, это был настоящий (какое прекрасное слово — настоящий!) потолок!

Надо мной склонился Стив Блэкистон и принялся расстегивать ремешки шлема на моей голове.

— Спасибо, Пит, — сказал он. — Полчаса, минута в минуту. Ты подействовал сильнее, чем электрошок.

Я сел, пытаюсь собраться с мыслями. Стив ущипнул меня за руку.

— Ну-ну, не сомневайся, ты не спишь. Расскажешь мне, что там было, — только потом, ладно? Я тебе позвоню.

Я смотрел, как ассистент снимает шлем с Красвелла. Красвелл заморгал, повернул голову и увидел меня. За пол-секунды на его лице сменилось полдюжины выражений, но ни одно из них мне не понравилось.

Он оттолкнул ассистента и вскочил.

— Мерзавец! — зарычал он. — Я убью тебя!

Пока я пытался понять, о ком это он, Стив и ассистент схватили Красвелла за руки.

— Пустите! — орал тот. — Я его на куски разорву!

— Я тебя предупреждал, — тяжело дыша, проговорил Стив. — Уходи, быстро!

Я не заставил его повторять предложение дважды. Маршем Красвелл, может быть, не столь эффектен в больничной рубашке, как в гладиаторских доспехах, но общаться с ним мне почему-то не хотелось.

Утром мне позвонил Стив.

— Выздоровел! — радостно сообщил он. — Он сейчас нормальнее нас с тобой. Согласен, что перетрудились и обещает быть паинькой. Решил отдохнуть от фантастики и переключиться на что-нибудь другое. Что было во сне, не помнит, но твердо убежден, что просто обязан дать пару плюх «парню, который лежал на соседней койке». Почему — не знает, а я не стал объяснять. Так что тебе лучше не попадаться ему на глаза.

— Я его тоже люблю, — сказал я. — А что он собирается писать? Что-нибудь про любовь? — Стив рассмеялся.

— Нет, он вдруг вспылал любовью к вестернам. Все утро рассуждал об историческом и социальном значении револьвера Кольта. Даже название для своей новой вещи придумал: «Шестизарядный закон». Слушай, это как-нибудь связано с тем, что ты ему преподнес во сне? — Я рассказал ему все.

Итак, Маршем Красвелл нормальнее меня? Теперь я готов с этим согласиться.

Через три часа, когда я шел на финальный матч

по боксу в Мэдисон-сквер Гарден, меня поймал за пуговицу полицейский. Майк О'Фаолин, самый большой, сильный и добродушный полицейский из всех, кого я знаю.

— Привет, Пит, — сказал он. — Знаешь, мне сегодня приснился совершенно сумасшедший сон. Будто бы я помог тебе выпутаться из какой-то невероятной передраги, а ты предложил мне пару билетов на сегодняшний матч. К чему бы это, а?

Чтобы прийти в себя, я затащил его в бар напротив. Майк пытался изложить все подробно, но я ему сказал:

— Знаешь, старина, я сегодня паршиво себя чувствую. Сходи-ка ты на матч, а я как-нибудь состряпаю записку по официальной информации. Топай, Майк, и забудь обо всем.

Я вернулся в бар и попытался сосредоточиться, пристально глядя в стакан с двойным виски. Двойное виски — это самое первое дело, чтобы сосредоточиться.

— Значит, это что-то вроде телепатии?

— Брось, — сказал стакан. — Просто совпадение. Выброси из головы.

И все-таки что-то здесь было не так. Связь через подсознание? Передача мыслей во сне? Но я же не спал! Я... просто снился другому человеку! В состоянии сна мозг гораздо более восприимчив. Вещные сны и все такое... Но я и во сне не спал! Шесть плюс четыре равняется минус десяти, три в уме — и гуляй...

— Ну точно, сбрендил, — сказал стакан.

Я отправился в другой бар.

Я остановил такси. Затылок шофера оказался мне неприятно знакомым. Я старался не смотреть на него, пока не пришло время расплачиваться.

— Полтора доллара, — проворчал шофер, обернулся и поглядел на меня. — Слушай, я тебя где-то видел...

— А... я все время где-нибудь тут, — сказал я, с трудом проталкивая слова сквозь окаменевшее горло. — Это не ты подвозил меня вчера вечером к госпиталю?

— А, ну да! — Квадратная небритая челюсть, низкий лоб, грязные рыжие волосы, выбившиеся из-под фуражки. — Только я тебя еще раз видел... Во сне. Вздремнул между рейсами... Дурацкий сон. У меня в башке засело, будто ты мне должен полтора доллара.

Какое-то мгновение я прикидывал, а не послать ли его куда подальше? Но мостовая была совсем не похожа на зеленую пыль. Она была несколько более плотной.

— Ладно, держи пятерку, — сказал я и, пошатываясь, побрел в клуб.

Я медитировал над стаканом виски, пока в голове не прояснилось, а потом позвонил Стиву.

— Такие вот дела, — сказал я напоследок. — Я чуть не свихнулся, пытаюсь понять, как же такое случилось. Они что, видели во сне то же самое?

— Ну, в обихих шертах... — ответил Стив, прожевывая бутерброд. — Мы как бы вели передачу сшажу на всех волнах. Твой мозг был подключен к схеме, как блок памяти, потом шли ушилители... Наверное, пошел чисто индукционный процесс. И, хотя шипение была жавяжана на Крашвелла...

Я больше не мог слушать его смачное чавканье.

— Проглоти, а то подавишься.

Стив живет на одних бутербродах.

Его дикция стала лучше.

— Понимаешь, что получилось? Пошла обратная связь через усилитель — и установка стала передавать через открытый контур. Эти двое спали, их

подсознание было открыто, настроено на прием. Ты их вспомнил, настроился, подключился... Слышал о наведенных сновидениях? Ну, когда тебе снится кто-то, кого ты не видел сто лет, а на следующий день вы встречаетесь? Значит, теперь мы можем делать это сознательно! Телепатия во сне с помощью техники! Слушай, приезжай сегодня ко мне, проведем парочку экспериментов...

— Как-нибудь в другой раз, — сказал я. — А сейчас я хочу поспать. Просто так, без приборов. Пока.

Пора было ехать домой. Я решил пропустить еще стаканчик на сон грядущий и побрел к стойке.

Она как раз шла к микрофону — метр семьдесят пять сантиметров моей мечты, одетой в облегающее белое платье. Стройная зеленоглазая брюнетка с изысканным овалом лица и крошечной очаровательной родинкой на левой щеке.

Возможно, декольте было слегка рискованным, но в целом платье выглядело куда лучше того убожества, в которое ее нарядил Красвелл.

Просочившись за кулисы, я получил из ее глаз две зеленые ледяные пули. Да, она немного знает мистера Красвелла. Нет, вчера около полуночи она не спала, а какое мне, собственно, дело?

Девочка из элитного колледжа. Какого черта она делает на эстраде? Я ее представлял себе совсем иначе...

Я спросил, почему она так холодно со мной разговаривает.

— Возможно, потому, что у меня нет ни малейшего желания продолжать эту беседу, — ответила она. — И я не собираюсь перед вами отчитываться в

моих симпатиях и антипатиях... — Она нахмурилась, как бы пытаясь что-то вспомнить. — Во всяком случае, вы мне не нравитесь. Извините — мне пора на сцену.

— Но я хотел бы объяснить...

— Что?

Я стоял, как дурак, с открытым ртом и разглядывал ее платье — вид сзади.

Ну как, скажите, можно оправдаться перед девушкой, которая даже не подозревает, что вам есть в чем перед ней оправдываться? Она не спала — значит, ей не снилась эта дурацкая история с юбкой. А если и снилась — это был не мой сон, это был сон Красвелла! И из-за индукции в дурацкой машине Блэкистона в ее подсознании появилась безотчетная неприязнь ко мне. И для того, чтобы эту неприязнь уничтожить, нужен был психиатр. Или...

Я позвонил Стиву прямо из клуба.

— Слушай, мне надо кое о чем подумать — в этой твоей машине. Я сейчас выезжаю.

Я бежал обратно — и снова столкнулся с ней.

Она закончила номер. Я вцепился в нее глазами, стараясь запомнить все подробности.

— Извините, мисс, ради всего святого, когда вы ложитесь спать?

Запахло пощечиной, но я успел увернуться.

— Ладно, подожду, — сказал я. — Мы с вами еще увидимся. Приятных сновидений!

*Перевел с английского
Иван СИДОРЧУК*

книжное обозрение

ВЫ

любите фантастику?

хотите знать о ней как можно больше?

хотите знать о ней ВСЁ?

В таком случае - читайте газету

"КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ!"

«КО»

— это регулярные встречи с известными писателями и деятелями фэндома.

— это уникальная "Энциклопедия фантастики".

— это полный еженедельный список только что вышедших НФ-книг.

Индекс "Книжного обозрения" по каталогу "АиФ-АПР" — **50051.**

ИГРАЕМ СТРИНДБЕРГА?

РЕЗУЛЬТАТ

Когда психиатр не способен справиться с поставленной задачей, на помощь приходит искусство. Ведь журналист, от имени которого ведется повествование, в своем роде не меньший маг и волшебник, нежели писатель-фантаст. Если хотить, идею произведения можно представить как изощренную схватку между «критическим реализмом» самого бытописательского толка (правда, с оттенком вестерна) и любимой многими «героической фэнтези». Впрочем, юмор автора спас его от неизбежных нападок фэнов и позволил признанным специалистам по фантастике неоднократно включать рассказ в состав престижных антологий НФ. Ну а если всерьез: способно ли искусство театра (ибо перед нами сцена, на которой разворачивается действие, где герои выступают режиссерами) излечить от душевной болезни? Заглянем за кулисы единственного в России психотерапевтического театра.

Д

а, именно так. Не Большого, не Малого, не Художественного, а — психотерапевтического. Не пугайтесь медицинского термина: в сущности каждый театр — кукольный, марионеток, даже теней — воздействует на наши души, надеется врачевать их. Существует и обратная связь. Театр, оказывается, тоже зависит от состояния наших душ, от того, что этим душам угодно или, наоборот, противно. Все театры в мире рождались, отвечая потребностям своего времени, своего общества. Пришло и такое время, когда людям стал нужен подлинно лечебный театр. Идея такого театра родилась в первой четверти нашего века, вскоре после первой мировой войны (об этом расскажем ниже). Представители европейской цивилизации, уже давшей миру психоанализ, полагали еще, что человечество можно спасти столь «изящным» средством. Призрак коммунизма только маячил издали, еще не произошло многих страшных событий века, еще не ставил своего диагноза «больному» обществу Эрих Фромм.

Вернемся к тому, что угодно душам. Конечно, у людей души разные. Некоторым из них вполне впору такой, скажем, театр, который каждую неделю миллионы телезрителей наблюдают около расчерченного «нитями судьбы» барабана «Поля чудес». Стабильно, если верить данным социологических опросов, эта передача имеет один из самых высоких рейтингов на ТВ. Столь же велика популярность ведущего капитал-шоу, то и дело мелькающего в различных рекламных роликах. Ему прощаются и пошлые шутки, и откровенные издевки, и просто грубость. «Свой ларень».

Феномен подобной популярности несомненно может заинтересовать психологов, философов, социологов. Но не будем отрицать общего психотерапевтического эффекта развораживающегося действия. Разве не примиряет с жизнью, не утешает мысль, что и ты, как эти счастливицы, не слишком напрягаясь, можешь в одну прекрасную пятницу получить все эти видео-, стерео-, микроволновые «чудеса»? Помните, как доверчивый Буратино, закопавший по совету мошенников свои монеты, ждет золотого урожая? А тут и закапывать, и сеять ничего не надо. Поле чудес! Такая идет игра...

Всякий театр и есть игра, которую считают основанием культуры (с концепцией Й.Хейзинги мы уже знакомили читателей). Но это только одна сторона театра. Как всякое искусство он служит познанию жизни. Это происходит не умозрительно — театр жизнь воссоздает. Нам предлагается ее образ, модель, если хотите, подобие, которое к тому же на наших глазах как бы исследуется. В театре используются слово, музыка, цвет, организация пространства — все то, что есть в других видах искусства. Но в них нет главного «материала», которым пользуется театр. Человека. Актера.

Что он делает на сцене? Актерскую

игру Михаил Эпштейн называет реализацией метафоры, когда одному предмету присваиваются свойства другого. Актеру приходится как бы вмещать в себя личность другого человека, сохраняя при этом и личность собственную. Получается, что в одном теле какое-то время сосуществуют несколько душ, причем, вполне равноправно. Поэтому говорят давно не Гамлет Шекспира, а Гамлет Лоуренса Оливье, Гамлет Джона Гилгуда, Гамлет Смоктуновского, Гамлет Высоцкого. И принцы датские здесь несомненно разнятся друг от друга, хотя и говорят одни и те же слова. Раздвоение личности? Подобная ситуация составляет предмет изучения психиатрии, если такое сосуществование душ заходит у человека слишком далеко. Но в театре это всего лишь игра. Актеры, легко погружаясь в нее, столь же легко из игры выходят. Похоже, что они любят усложнять свою задачу. Обратим внимание на репертуар больших артистов, играющих мировую классику: Эдип, Тартюф, Гамлет... Персонажи, пребывающие в мучительном разладе с действительностью, самими собой. Само бытие их театрально, каждый из них выступает в роли, отчужденной от собственного «я». Смысл речей Гамлета темнее для королевского двора, воспринимающего слова принца как признаки безумия. И одновременно этот смысл отвечает внутренней правде, говорит не о безумии, а об углублении ума. Мы, зрители, обыкновенные люди, понимаем происходящее — так, как магия театра. Он возвращает человека к тому, что отнято у него в реальной жизни.

Происходящее на сцене, с актером, философией театра интересовали многих исследователей, в том числе психологов и психиатров. С одной стороны, реализация метафоры, актер как бы моделирует психопатологическое состояние. С другой стороны, театр вообще может многое рассказать о человеке. Интересно, что кому-то очень легко удаётся жить в искусственной реальности, «применять» на себя множество разных масок. Другой человек не в состоянии справиться с единственной, данной ему в ощущении, реальностью. Обо всем этом задумался в свое время Якоб Морено, которому как раз и принадлежала идея лечебного театра.

В начале века этот человек изучал в Венском университете философию и медицину и стал основателем движения групповой психотерапии (это точка зрения западных психологов). Еще студентом попытался организовать группы самопомощи для одиноких проституток, позднее занимался проблемами итальянских крестьян-беженцев. Вскоре после первой мировой войны Морено заинтересовался так называемым спонтанным театром. Ему казалось, что люди становятся похожими на роботов, лишённых индивидуальности и способности к творчеству. Наблюдая игры детей в венских парках, он восхищался их способностью легко переселяться в мир самых безумных фантазий, ломать все поведенческие стереотипы. Видя, какую радость доставляет им игра, он подумал о психотерапевтическом значении чувства внутренней свободы, которую, видимо, ощущали дети. Сначала его идея носила несколько общих, гуманистический характер: реализация творческого «я» в «театре жизни». Позднее «спонтанный театр» Морено ста-

новится методом коррекции личностных изменений и гармонизации психического развития. Он ввел в психотерапию понятие психодрамы — метода, позволившего впервые в условиях группы изучать личностные проблемы, фантазии, страхи. В спонтанном театре никто не создает воображаемых героев, его участники выражают только собственные проблемы. Началом такого театра послужила постановка на сцене с помощью профессиональной труппы истории конфликта одной актрисы со своим женихом. Опыт оказался интересным: он помог самой паре, привлек внимание членов труппы.

Психодрама исходит из естественной способности людей к игре. Морено полагал, что люди ведут себя в обычной жизни подобно актерам в театре. Они вовлечены в соблюдение ритуалов, ограничивают себя рамками роли, которую предлагают им окружающие, действительность. Они могут одинаково вежливо улыбаться и в радости, и в горе, не открывая другим истинные чувства и переживания. Морено казалось, что в психодраме люди обретают внутреннюю свободу, избавляются от гнетущих их переживаний и комплексов. В отличие от пассивного психоанализа, что предложил З. Фрейд, — игра, творчества.

Психодраматические группы расширяли ролевой репертуар, их участники исследовали самих себя и друг друга и в процессе разыгрываемого представления решали свои личностные проблемы. Морено верил в силу спонтанности, которую называл «хитрым катализатором творчества». Театр он использовал как лабораторию для изучения этого «катализатора» и обнаружил, что импровизации можно научиться, создавая специальные приемы для тренировки спонтанных действий. Морено предлагал участникам самим выбирать себе роль в психодраме — реалистическую и нереалистическую, но играть не перевоплощаясь в другого, играть самого себя в меняющихся ситуациях. Это не означало, однако, что во время психодрамы не могут использоваться привычные действия. Спонтанность содержит две переменные: новизну и адекватный ответ. Последнее может вызвать как раз привычные действия, поскольку это необходимо для данной ситуации. Для этого участник группы должен быть знаком с культурными и социальными традициями, ограничениями. В противном случае поведение его может оказаться патологическим.

Как в обычном, традиционном театре, психодрама должна кончаться катарсисом. Понятие катарсиса, восходящее к античным трагедиям (определение катарсиса дал Аристотель), не претерпело за века изменения. Более того, Фрейд и Морено это понятие использовали в значении и целях точно таких же, как и древнегреческие драматурги. Эмоциональное потрясение, внутреннее очищение. Античный театр добивался этого, Морено хотел того же. Но главное, чтобы катарсис пережил сам участник психодрамы, разыгрывая ее и одновременно освобождаясь от нее.

На первых порах идеями психодрамы были только участники драматического действия, но потом в атмосферу занятий эмоционально вовлекались люди, не принимавшие в психодраме непосредственного участия. Морено строил планы создания «открытой» психодрамы — такую программу он хотел осуществить с

любительской труппой Карнеги-холла, когда переехал в США в середине 50-х годов.

Однако мы начали с информации о психотерапевтическом театре, который появился в России. Зачем так много о психодраме Морено? Без этого не будет понятна философия московского лечебного театра. О психодраме Якоба Морено в свое время отечественные специалисты знали мало — в учебниках психотерапии, психиатрии концепциям западных ученых посвящались разве что один-два абзаца, с непременным выводом о «порочности методологических основ». Тем не менее идеи Морено оказали несомненное влияние на московских психотерапевтов.

Марк Бурно, доцент кафедры психотерапии бывшего Центрального института усовершенствования врачей, создавший лечебный театр, назвал его четко психотерапевтическим. Изваяв идею ролевой игры, на чем основана психодрама Морено, пошел иным путем. Возможно, это связано с более трудным контингентом «актеров» — клиницист Бурно работает с людьми, имеющими серьезные психологические, психиатрические и неврологические проблемы. Для отечественной медицины (и психиатрии, в частности) характерны патерналистские отношения врача к пациенту. Поэтому актеры московского психотерапевтического театра играют не самих себя, они играют определенных врачом персонажей. Автор пьесы, премьера которой показана была театром, — «Новый год в лесной избу» — сам Марк Бурно, который хорошо знает проблемы своих пациентов. Поэтому роли писались под конкретных людей, конкретные проблемы.

Внешне представление психотерапевтического театра напоминает средний любительский спектакль — эстетам театра там делать нечего. Условные персонажи — семья медведей, волк, лиса, кот, пес — говорят «человечьим» голосом, вполне о «человечьих» делах. Волки и медведь, увы, алкоголики, которых пытается отучить от пагубной привычки почитаемый в лесу доктор-олень (угадываются в этом персонаже черты самого автора пьесы). Поэтому возможны почти пародийные реплики, вроде: «Зверь должен быть свободен: пить или не пить». Однако в тексте «запрятаны» все основные положения психотерапевтических бесед, которые врач ведет со своими пациентами. Теперь это предлагается сделать в игровой форме им самим: участники спектакля являются как бы психотерапевтами друг друга. С точки зрения врача, это одна из важных граней театра.

Душевный склад личности для него связан с биологической основой. Человеку надо найти свое «я» как личности определенного душевно-телесного склада. Есть классическая типология личностных вариантов, и обрести счастье, духовную свободу человек может внутри своего варианта. Поэтому участники группы непременно знакомятся с эле-

ментами типологии личностей, изучая характеры как бы в разрезе. Потом это поможет лучше понять и себя, и других, увидеть свои проблемы. Врач только помогает сделать это скорее. В том числе и не лишними морализаторства монологами, которые пишет для актеров своего театра. Профессиональный режиссер, ставивший спектакль, был поражен, как быстро участники освоили сценическую площадку. Режиссер видит и проявления вдохновения, таланта, а ведь совсем недавно эти люди казались замкнутыми, потерянными, некоммуникабельными.

Врачу очевидно: пациенты «выплывают» из состояния тревожной неопределенности, расстраиваясь с ощущением своей неполноценности. Это не означает полного переживания личности, каждому дано право остаться самим собой. В конце концов все вместе, со всеми нашими несовершенствами, мы и есть человечество, считает Марк Бурно. Из этой общности «никто из нас просто так выпасть не может».

Однако у режиссера и врача есть расхождение: режиссеру хотелось бы эстетически более значимого результата. Он не очень доволен ритмом спектакля, который замедляют те самые монологи. Врачу более интересен сам процесс — общения, совместной работы, взаимораскрытия каждого. Он думает, как можно помянуть артистам роли: персонажа, который индустрирует зло в других, играет совершенно чуждый зла человек. Не трудно ли это дается ему?

Впрочем, возможно, опасения напрасны. Актеры принимают условия игры, значит, уже имеют достаточно сил, чтобы подняться над собственным недугом, разрушить скорлупу, в которую были им загнаны. Это путь к свободе. Запомнилась реплика талантливой исполнительницы роли Лисы: «очень хочется пошалить». (Вспомним, что идея лечебного театра подсказана Морено детям).

Вот что получилось: психотерапевт московской школы, стоящий на позициях материализма (Марк Бурно называет себя «материалистом духовным»), уже почти 30 лет разрабатывает на практике концепцию «терапии творческим самовыражением». Согласитесь, это нечто нематериальное. Однако именно оно позволяет вести весьма сложных пациентов практически без лекарств. Марк Бурно прибегает к ним только в случаях, когда требуется «скорая помощь». Поэтому его методика не имеет нежелательных побочных действий. А каковы действия желательные? Один из участников группы оставил идею суицида. Другой... Об этом слишком долго. Главное, что все эти молодые люди ждут с нетерпением очередной репетиции, встречи друг с другом, со зрителями.

Поэт Иосиф Бродский сказал однажды: человечество спасти уже не удастся, но отдельного человека — еще можно.

Пожалуй...

- Как вы поступите, если кого-нибудь полюбите?
— Я создам эскиз этого человека и постараюсь, чтобы он стал похож на него.
— Кто? Эскиз?
— Нет, человек.

Бертольт Брехт.

«Если господин К. полюбит кого-нибудь...»

НОВЫЕ КАРТЫ АДА

ЭРОТИКА, УЖАСЫ, БЕЗОТЧЕТНОЕ
ОЩУЩЕНИЕ ОПАСНОСТИ

СИСТЕМА КООРДИНАТ

Д

ля начала — цитата: «Сегодня, читая научную фантастику прошлых лет, мы зачастую можем получить куда более четкое представление о том времени, когда она была написана, нежели позволяет тогдашняя «современная проза» или даже научные исследования. Редко где мечты, надежды, страхи и противоречия эпохи отражаются с такой ясностью, как в НФ, — и редко что выявляет ее границы столь точно».

Это слова Г.Л.Голда, редактора журнала «Галактика» с момента его основания в 1950 г., человека, который, по-видимому, располагает более солидным материалом для обобщений, чем большинство из нас. Я намерен воспользоваться его тезисом и рассмотреть не сознательно декларируемые взгляды, но отражающиеся в современной фантастике мечты, надежды и страхи, проанализировать не идеи, но эмоции. Провести границу между этими двумя понятиями, разумеется, трудно, и я отнюдь не собираюсь чересчур категорично настаивать на критериях нелогичности либо незнания, согласно которым ту или иную вещь следовало бы отнести туда, а не сюда. Впрочем, для достижения поставленных целей я, как и прежде, разграничу НФ и фэнтези, благо последняя иногда предоставляет материал, который не вправе пропустить ни один исследователь.

Такой подход полностью оправдывает себя для группы чувств, занимающих в моем анализе почетное первое место, — а именно тех, что связаны с сексом. В этом пункте упомянутые жанры и впрямь довольно сильно отличаются друг от друга: если научная фантастика очевидно «связана» своим относительно реалистическим уклоном, то фэнтези оперирует сексуальными фантазиями в самом широком диапазоне. Чтобы сразу же отделаться от космической оперы, скажу, что в ранней, «берроузовской» форме она так же целомудренна, как и детская сказка: любовная сцена в духе Джорджа Элиота выглядела бы в ней чем-то опасно новым и сомнительным по части вкуса. Новая космоопера «галактическо-негодяйского» толка временами заимствует у своего детективного аналога небольшую дозу садизма, однако в целом остается пристойной. Предпочитает оставаться девственной и НФ. Журнал «Удивительные истории» недавно напечатал рассказ под названием «Блондинка из космоса» и вынес на обложку изображение двух личностей в скафандрах в состоянии эмоционального коллапса и сирены с откры-

тым ртом, раскинувшейся на заднем плане. Вероятно, тираж журнала в тот месяц немного увеличился, но рассказ-то такой, что хоть в воскресных школах читай (пусть блондинка и оказалась очень злобной инопланетянкой)... Вообще, природа и объекты сексуального интереса в научной фантастике угнетающе нормальны, в гораздо большей степени нормальны, чем в любом другом жанре — за исключением вестерна. Уделяемое этому вопросу место, однако, невелико (факт, оплакиваемый — нередко фарисейски — множеством комментаторов). Как правило, в произведении имеется какой-нибудь бордель в марсианском космопорту, а также намеки на нечто более изысканное и причудливое на курортах планеты Прокион IX, но если герой и попадает туда, то только для того, чтобы выпить, или поглазеть с надменным видом, или отыскать некоего негодяя, который является местным завсегдатаем. А когда фантасту вздумается описать пресловутое общество упадка (что происходит сплошь и рядом), можно быть уверенным: без осуждения «сексуальных излишеств» не обойдется. Словом, жене, муж которой увлекается НФ, нечего опасаться.

Совсем другую картину являет читательскому взору фэнтези, отдельные образчики которой вполне могут заставить нашу гипотетическую жену поблудеть. Для анализа я отобрал повестушку под заголовком «Цирк доктора Лао», впервые опубликованную в 1935 г. и перепечатанную в одноименном сборнике 1956-го (составитель Рэй Бредбери, прославленный автор как фэнтези, так и НФ). Начинается она с довольно неправдоподобного рассказа о том, как жители небольшого аризонского городка реагируют на появление неизвестно откуда приехавшего цирка, в афишах которого, среди прочего, значатся единорог, сатир, сфинкс, химера, оборотень, русалка и другие «знакомые незнакомцы». Заключительная часть повести содержит весьма подробное описание шоу-оргии, разыгранной этими существами с привлечением одного-двух зрителей. В основном читателю предлагаются истязания и изнасилования с элементами зоофилии, педерастии и вуайеризма — плюс добрая порция пота, мускуса и всего такого прочего. Интеллектуальной подкормкой служат высоконаучные лекции доктора Лао о тех или иных участниках, а в конце произведения помещено пятнадцатистраничное приложение, содержащее сардонические псевдодопиграммы на упомянутых тварей и завершающееся списком из тринадцати парадоксов или вопросов без ответа, типа: «Что же сделал Мумбо Юмбо с пышновласой северянкой?» Действительная идея повести состоит, очевидно, в том, что шокирующие и непристойные вещи зачастую притягивают людей, и посему образ местной учительницы, которой пришла по душе бесцеремонность сатира, выглядит здесь неизбежным. Я должен, однако, добавить, что не нахожу все это поучительным, а напротив, считаю, так сказать, отталкивающим. Вероятно, мне стоит пояснить, что лично я ничего против порнографии не имею, но — в силу моей старомодности — предпочитаю, чтобы дело делалось как положено, без жестокости и разных мерзостей. К сожалению, и то, и другое просто заполнило современную фэнтези.

Непосредственно за историей доктора Лао идет в упомянутом сборнике «Пруд» Найджела Нила, английского писателя, который сочинил в последнее время два довольно посредственных киносценария. Сюжет произведения сводится к следующему: омерзительный старик проводит свои дни, изготавливая чучела лягушек, пока оставшиеся в живых земноводные не делают чучело из него самого. Стоит отметить, что основным набивочным материалом, помимо тростника, служит слизь — вещество, которого заведомо много не только в тех местах, где живут лягушки, но и в литературных опусах подобного рода. Истории о том, как кого-то потрошат, вообще причиняют увечья, довольно обычные некогда для научной фантастики проспавших ученых, ныне являются неотъемлемой частью фэнтези. Парочка таких вот текстов принадлежит Рэю

* Окончание. Начало в № 8, 1994 г.

Бредбери. В рассказе «Человек наверху» гнусное человекоподобное существо (возможно, инопланетянин) лишается своих внутренних органов, напоминающих геометрически правильные студенистые ломти, и набивается всякой дрянью наподобие того лягушатника. Исполнителем экзекуции (что типично для Бредбери, но не типично для подобных произведений) выступает одиннадцатилетний мальчик, который на предложение отдохнуть и обо всем забыть произносит знаменательную фразу: «Разве я сделал что-то плохое? Ничего плохого не вижу. Мне хорошо». Герой другого рассказа («Скелет») какое-то время страдает от боли в костях, а под конец остается без них благодаря усилиям некоего человека, способного забраться через рот в тело жертвы и выесть скелет изнутри. Рассказ завершается сценой возвращения домой жены несчастного:

«Когда-то, много лет назад, маленькая Кларисса бежала по песчаному пляжу, наступила на медузу и завизжала что было мочи. На сей раз, когда она обнаружила в собственной гостиной огромную, колышашуюся, как желе, массу, ей удалось сдержаться. Она сделала шаг назад.

И тут медуза назвала ее по имени...»

Ну что ж, довольно смешно, хотя, боюсь, бедновато в смысле духовности. Сказать по правде, не знаю, как принято интерпретировать такие вещи, однако чувствую, что сделать это необходимо. В конце концов, я не хотел бы, чтобы у вас создалось впечатление, будто фэнтезийный состоит исключительно из «Скелетов» и «Людей наверху». Напротив, существует множество вполне спокойных историй о сделках с дьяволом, о злых колдуньях и добрых феях и т. д. Я, разумеется, несколько не осуждаю тех, кто пишет или читает про лягушек-таксидермистов и людей, превращенных в медуз. Тем не менее продолжаю пребывать в убеждении, что изучение списков подписчиков «фэнтезийных» журналов может принести неплохие дивиденды любому психоаналитику.

Обратимся теперь к гораздо более невнятной группе чувств, связанных с безотчетным ощущением опасности. Рационально объяснимые страхи, которые обусловлены какой-то конкретной угрозой вроде тотальной ядерной войны, останутся, конечно, за рамками обсуждения, но не могу мимоходом не заметить: если значительная часть научной фантастики описывает последствия подобной войны, то это следует понимать не как проявление пессимизма или фатализма, но как сюжетный прием, позволяющий поговорить о мутациях и первобытном обществе. Безотчетное ощущение опасности составляет эмоциональный фон нескольких излюбленных мифов (типичных ситуаций) НФ. Одним из них, без сомнения, является возможная гибель рода человеческого. Вариантов довольно много. Причиной гибели, например, может стать инопланетное вторжение. Причем, поскольку злобные инопланетяне выходят из моды, нежданные гости, скорее всего, придут с какой-нибудь миссией. Другая возможная причина — стихийное бедствие: новый ледниковый период; эпидемия, которая либо непосредственно поражает человечество, либо достигает того же эффекта через уничтожение растительной жизни; залетевшая в Солнечную систему комета — впрочем, все эти несчастья могут быть предотвращены силами науки или стечением обстоятельств. Значительно интересней вариант, при котором людская раса будет вытеснена теми или иными соседями по планете (иногда в их роли выступают разумные крысы, однако чаще — неисчислимые полчища «малообразованных» муравьев — явный символ нашего собственного общества, высокоорганизованного, индивидуалистического, безжалостного, равнодушного, непостижимого и какого там еще). Имеется также целая группа историй, сознательно уклоняющихся от изложения каких-либо рациональных причин грядущей катастрофы и вообще отказывающихся в будущем миру сему. Хороший пример текста такого рода — «Девять миллиардов имен Бога» Артура Кларка. Речь в произведении идет о тибетском монастыре, который покупает в Америке гигантский компьютер, дабы составить список из всех упомянутых в заголовке имен.

Завершение работы над списком, как объясняет лама, будет означать, что человечество выполнило свое историческое предназначение. И когда два наладчика, установив компьютер, отправляются в аэропорт, чтобы лететь домой, они замечают, что звезды начинают гаснуть... Аналогичный случай описывается в рассказе Роберта Шекли «Безымянная гора», в котором говорится о космической экспедиции, сталкивающейся с множеством будто бы вполне заурядных «накладок». Из финального монолога (к сожалению, риторического) становится ясно, что человек суть дерзкая медуза и космос от него устал. Это подтверждает сеанс связи с Землей, благодаря которому астронавты узнают о разгневавшихся на родной планете стихиях вообще и затоплении Австралии в частности.

Два последних произведения, полностью отвечающие теме грядущей гибели рода человеческого, возможно, отражают также определенные неосознанные опасения по поводу того положения, в какое может поставить нас внезапная осведомленность, если мы не будем осторожны... Я еще вернусь к данной теме, а пока давайте займемся особой категорией текстов, содержащих мнение, будто небольшой сбой в системе способен превратить людское существование в своеобразное уколочное шоу. Иногда сия идея трактуется довольно легковесно, как в рассказе того же Шекли «Ловушка», герой которого попадает в каменный век всякий раз, когда пытается выйти из своей квартиры. Причиной «временного сбоя» оказываются бракованные атомы, использованные Конструктором (эдаким космическим садовником-декоратором) при строительстве этого уголка Вселенной. Поломка устраняется без проблем, даже галактику переделывать не приходится. Словом, Шекли шутит... Зато другим не до смеха. В сочинении Фредрика Брауна «Сойти с ума», например, человеческая жизнь, войны трактуются как игра одних частей некоего организма против других его частей. Познакомившись всего лишь с клеточкой названного организма — муравьем, ползущим по мебели, — главный герой, как и было обещано, сходит с ума. Еще одно сочинение, «Согласованный интерес», представляет историю нашей цивилизации как побочный результат попыток путешественника во времени собрать деньги, чтобы построить машину времени, чтобы отправиться в прошлое, чтобы вновь начать собирать деньги. Среди вариаций на заданную тему — рассказ Фредерика Пола о человеке, который обнаруживает, что он и все его друзья — созданные в рекламных целях андройды, а также произведение Рэя Бредбери о некоем жителе Среднего Запада, коса которого, срезая пшеницу, отмеряет людские судьбы. Боязнь оказаться марионеткой, узнать, что тобой манипулируют, довольно часто овладевает персонажами фэнтези и НФ. Причем враги, как правило, избегают физического столкновения и сосредоточиваются на овладении разумом (см. роман Роберта Хайнлайна «Кукловоды»). Кстати, далеко не всегда дело сводится к опасению утратить индивидуальность и свободу воли: зачастую гораздо уместнее воспользоваться формулой Альфреда Бестера из повести «Человек Без Лица»: «Когда становится трудно, поневоле склоняешься к мысли, что все это выдумка, мистификация». Вероятно, я должен добавить, что не вижу в упомянутых произведениях ни новизны, ни особой литературных достоинств, однако обязан был проанализировать их как исследователь.

НАУКА, ИСКУССТВО, РЕЛИГИЯ

Но вернемся к теме опасности, которую могут представлять для человечества знания (сиречь наука). Не останавливаясь подробно на «лобовых» вариантах ее решения (бесчисленные опусы о вышедших из повиновения роботах), рассмотрим ее, так сказать, экскапистскую ипостась, выражающуюся, в частности, в ностальгии по сельскому образу жизни. Разумеется, ностальгия эта характерна не только для писателей-фантастов, однако энтузиазм, с которым последние ей отдаются, потрясает. Вспомним Уильяма Морриса,

вспомним роман Ричарда Джеффриса с актуальным названием «После Лондона», вспомним «Облик грядущего» Уэллса. И отметим, что, в отличие от названных авторов, большинство наших современников не в состоянии понять, сколь трудным будет возвращение в деревню: как правило, они ограничиваются описанием страданий человека в перенаселенном городе. Тем не менее желание оказаться в лесу и услышать пение птиц выражается совершенно определенно. И чем скорей мы это сделаем, тем лучше — таков очевидный подтекст «Мозговой волны» Пола Андерсона: Земля выходит из электромагнитного поля, сдерживавшего развитие людского интеллекта, и в скором времени городская цивилизация оказывается вытесненной новым образом жизни. Сходное решение предлагает Клиффорд Саймак: герой его романа «Кольцо вокруг Солнца» также обретает «растительный рай», причем не на какой-нибудь там отдаленной планете, а на некоей «правильной» Земле, расположенной в соседнем измерении (символично, что и попадает-то он туда не при помощи технических чудес, но благодаря полумистическому ритуалу, использующему его воспоминания о деревенском детстве). Антигородские эскапады вообще типичны для Саймака, плодovitого и эмоционального писателя, ставшего певцом американской глубинки и всевозможных добродетелей ее обитателей. А вот в Англии подобные произведения крайне редки (мне приходит на ум только «Пора отдохнуть» Джона Уиндема).

Итак, с тоской по селу все ясно. А что же ее потенциальные источники, ученые? Они появляются на страницах фантастических романов в основном под аплодисментами. Что бы ни случилось, погиб ли инопланетный дипломат или Земля упала на Солнце, ученые не виноваты никогда. То политики игнорируют их своевременное предостережение, то генералы не могут дожидаться результатов необходимых испытаний, то промышленные магнаты приступают к серийному производству не проверенной должным образом новинки. Раз за разом чертовы администраторы вмешиваются в дело, которое следовало бы доверить специалистам. В «Черном облаке» Фреда Хойла, одного из ведущих английских астрономов, ученые, разработавшие план спасения человечества от очередной катастрофы, попросту отодвигают политиков в сторону, отфутболивая всех, кто пытается связаться с ними по телефону или прибыть лично. Другое, менее интеллектуальное произведение — «Большой глаз» американца Макса Эрлиха — в который раз являл публике летящую к Земле комету. Комета, правда, должна пронестись мимо, однако ученые всех стран, набравшись наглости, улавливаются сделать вид, будто она может столкнуться с планетой, — маневр, полностью одобряемый автором и позволяющий снизить международную напряженность. Я, конечно, чертовых администраторов терпеть не могу, но такая модель поведения нравится мне еще меньше: ученый хорош на своем месте и более нигде — и вы знаете почему. А ведь надо учитывать еще одно: если с точки зрения науки НФ представляет собой веселый и ни к чему не обязывающий прогноз, то образы ученых могут оказаться весьма правдоподобными.

Гораздо скромней науки и научных работников представлены в фантастике искусство и его служители. Хотя говорится о них неизменно с огромным уважением. Впрочем, обычно имеются в виду дела давно минувших дней (наличие произведений искусства, созданных вымершей марсианской расой, служит у Бредбери достаточным основанием, чтобы отказаться от сноса древнего города), а вот отыскать нечто живое довольно трудно, если не считать, разумеется, дизайн

помещений и т.п. Лишь смельчак, к примеру, может решиться на создание поэмы двадцать третьего столетия (даже Роберт Грейвз в своей вещице «Смотри, как усиливается северный ветер» ограничился образом метафизики будущего). Неудивительно, что немногие серьезные предположения на этот счет, которые мне известны, достаточно пессимистичны. Клиффорд Саймак (в новелле «Театр теней») изобрел своего рода кукольное представление с участием всех зрителей: последние сами придумывают пьесу и «проецируют» ее на сцену (кстати, долгожданный способ создания искусственной жизни). Сюжет, конечно же, может быть расценен как современная вариация на тему оживших литературных персонажей, однако предусмотрен, как жетса, и определенный декаданс.

Я уже обращал ваше внимание на тот отрадный факт, что двадцать с лишним лет назад мудрые и добрые инопланетяне начали вытеснять со страниц НФ вооруженных лучевыми пистолетами людоедов. С этими новыми персонажами в фантастику вошли категории смирения и почтения — категории, безусловно, религиозные. Религии как таковой посвящены фантазии К.С.Льюиса и Чарльза Уильямса — произведения, являющиеся исключением из многих правил; «Дело совести» Джеймса Блিশа представляет собой одно из несчастных НФ-воплощений данной темы. Равно как и «Поиски Св. Фомы Аквинского» Энтони Боучера, главный герой которых оказывается роботом. Поскольку мозг упомянутого создания заведомо построен по законам логики, согласие робота с постулатами католицизма воспринимается как начало новой эры в истории церкви. Другой вариант развития событий предлагает нам Лестер дель Рей: в его рассказе под названием «Потому что я ревнив» Господь изымает свои заветы у людей и дарует их вторгшимся на Землю пришельцам. После чего центральный персонаж, земной министр, решает, что война должна продолжаться, а Господь на сей раз получил достойного противника, — напоминающий образчик людской самонадеянности. Тем не менее вынужден повторить, что религиозная проблематика не занимает большого места в НФ. Даже в минуты смертельной опасности религия не становится прибежищем героев, за которых мы переживаем. Намеревается ли Солнце превратиться в сверхновую, решается, что война должна продолжаться, а Господь на минуты смертельной опасности религия не становится прибежищем героев, за которых мы переживаем. Намеревается ли Солнце превратиться в сверхновую, решается, что война должна продолжаться, а Господь на минуты смертельной опасности религия не становится прибежищем героев, за которых мы переживаем.

Что ж, как говорится, время подвести итоги. Хоча признаться: какие бы прогнозы ни содержались в фантастических романах, они оказывают на меня исключительно успокаивающее воздействие. Бессмысленное отрицание рационального начала, которое отличает большинство современных триллеров и даже некоторые произведения литературы «мейнстрима», совершенно не свойственно любимому нами жанру. Вероятно, кое-кто даже упрекнет его в чрезмерном внимании к данному вопросу, однако поверьте: это только в семейной жизни отсутствие логического мышления может оказаться благом, в общественной же без головы на плечах не обойдешься.

Публикацию подготовил Александр РОЙФЕ

Фотоснимки из космоса

Общая картина калифорнийского землетрясения восстановлена с помощью европейского исследовательского спутника ERS-1, пролетающего над Калифорнией на высоте 785 км: его прекрасно сфокусированный радар дает исключительно четкие фотографии участков местности, площадью не более 80 квадратных метров. Французские ученые из Центра космических исследований в Тулузе подвергли детальному компьютерному анализу серии фотоснимков, выполненных до и после калифорнийского катаклизма, и им удалось — выявив глобальные и локальные изменения ландшафта с недоступной до сих пор степенью точности — синтезировать картину мощного землетрясения в виде интерференционного взаимодействия ударных волн. Заметим, традиционные методы, базирующиеся на одновременном проведении измерений в нескольких десятках точек, слишком трудоемки и дают, как правило, весьма приблизительные результаты. Нынче же тулузцы, набив руку, уверены, что справятся с анализом изменений ландшафта на гораздо большей территории.

Космический сюрприз

NASA гарантирует холодное пиво и горячий обед в любой точке мирового пространства каждому, кто приобретает техническую новинку — «Кулатрон». Секрет портативного устройства, сконструированного для нужд астронавтов и недавно выброшенного на потребительский рынок, — в миниатюрном термoeлектрическом модуле. Ни шумного мотора, ни компрессора, ни булькающих трубок с хладагентом, как в обычном холодильнике. Устройство, имеющее небольшой вентилятор, лишено других движущихся деталей, имеющих обыкновение ломаться... В режиме «рефрижератор» продукты охлаждаются на 25 градусов, а в режиме «печь» подогреваются до 52 градусов по Цельсию. Смело включайте «Кулатрон» в прикуриватель автомобиля — энергии он потребляет меньше, чем габаритные огни. Самые крупные модели весят не более 4,8 кг., так что донести чудо-аппарат до места пикника не составит труда, и там без электропитания он проработает 24 часа.

Говорящая пепельница

Как известно, нарастающая в мире (особенно в Соединенных Штатах) борьба с курением ведется подчас жесткими, можно сказать, силовыми методами: курильщиков не принимают на работу, лишают медицинской страховки... На столь мрачном фоне оригинальное предложение некоего Ван Чуна заставляет пролить слезу умиления. Вопиющая пепельница — вот что предлагает наивный изобретатель в качестве радикального средства борьбы с курением. Невинное с виду изделие сбоку имеет углубление, куда помещен спичечный коробок. Когда ничего не подозревающий человек хватается за спички, дабы употребить их по назначению, обнажается светочувствительный элемент — и сигнал поступает на микрочип со «звуковой программой». Сперва довольно долго раздается надсадный кашель хронического курильщика, затем приятный голос излагает информацию о никотине, одна капля которого... и т.п. Британское патентное ведомство отнеслось к новинке совершенно серьезно и зарегистрировало заявку, поступившую с далекого Тайваня.

Кто правит миром?

Некий Роберт О.Дин, 27 лет прослуживший в армии США, заявил на пресс-конференции, что ему удалось собрать целый коллектив генералов, адмиралов, космонавтов и астронавтов, которые готовы сорвать перед мировой общественностью покров тайны с проблемы НЛО... но их удерживает подписка о неразглашении космических секретов. Дело не сводится к изучению визитов внеземных гостей, подчеркнул он, тут вопрос куда значительнее и масштабнее, чем «какие-нибудь холодные войны и прочая мелочевка». Интересно, что в США ходят упорные слухи о закрытом правительственном полигоне в штате Нью-Мексико, где якобы очень долго велись исследовательские работы с участием пришельцев. Как бы там ни было, но Майкл Лакман, президент Нью-Йоркского центра по изучению НЛО, указывает на три вероятные причины молчания правительств различных стран. Первая: люди потеряли уважение к официальным лицам, если те признают, что намеренно

и последовательно обманывали народ. Вторая: перепуганное население может впасть в опасную, неконтролируемую панику. И третья: не исключено, что пришельцы уже правят миром — благодаря технике и знаниям, намного превосходящим земные!

Самый экономичный двигатель

Японская автомобильная фирма «Хонда», известная мощными моторами для гоночных машин NSX и Formula-1, удачно — хотя и несколько неожиданно — распорядилась своим богатым опытом. Новый двигатель, созданный «Хондой», работает на обедненной горючей смеси: сжигая меньше бензина при пониженной температуре горения, он, с одной стороны, экономит горючее, а с другой — сокращает выбросы опасных оксидов азота. Тяжело груженному фургону с новым мотором потребовалось на 100 км пути 5 л бензина в городе и 4,3 л на шоссе, что на 55% меньше обычного расхода. Пресса уже подарила экономичному творению «Хонды» гордое имя самого экологически чистого бензинового двигателя.

Второе открытие стекла

В «сверхбыстрой электронике», где вместо электронов работают фотоны, требуются материалы двух типов. Первым положено фокусировать пучки света, вторые же должны действовать как переключатели, пропуская световые лучи только определенной длины волны. Как выяснилось, эту логическую функцию может выполнять цветное стекло. Исследовательская команда Ричарда из университета Вандербилта (США), разработав высокоточную технологию ионной имплантации (внедрения ионов металлов), соединяет свойства прозрачного стекла и окрашивающего его металла. Создавая в стекле или природных кристаллах нанометрового размера металлические кластеры (скопления атомов) различной плотности и геометрии, ученые экспериментально проверяют свойства будущих «прозрачных реле». На сегодняшний день опробована имплантация золота, серебра, меди, свинца, висмута и платины в кварц, силикатное стекло, ниобат лития и кристаллы сапфира.

Уважаемые читатели!

В следующем году вы получите возможность познакомиться на страницах «Если» с материалами, подготовленными критико-информационным журналом по проблемам фантастики «Интеркомъ».

Многим любителям жанра этот журнал хорошо известен. «Интеркомъ» появился в 1991 году как российский аналог знаменитого американского критико-информационного и библиографического журнала «Locus». Издание было ориентировано на людей, которые серьезно интересуются фантастикой и желают иметь полное представление обо всех ее проблемах и поисках. «Интеркомъ» знакомил читателей с новыми книгами, рассказывал о тенденциях современной фантастики, течениях, направлениях, школах, представлял русских и зарубежных авторов, анализировал состояние отечественного книжного рынка, публиковал информацию о встречах писателей-фантастов и литературных премиях.

Однако, как и большинство периодических изданий, через два года «Интеркомъ» оказался в ситуации, когда доходы от реализации журнала стали покрывать лишь малую часть расходов на выпуск издания. Издательская отрасль переживает сейчас, может быть, самые тяжелые времена за всю свою историю. До недавнего времени убытки журнала компенсировал его главный спонсор — петербургское издательство «Terra Fantastica», однако сегодня оно уже не может себе этого позволить. Вместе с тем закрытие журнала лишило бы любителей жанра надежного источника информации о том, что происходит на рынке отечественной фантастики и в жизни российского фэндома.

Это побудило редакцию журнала «Если» предложить свои страницы для регулярного выхода «Интеркома» — один раз в квартал.

Как у каждого эксперимента, здесь есть и свои плюсы, и свои минусы. Для «Интеркома» минус в том, что журнал существенно «худеет» — до 16 журнальных страниц: таков объем каждого выпуска «Интеркома» в «Если». Плюс же в том, что журнал наконец-то получает возможность выходить регулярно, причем на гораздо более широкую аудиторию. Это, естественно, диктует и новые требования к содержанию и подбору материалов. Хотя надо отметить, что «Интеркомъ», сохранив определенную автономность, останется верен своей модели и своей логике. Но, учитывая специфику «Если», в «Интеркоме» будет больше, чем раньше, публикаций, посвященных зарубежной фантастике и западным авторам.

Для редакции журнала «Если» минус состоит в том, что в четырех номерах за год прозы и публицистики будет на 16 страниц меньше (правда, редакция постарается в этих номерах сократить количество именно публицистических и информационных материалов, так что литературная часть журнала почти не пострадает). Зато читатель «Если» получит редкую возможность следить за всеми новостями, сюжетами и событиями, которые происходят в отечественной и зарубежной фантастике, первымзнакомиться с книгами, подготовленными к выходу в свет.

В период между выпусками «Интеркома» критико-библиографический раздел будет представлен рубрикой «Система координат». Материалы под рубрикой «Personalia» вы по-прежнему найдете в каждом номере журнала.

Итак, «Интеркомъ» ждет читателей уже в январском номере «Если». До встречи!

**Андрей Чертков, редактор журнала «Интеркомъ»,
Александр Шалганов, редактор журнала «Если».**

& Вниманию подписчиков

Заканчивается подписка на газеты и журналы. Вынуждены напомнить об этом нашим читателям потому, что после окончания подписной кампании в редакцию начинают поступать письма с просьбой выслать журнал наложенным платежом, поскольку читатель не успел оформить подписку или не сумел этого сделать из-за финансовых затруднений. К сожалению, мы не имеем возможности заниматься рассылкой издания — в редакции нет подобной службы.

Что касается финансовых затруднений, то 18 тысяч за полугодие плюс надбавка за почтовые услуги — сумма, конечно, немалая. Однако при всем том «Если» остается одним из самых недорогих журналов. В этом вы можете убедиться сами, сравнив по каталогу Агентства подписки и розницы (АПР) цены на разные издания того же или даже меньшего объема.

К сожалению, эта цена действительна лишь для регионов 1-го пояса и некоторых других, где у «Если» массовая подписка (список областей дан в каталоге АПР), а вот читатели, к примеру, Новосибирска или Хабаровска вынуждены будут заплатить уже 27 тысяч. Объясняется это тем, что в структуре расходов экспедирование и доставка занимают сегодня ведущее место, опередив расходы на типографские услуги и бумагу вместе взятые. Ирастут они из месяца в месяц гораздо быстрее, чем все остальное. Причем, с каждой сотней километров цена экспедирования и доставки существенно возрастает.

Но не забывайте: подписчик в любом случае остается в выигрыше, ведь себестоимость издания вырастает за полугодие минимум в два раза.

В следующем полугодии мы надеемся нарушить невеселую традицию сдвоенных номеров журнала — 5-6 и 11-12. Если инфляция сохранит хотя бы нынешние темпы, то читатель получит полноценные шесть номеров — причем, в новом полиграфическом исполнении (первые шаги в этом направлении вы, наверное, успели заметить на примере двух последних выпусков журнала).

Журнал «Если» остается единственным периодическим изданием, которое знакомит читателей с новейшей зарубежной прозой. Вас ждут встречи с последними произведениями признанных мастеров. Вы откроете для себя и ряд новых имен, завоевавших признание на Западе, но до сих пор не известных отечественной аудитории. Редакция также планирует публикацию произведений современных русских авторов.

Индексы по каталогу Агентства подписки и розницы (стр. 13) — 73118 для одних регионов и 71825 для других.

Те, кто желает сверить прогнозы писателей с текущими событиями, кто хочет быть в курсе политической, экономической, культурной жизни, могут оформить подписку сразу на два издания по одному индексу — журнал «Если» и газету «Московские новости». Комплект обойдется читателям на 25% дешевле, чем общая стоимость двух изданий. Индексы комплектной подписки — в каталоге АПР (стр.9).

МАККЕННА, Ричард
(McKENNA, Richard)

Американский писатель, родился в 1913 г. До 40 лет прослужил во флоте. Уволившись, закончил университет Северной Каролины. Первый опубликованный рассказ — «Кэзи в главной роли» («Fantasy & Science Fiction», 1958 г.) дал название единственному его сборнику фантастических произведений. При жизни им было опубликовано всего лишь пять новелл, одна из которых — «Потаенное место» — завоевала «Небьюлу» в 1966 г. Еще шесть рассказов были опубликованы после смерти писателя, наступившей в 1964 г. Центральная тема его произведений — сила человеческого духа, преодолевающая обстоятельства и даже изменяющая законы природы. Несмотря на небольшое число написанных произведений, Ричард Маккенна внес значительный вклад в развитие фантастики, в первую очередь благодаря глубине затрагиваемых проблем и недюжинному литературному таланту.

ГАРРИСОН, Гарри

(см. биобиблиографическую справку в № 4 за 1993 г.)

Гарри Гаррисон:

«Я начал читать фантастику в возрасте семи лет, стал активным фэнмом в тринадцать (когда я написал первое письмо в фантастический журнал) и всегда оставался ее страстным поклонником. Тогда, в 50-е годы, Нью-Йорк был всемирным центром фантастики... В нем был клуб «Гидра», в котором сосредоточилась вся профессиональная и любительская деятельность, и я имел честь состоять членом этого клуба; впоследствии, волею судьбы, я достиг в нем поста президента... Там меня звали Гарри-Художник, потому что я рисовал обложки для книг и иллюстрации в журналы. Но на самом деле меня надо было звать Гарри-Фэн. Я упивался мечтами о славе...»

САЙМАК, Клиффорд

(см. биобиблиографическую справку в № 8 за 1993 г.)

Новелла «Зловещий кратер Тихо» — последнее из произведений Саймака «золотого периода», неизвестное русскому читателю. Название этого рассказа или небольшой повести (сам автор не дает ему жанрового определения) было известно отечественным

переводчикам и почитателям творчества великого мастера, однако оригинал найти никому не удавалось, поскольку автор включил его в свой сборник один - единственный раз. Не удалось это и представителю журнала «Если» в Нью-Йорке. Разыскал оригинал редактор издательства «Полярис» Андрей Новиков. Редакция благодарит издательство «Полярис» за возможность познакомиться читателям «Если» с этим произведением.

СПИГРАД, Норман

(см. биобиблиографическую справку в № 10 за 1993 г.)

Отечественные читатели знакомы с Норманом Спиградом по последнему его роману «Русская весна» (1991 г.) и несколькими рассказами, опубликованным главным образом в «Если». Однако почти все его романы, опубликованные на Западе, а их около десятка, вызвали эффект разорвавшейся бомбы: темы, к которым обращался автор, эпатировали общественное мнение. Так, «Жучок Джек Баррон» (1969 г.) вызвал в свое время целую бурю в США, и особенно в Великобритании, где даже было запрещено продавать роман, дабы не вызвать «смятения умов».

«Железная мечта» (1972 г.) — литературная мистификация, книга, которая представляет читателю новоявленного писателя-фантаста... Адольфа Гитлера. Спиград выступает здесь от лица биографа и критика Гитлера-фантаста: описывает литературную и светскую жизнь писателя, а также широко «цитирует» один из его романов, героическую фантазию «Повелитель свастики», где отчетливо воплощены сокровенные желания «автора». При всей его литературной убогости (этот роман блестяще воссоздан Спиградом со всеми его фантастическими штампами) он становится почему-то страшно популярным в нынешней Германии...

РОБИНСОН, Ким Стэнли
(Robinson, Kim Stanley)

Родился в 1952 г.; еще будучи студентом, опубликовал свои первые рассказы — «Возвращаясь в Диксилэнд» и «В оркестре Пирсона» (сборник «Orbit 18», изданный Д. Найтом в 1975 г.). Защитил диссертацию по творчеству Филиппа Дика. До 1984 г. публиковал лишь рассказы, один из которых — «Черный воздух» — завоевал

Всемирную премию по фэнтези в 1983 г. Широкое внимание Ким Стэнли Робинсон привлек своим дебютным романом «Дикий берег» (1984 г.), явившимся впоследствии первым произведением трилогии «Оранжевое Графство». Каждый роман трилогии представляет собой альтернативную версию жизни Графства в одно и то же время, различаются лишь декорации: мир после глобальной катастрофы («Дикий берег»), антиутопия («Золотое побережье», 1988 г.) и утопия («Тихоокеанский край», 1990 г.). В целом трилогия получила весьма лестные отзывы критиков. Помимо этой трилогии, у Робинсона вышло несколько отдельных романов («Айскендж», 1984 г., «Побег из Катманду», 1989 г., и др.) а также ряд сборников рассказов и повестей. Лучшей повестью автора критики считают повесть «Слепой геометр», завоевавшую в 1987 г. премию «Небьюла». Сейчас Робинсон заканчивает работу над поистине грандиозным проектом — трилогией «Марс» о грядущем завоевании «красной планеты». Первый роман трилогии «Красный Марс» (опубликован в 1992 г.) — завоевал «Небьюлу», второй — «Зеленый Марс» — издан в начале 1994 г. Робинсон заслуженно считается лидером «гуманистического направления» в фантастике и одним из наиболее талантливых писателей нашего времени.

ФИЛЛИПС, Питер
(Phillips, Peter)

Британский журналист, родился в 1921 году. Известно о нем очень немного. В сороковых и пятидесятых годах печатал рассказы в американских журналах фантастики и английском «New Worlds». Рассказ «Сны — дело святое», опубликованный в кэмпбелловском «Astounding Science Fiction» в 1948 году, единственное произведение Филлипса, пережившее свое время. Именно благодаря ему Филлипс удостоился отдельной статьи в «Энциклопедии НФ» Питера Николса (в редакции 1979 года), хотя своего сборника так и не издал. После 1958 года не появилось ни одного нового произведения Филлипса. Зато рассказ «Сны — дело святое» многократно переиздавался в составе различных антологий и ныне считается классическим.

Подготовил Андрей ЖЕВЛАКОВ

1994

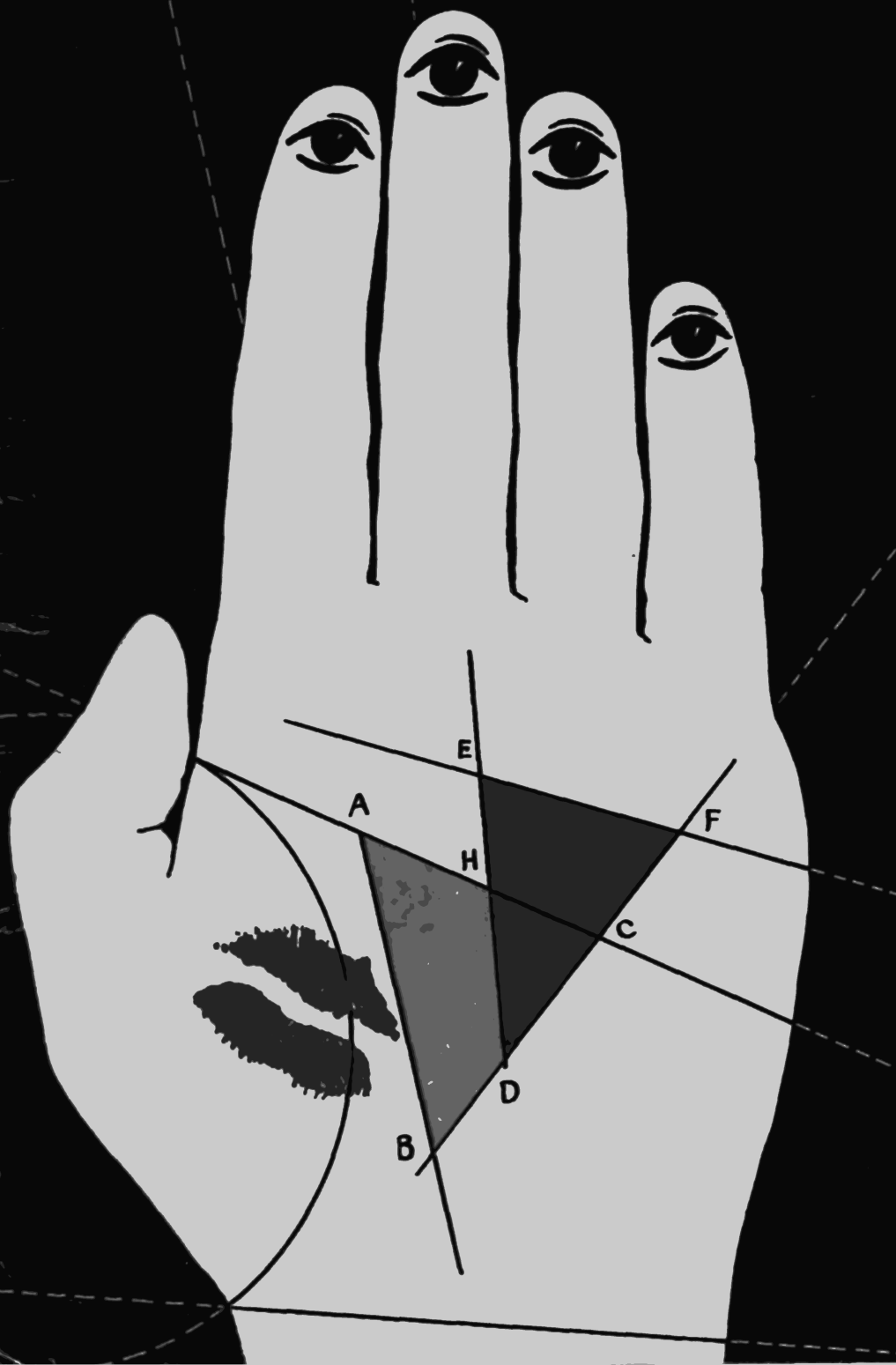
ЕСИ

ЖУРНАЛ

ФАНТАСТИКИ

&

ФУТУРОЛОГИИ

В
Н
О
М
Е
Р
Е**ГАРРИ ГАРРИСОН***КАПИТАН
БОРК***КЛИФФОРД САЙМАК***ЗЛОВЕЩИЙ
КРАТЕР
ТИХО***НОРМАН СПИГРАД***СХВАТКА***ПИТЕР ФИЛЛИПС***СОН —
ДЕЛО СВЯТОЕ*

10

ИЗДАТЕЛЬ
«МОСКОВСКИЕ НОВОСТИ»